
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Шабага Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры ТИМО РУДН — *главный редактор серии*

Дегтерев Денис Андреевич — кандидат экономических наук, зав. кафедрой ТИМО РУДН — *заместитель главного редактора*

Курылев Константин Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры ТИМО РУДН — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Бажанов Евгений Петрович — доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России

Карпович Олег Геннадьевич — доктор политических наук, доктор юридических наук, руководитель Центра сравнительно-правовых исследований Института США и Канады РАН

Ларионова Марина Владимировна — доктор политических наук, директор Института международных организаций и международного сотрудничества (ИМОМС), профессор кафедры международных экономических организаций и европейской интеграции НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, заведующий отделом стран Юго-Восточной Азии, заместитель директора Института Востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Протопопов Анатолий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры ТИМО РУДН

Сапронова Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитуни Леонид Леонидович — доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович — заведующий кафедрой региональных исследований Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Аглян Ваагн Робертович — заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин — профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Джованнетти Джорджия — профессор Университета Флоренции, Италия

Ван Гуанчжэнь — профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китайская Народная Республика

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза — профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс — профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова (Петрунько) Оксана — Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки — профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию

EDITORIAL BOARD

Series INTERNATIONAL RELATIONS

Shabaga Andrey Vladimirovich — Doctor, Professor of the Department of theory and history of international relations — *Editor-in-Chief of the series*

Degterev Denis Andreevich — Phd, Head of the Department of theory and history of international relations — *Deputy Editor*

Kurylev Konstantin Petrovich — Phd, Associate professor of the Department of theory and history of international relations — *Executive Secretary of the Editorial Board*

Members of the Editorial Board

Bazhanov Eugene Petrovich — Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Karpovich Oleg Gennadevich — Doctor, Head of the Center for Comparative Legal Studies of the Institute for the USA and Canada, Russian Academy of Sciences

Larionova Marina Vladimirovna — Doctor, director of the Institute of International Organizations and International Cooperation, Professor of the Department of International Economic Organizations and European Integration of National Research University Higher School of Economics

Mosyakov Dmitry Valentinovich — Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich — Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Protopopov Anatoly Sergeevich — Doctor, Professor of the Department of theory and history of international relations of Peoples' Friendship University of Russia

Sapronova Marina Anatolievna — Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO — University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich — Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich — Doctor, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkhanovich — Head of the Department for Regional Studies of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich — Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin — Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Giovannetti Giorgia — Professor of University of Florence, Italy

Wang Guangzhen — professor of the School of History and Culture in Shandong University, People's Republic of China

Gutierrez Del Cid Ana Teresa — Professor of International Relations at Metropolitan autonomous university, Mexico

Kochler Hans — Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova (Petrunko) Oksana — Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki — Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Июнь 2016, Том 16, № 2

Серия издается с 2001 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ

АФРИКА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Юртаев В.И.** БРИКС: вызовы сотрудничества на африканском континенте 191
- Корендясов Е.Н.** Российско-африканские отношения на новом старте 203
- Хассимиу Б.** Новая Большая игра западных держав в регионе Сахеля 215
- Усов В.А.** Африканская политика Дели и индийские общины в странах Африки: современное состояние 226
- Ндакисса Онкасса** Внешняя политика Габонской Республики: новые приоритеты и задачи 236
- Тшиака О.В.** Двадцатилетие Содружества португалоязычных стран: итоги и перспективы 246

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Пonomарев Н.В.** Формирование глобальной энергетической стратегии США в 1991—2015 гг. 255

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Морумбаси К., Амухайя К.** Сетевой анализ терроризма в Африке: последствия для Кении 265

Бокерия С.А., Омо-Огбебор Д.О. Боко Харам: новые вызовы и угрозы безопасности в Западной Африке	274
Бакаре И.А. Мягкая сила как инструмент борьбы с международным терроризмом: на примере Боко Харам (Нигерия)	285

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Кулькова О.С., Сануси Х.А. Прошлое и настоящее российско-ганских отношений: партнерство, проверенное временем	296
Маилян Б.В. Основные тенденции внешнеполитического курса Грузии и некоторые аспекты ее сотрудничества с Китайской Народной Республикой	311
Сагиндиков Р.Е. Международное значение сотрудничества России и Казахстана по использованию космодрома «Байконур»	323

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Россия — Африка: Клондайк взаимодействия. Интервью с Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН)	334
Международные исследования в Африке. Интервью с проф. Натуге О. Игхо (Нигерия)	350

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ян Сумэй Казаки в истории российско-китайских отношений (XVII в. — 1920 г.)	354
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Асматуллин Р.Р. Страны Африки к югу от Сахары на мировом образовательном рынке: роль ЮАР	365
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Ныгусие Кассе В. Микаэль. Рецензия на монографию О. Иго Натуге «Russian foreign policy: in search of lost influence»	375
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	378
--------------------------	-----

ОТ РЕДАКЦИИ	382
--------------------------	-----

VESTNIK RUDN

PERIODICAL

RUDN University

First published 1993

Series

INTERNATIONAL RELATIONS

June 2016, Vol. 16, Number 2

Series founded in 2001

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

AFRICA IN INTERNATIONAL RELATIONS

Yurtaev V.I. BRICS: challenges of cooperation on the African continent	191
Korendyasov E.N. The new start for Russian-African relations	203
Hassimiu B. New Great Game of the Western powers in the Sahel region	215
Usov V.A. African policy of Delhi and Indian community in Africa: current status	226
Ndakissa Onkassa F.Ch. The foreign policy of the Gabonese Republic: new priorities and challenges	236
Chiaka O.V. Twenty years of the Community of Portuguese Speaking Countries (CPLP): results and prospects	246

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Ponomarev N.V. Formation of the US global energy strategy in 1991—2015	255
---	-----

PEACE AND SECURITY

Morumbasi K., Amuhaya C. A networks analysis of terrorism in Africa: implications for Kenya	265
--	-----

Bokeriya S.A., Omo-Ogbebor D.O. Boko Haram: a new paradigm to West Africa security challenges	274
Bakare I.A. Soft power as a means of fighting international terrorism: a case study of Nigeria's "Boko Haram"	285
BILATERAL RELATIONS	
Kulkova O.S., Sanusi H.A. Russia-Ghana relations in the past and the present: a time-proven partnership	296
Mailyan B.V. Main trends of foreign policy of Georgia and some aspects of its cooperation with the People's Republic of China	311
Sagindikov R.E. International importance of cooperation of Russia and Kazakhstan in use of "Baikonur" cosmodrome	323
SCIENTIFIC SCHOOLS	
Russia — Africa. Klondike of Interaction. Interview with Leonid L. Fituni , Institute of African Studies	334
International Studies in Africa. Interview with Prof. O. Igho Natufe, Nigeria	350
HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS	
Yang Sumei The cossacks in history of Russian-Chinese relations (XVII — 1920)	354
INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION	
Asmyatullin R.R. Sub-Saharan Africa at the global education market: role of South Africa	365
REVIEWS	
Nigusie Kassae B. Mikael Review of the book: Natufe Igho, 2015. "Russian foreign policy: in search of lost influence"	375
OUR AUTHORS	380
EDITORIAL	382

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ

Африка в системе международных отношений

БРИКС: ВЫЗОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

В.И. Юртаев

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Происходящая смена парадигмы развития как самого ядра мировой экономики, так и ее периферии, оказывающейся заложником ограниченности финансовых ресурсов, актуализирует задачу осмысления происходящих процессов, особенно с участием Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР (БРИКС), ищущих новые форматы вхождения в мировую политику. Актуальной является и проблема соотношения возникшей в условиях глобализации мировой экономики в конце XX в. монополярной структуры мировой экономической системы с процессами формирования новых центров мировой экономической мощи, в том числе — в Африке, под воздействием выхода на мировую арену Китая и других стран БРИКС, исчезновения так называемого «второго мира», смягчения противостояния «Восток—Запад» в контексте сотрудничества по линии «Юг—Юг» и нарастания противоречий по оси «Север—Юг».

Страны Африки в начале второй декады третьего тысячелетия все заметнее втягиваются в процесс глобализации, знаки которой можно найти повсюду на африканском континенте. Прежде всего, следует обратить внимание на заметно возросшую динамику политического процесса, особенно в Северной Африке, где под влиянием «арабской весны» проявились масштабы и глубина произошедшей трансформации социально-политического контекста, четче обозначились цивилизационные разломы и перспективные сценарии развития. Созвучно новым вызовам в центре внимания в Африке оказались вопросы региональной интеграции, ведется поиск путей решения глобальных проблем человечества в Африке (бедность, голод, болезни, беженцы и др.), разрабатываются новые форматы взаимодействия государств в интересах эффективного развития. Возможно, что в столь динамичной и турбулентной социально-политической и экономической ситуации именно региональный вектор взаимодействия и интеррегиональное международное сотрудничество (в рамках БРИКС и др.) станут той основой, на которой будет сформирована перспективная стратегия экономического развития для африканских стран, придавая ему тройное измерение: глобальное, региональное и локальное.

Практически значимым является формирование Повестки дня БРИКС для Африки в рамках деятельности Объединения БРИКС как стратегии включения Африканского региона в процесс реформирования мирового порядка в условиях глобализации.

Ключевые слова: БРИКС, Африка, ЮАР, сопряженные регионы, интеграция, Повестки дня БРИКС для Африки

Африка занимает особое место в политике нацеленного на реализацию значимых инвестиционных проектов развития Объединения БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР; БРИКС), поскольку это первый регион мира по запасам природных ресурсов и второй — по темпам роста, который традиционно находится в фокусе внимания ведущих мировых держав. Это также молодежный континент, где проживает более 1 миллиарда человек населения, что в условиях турбулентности политической ситуации в Африке ставит под вопрос возможность реализации любых планов по устойчивому развитию не только Африканского, но и соседних регионов — Европы и Азии.

За 56 лет, прошедших с момента принятия «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» (1960), новые африканские государства прошли непростой путь государственного строительства, кризисов и конфликтов в безуспешной пока попытке воплотить в жизнь извечную мечту о всеафриканском мире и процветании. То, в чем нуждается сегодня Африка, — это модель сотрудничества, которая противостоит модели помощи, являющейся неэффективной. Поэтому практически значимым является формирование Повестки дня БРИКС для Африки в рамках деятельности Объединения БРИКС как стратегии полноценного взаимодействия с Африканским регионом в условиях глобализации.

В начале XXI в. на фоне утверждения регионального подхода при формировании глобальных программ развития для африканского континента (программа НЕПАД — Сотрудничество в целях развития Африки, 2001 г.), заметно расширилась география стратегических игроков на рынках африканских стран. Были сформированы «стратегические партнерства» Африки с Европейским Союзом, США, Китаем, Индией; активно развивали сотрудничество на африканском континенте нефтедобывающие страны Юго-Западной Азии (Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия), быстро растущие экономики Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Чили и др.), страны Юго-Восточной Азии, а также Россия. Результатом поисков новых подходов к Африке стала инициатива Европейского Союза о формировании треугольника «Индия — Африка — ЕС», что отразило тенденцию к превращению Африки в арену трансляции прямых интересов США и стран Европейского Союза.

Традиционные главные партнеры африканских государств (США, Британия, Франция, ЕС) и новые страны-лидеры (Китай, Индия, Бразилия) стремились укрепить и расширить свои позиции в регионе, включить африканские экономики в глобальные сети движения капитала и транснационального экономического партнерства. Африка с ее огромными запасами минерального и энергетического сырья становится ключевым звеном глобального ресурсообеспечения. Это обусловило усиление конкуренции ведущих стран мира за доступ к африканскому геоэкономическому пространству, за контроль над ним и главными рычагами его развития.

В целом, современная Африка стремительно втягивалась в круг стратегических партнеров лидеров мировой цивилизации. При этом все очевиднее проявлялась потребность выработки новых решений и подходов в условиях, когда к традиционным, так и нерешенным за более чем полвека проблемам (конфликты, кор-

рупция, экономическое отставание, низкое качество управления, бедность, голод, болезни, беженцы и др.) добавились вызовы развития в условиях глобализации, отягощенные влиянием мирового финансово-экономического кризиса. Тем самым перед политиками и учеными был поставлен вопрос о том, какой новый алгоритм взаимодействия для эффективного решения проблем, связанных с бедностью и неграмотностью, с развитием и демократизацией, с мирным урегулированием конфликтов может быть реализован в Африке. Созвучно с этими вызовами в центре экспертного внимания в Африке оказались вопросы безопасности и противодействия международному терроризму, поиска новых путей решения глобальных проблем человечества в Африке, региональной интеграции и разработки новых моделей взаимодействия государств в интересах эффективного развития в условиях глобализации. Выход на первый план проблем обеспечения безопасности не был случайностью.

Здесь прежде всего следует обратить внимание на заметно возросшую динамику политического процесса, особенно в Северной Африке, где под влиянием «арабской весны» проявились масштабы и глубина произошедшей в XX в. трансформации социально-политического и культурного контекста, четче обозначились цивилизационные разломы. С 2011 г. волна революций, получившая название «арабская весна», прокатилась по Северной Африке подобно цунами, сметая здесь стабильность и безопасность, грозя захлестнуть и страны Африки южнее Сахары. Возможно, что к началу 2010-х гг. завершился большой этап постколониального становления Африки, что и ознаменовалось турбулентностью политической ситуации, первоначально — в ряде стран Севера Африки. Катализатором этих событий стала проявившаяся в 2008—2009 гг. глобальная неустойчивость мировой экономики.

В результате в регионе Северной Африки драматично обозначился развал общества как устойчивой динамической системы и просто нормальной среды обитания людей, социальные потрясения затронули Тунис, Египет, Алжир, Судан, Ливию. Произошедшая в этих странах хаотизация (Алжир, Ливия) и реструктуризация (Египет, Судан) политического пространства поставила под сомнение устойчивость всей системы международных отношений в регионе Северной Африки и перспективы регионального сотрудничества.

В этих условиях вновь заявил о себе исламский фактор в политике. Повсеместно в арабских странах Севера Африки, особенно в Египте, наблюдался выход ислама на авансцену политической жизни. Становление Исламского государства (запрещенного в России; ИГ) как глобальной сетевой организации существенно изменило ландшафт мирового исламского сообщества, создав угрозу распространения радикального исламизма по всему миру, создания ими глобального фронта без границ. Гражданская война стала реальностью для Мали и угрожает Нигерии и ряду других государств. Север африканского континента в середине 2010-х гг. по сути занят решением проблемы противостояния радикальной исламизации, что в свою очередь стало реакцией на попытку радикальной демократизации региона в предшествовавший исторический период.

Выражая глубокую озабоченность в связи с распространением нестабильности из Северной Африки, страны БРИКС поддержали усилия международного

сообщества, Африканского союза (АС), Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), направленные на восстановление суверенитета и территориальной целостности Мали, а также мира, безопасности и стабильности в Демократической Республике Конго (ДРК).

Ответом на «запрос» по преодолению сбоев глобального управления стал существенный рост внимания БРИКС к политическим вопросам и вопросам безопасности. Присутствие БРИКС придало глобальное измерение реализуемым африканским инициативам, создавая баланс традиционному верховенству в Африке стран Запада. Юг африканского континента на этом фоне все заметнее олицетворял собой пространство стабильности и развития, несмотря на схожие вызовы, хотя здесь это стало следствием, прежде всего, демонтажа режима апартеида на Юге Африки и в меньшей степени — уже обозначившихся цивилизационных разломов.

Говоря о Юге Африки и странах, победивших колониализм и апартеид, нельзя не сказать о человеке, посвятившем этой борьбе свою жизнь. «Свобода. Семья. Будущее» — этими тремя словами вошел в историю Африки и всего мира выдающийся государственный и политический деятель африканского континента, борец за права человека в период существования апартеида в Южно-Африканской Республике (ЮАР), первый темнокожий Президент ЮАР Нельсон Мандела (1918—2013 гг.) [Понька, Пономаренко 2014]. Окончание войн за освобождение Юга Африки стало важной вехой в истории деколонизации континента. Освобождение Зимбабве, Намибии, а также демократизация ЮАР зародили надежду на мирное развитие и прогресс Африки.

На Юге Африки продолжилось становление открытого международного партнерства БРИКС, создание которого отразило глубокую вовлеченность Африки в процесс моделирования нового мира. Как отметил А.И. Салицкий, суть БРИКС как своего рода «негативного консенсуса» (Р. Бауманн) заключается в коллективном отторжении монополярного мира, складывавшегося, как казалось многим, на рубеже столетий: «Крупные страны периферии и полупериферии оказались не готовыми к слишком сильной зависимости от ядра (*too big to depend*) — и политически, и экономически. Ядро же не обнаружило достаточных интеграционных возможностей, возможно, не случайно повернувшись к насилию (Югославия, 1999)» [Салицкий 2014].

Отмечаемый устойчивый прогресс группы стран Южной Африки, прежде всего — ЮАР, позволил говорить о Юге Африки как новом, пока весьма противоречивом, ресурсе глобальных влияний и идей. Особый вес этому выводу придает активное участие ЮАР в деятельности Объединения БРИКС, которое выступает в том числе как пятерка лидеров за вхождение в глобализацию в возникающих самостоятельных подсистемах глобальной организации труда. Действительно, ведь каждая из стран БРИКС является неотъемлемой частью сопряженных региональных рынков (Восточная и Южная Азия, Южная Африка и Африканский регион в целом, Латинская Америка, Северная и Центральная Евразия) и соответствующих геополитических пространств. Заметим, что именно здесь, в регионах и на локальном уровне, сегодня наиболее остро проявляется глобальная конкуренция [Yurtaev 2014].

В целом, можно сказать (не умаляя значимости собственного развития стран), что в ближне- и среднесрочной перспективе фокус глобального многостороннего сотрудничества для всех стран БРИКС более всего будет направлен на сопряженные с ними регионы. Исходя из логики развития процесса глобализации такое сотрудничество должно иметь тройное измерение: глобальное, региональное и локальное. Только в этом случае БРИКС действительно становится рабочим инструментом глобализации. В рамках такого подхода регионализация получает глобальное прочтение и возникает новое качество отношений во внешних контактах стран БРИКС.

БРИКС выступает в сопряженных регионах как пятерка лидеров за вхождение в глобализацию в возникающих самостоятельных подсистемах международной организации труда («мыслить глобально — действовать локально»). В сфере международных отношений подобный экономический регионализм открывает двери к добрососедству, определяя логику новой дипломатии (основание экономическое, управление политическое). В сфере экономики в сопряженных регионах деятельность «пятерки» должна быть нацелена на решение задач формирования торговой, экономической, финансовой, инновационной, гуманитарной и международной инфраструктуры регионального сотрудничества как основы для интеррегионального партнерства под зонтиком БРИКС. И здесь важно увидеть новый подход к соседям — малым региональным партнерам — взаимодействие, основанное на потенциале взаимодополняемости экономик стран БРИКС [Yurtaev 2014].

Как отмечали эксперты, в этой ситуации одним из важнейших приоритетов для ЮАР стало «обеспечение благоприятного внешнего окружения для стабильного экономического развития страны. А ближайшее внешнее окружение для этой страны — это Африканский континент» [Шагалов 2014: 6]. К такому выводу можно прийти, например, если исходить из логики ответственности ЮАР за реализацию ряда масштабных проектов под эгидой Африканского союза и, прежде всего, за панафриканский транспортный коридор «Север—Юг» (железная дорога, соединяющая Каир и Кейптаун). Индустриализация, мир и безопасность — вот что нужно Африке, и не случайно участвующий в БРИКС Китай готов реализовать проект строительства скоростной железной дороги, которая связала бы между собой столицы ведущих стран Африки¹. Региональное измерение для ЮАР связано с государствами Сообщества развития Юга Африки (САДК). В определениях Делового совета БРИКС для ЮАР были названы следующие страны-приоритеты, исходя из сложившихся реалий двусторонних отношений и являющихся членами САДК: Ангола, Ботсвана, ДРК, Лесото, Мадагаскар, Малави, Мозамбик, Маврикий, Намибия, Сейшельские острова, Свазиленд, Танзания, Замбия, Зимбабве².

¹ Китай поможет построить скоростную железную дорогу через всю Африку. URL: <https://lenta.ru/news/2014/05/08/transafrican/> (дата обращения: 12.04.2016).

² The BRICS Business Council Infrastructure Working Group report. 23 May 2014. Available at: file:///C:/Users/%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80/Downloads/Final_Infrastructure_Working_Group_Written_Report_23_May_2014.pdf (date of access: 14.06.2016).

В данной непростой ситуации, как представляется, именно БРИКС должен стать пионером новой модели сотрудничества, призванной быть катализатором новой модели интеграционных процессов в Африке, в основу которой будет положен найденный на саммите в ЮАР принцип одновременного финансирования проектов в ряде стран, а не в одной отдельно взятой стране¹ [Новое направление 2014]. «Локомотивом» роста в Африке мог бы стать ее южный регион. И здесь необходим мощный старт и уже проявленная политическая воля.

Африканская повестка дня впервые стала реальностью на саммите в Дурбане в 2013 г., когда в формате «outreach» состоялась встреча лидеров ряда африканских стран с руководителями стран БРИКС. Специальные решения по Африке были включены в текст Этеквинской декларации. Как отмечалось, «благодаря сотрудничеству с БРИКС африканским странам удалось выйти из рамок глобализации по западному образцу, освободиться от диктата финансовых институтов, контролируемых Западом и навязывающих определенные модели взаимодействия» [Кулькова 2015: 59].

На Саммит президент ЮАР Джейкоб Зума пригласил президентов 15-ти африканских стран. В работе Саммита приняли участие также руководящие работники Африканского Союза и Нового партнерства в интересах развития Африки «НЕПАД», представители субрегиональных организаций континента.

В Этеквинской декларации БРИКС (ЮАР, 2013 г.) вопросам регионального экономического развития на африканском континенте был посвящен ряд статей, например: региональная интеграция для устойчивого роста, развития и ликвидации нищеты в Африке (ст. 4), устойчивое развитие инфраструктуры в Африке (ст. 5), процесс индустриализации (ст. 5), многосторонние соглашения о софинансировании инфраструктуры в Африке (ст. 12), конфликты и угроза суверенитету и территориальной целостности стран и регионов, нестабильность в Африке, нерегулированность Ближневосточного мирного процесса, восстановление суверенитета и территориальной целостности Мали, ухудшение ситуации в ЦАР, нестабильность в Д.Р. Конго (ст. 24—32)².

С принятием на Уфимском саммите (Россия, 2015 г.) ряда принципиальных документов завершился этап концептуальной проработки оснований сотрудничества и определены главные цели и приоритеты деятельности Объединения БРИКС на долговременную перспективу. В Уфимской декларации³ было подчеркнута «первостепенное значение высшего образования и научных исследований», отмечена прямая «взаимосвязь между инвестициями в образование, развитием чело-

¹ BRICS Business Council financial services Working group written Report on item 5.1 submission to the BRICS Business Council // Available at: <http://brics.tpprf.ru/ru/minutes/> (date of access: 14.06.2016).

² V BRICS Summit EtheKwini Declaraton, Durban, South Africa, March 27, 2013. Available at: <http://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (date of access: 20.05.2016).

³ VII BRICS Summit Ufa Declaration, Ufa, the Russian Federation, 9 July 2015. Available at: http://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/559e/7a9a/6272/6943/0821/0000/original/VII_BRICS_SUMMIT_-_UFA_DECLARATION_JULY_9_2015_UFA_RUSSIA.pdf?1436449434 (date of access: 20.05.2016).

веческого капитала и приростом экономических показателей». И в этом контексте лидеры стран — участниц БРИКС заявили о своей поддержке независимых инициатив по учреждению Сетевого университета БРИКС и Лиги университетов БРИКС» (ст. 63 Уфимской декларации).

Таким образом, поставленная на Саммите БРИКС в Бразилии (2014 г.) задача создания Сетевого университета БРИКС (СУ БРИКС, BRICS Network University) как одного из ключевых проектов формируемой образовательной платформы сотрудничества получила свое решение.

Подчеркнем особую значимость для Африки реализации масштабных образовательных проектов, поскольку решение экономических, и соответственно экологических проблем развития Африки, как и всех регионов мира, лежит в конечном счете в области духовного поиска. Вызовы современного видения устойчивого развития мира должны преодолеваются поиском новых моделей совместной жизнедеятельности человечества [Юртаев 2016].

Принятая в Уфе «Стратегия экономического партнерства БРИКС»¹ стала первым экономическим документом Объединения, что позволило начать работу над формированием Дорожной карты торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества до 2020 г. Как отметил заместитель министра А.Е. Лихачев на Деловом форуме БРИКС в Санкт-Петербурге, проводившемся в рамках XX Санкт-Петербургского экономического форума: «Более 50 российских проектов включено в драфт документа. Очень надеюсь, что деловое сообщество из стран-партнеров примет активное участие в формировании этой дорожной карты»². Согласование проектной деятельности стран БРИКС и функциональная готовность Нового банка развития открывают реальную возможность уже в 2017 г. начать реализацию заявленных целей Объединения в области экономического развития. Инвестиции определяют перспективы роста, и очень важно, что теперь страны БРИКС могут использовать свой совокупный потенциал для реализации самых амбициозных планов развития.

В российском проекте Дорожной карты по реализации Стратегии экономического партнерства БРИКС были предложены такие области и направления проектного сотрудничества, как энергетика и охрана окружающей среды; обрабатывающая и добывающая промышленность, машиностроение; сельское хозяйство; транспорт и логистика; высокотехнологичное производство, информационные и телекоммуникационные технологии; наука и технологии; развитие человеческого потенциала; страхование и рейтинговая деятельность; устранение избыточных административных барьеров³.

¹ The Strategy for BRICS Economic Partnership, 2015. Available at: http://www.brics.mid.ru/bdcomp/brics.nsf/Ufa_partnershipstrategy_eng.pdf (date of access: 23.06.2016).

² Лихачев Алексей: Развитие всех видов дистанционных торгово-экономических отношений играет ключевую роль в БРИКС. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depasiaafrica/2016061602> (дата обращения: 20.05.2016).

³ Дорожная карта торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества БРИКС на период до 2020 года. Roadmap of Trade and Investment cooperation of BRICS fo 2020. Проект.

Следует отметить очень важную особенность предлагаемых проектов. Будучи ориентированными на совместную реализацию всеми странами БРИКС, эти проекты изначально должны быть достаточно статусными, инновационными и регионально-глобальными. К числу таких проектов относятся идеи о создании, например, Энергетической ассоциации БРИКС, призванной решать вопросы содействия сотрудничеству стран БРИКС в сфере современных энергетических технологий, возобновляемых источников энергии и экологии. Россия, как отвечающая за водные ресурсы в рамках БРИКС, готова к реализации совместных проектов по экологической реабилитации водных объектов, строительству регулирующих гидротехнических сооружений, развитию технологий водосбережения, водоподготовки и очистки вод; предотвращению негативного воздействия вод.

Перспективным видится диалог в области авиастроения (проект самолета МС-21, организация поставок перспективных типов гражданской вертолетной техники, проработка и реализация проектов сотрудничества в сфере НИОКР и производственной кооперации, поставка пассажирских и грузовых самолетов семейства Ту-204/Ту-204СМ/Ту-214).

Для развития сельского хозяйства, транспорта и логистики возможно использование технологий ГЛОНАСС/GPS при создании единой централизованной системы управления транспортом, включая все виды городского транспорта и автоматизированной системы управления грузовыми и пассажирскими перевозками всеми видами транспорта (ж/д, авиа- и автотранспортом, морским, канатными дорогами).

Мощный интеграционный потенциал имеет предложение о создании Центра подготовки специалистов для металлургической отрасли стран БРИКС и международного молодежного нефтегазового бизнес-инкубатора стран БРИКС и ШОС. Реализация проекта по созданию совместимых комплексных телемедицинских систем (КТС) в странах БРИКС дает выход на создание единой системы общедоступного, качественного медицинского и социального обслуживания граждан, независимо от их места жительства и социального положения; создание рабочих мест для высококвалифицированного технического и медицинского персонала.

Кроме того, в процессе обсуждения находились такие масштабные проекты для развития Африки, как прокладка подводного интернет-кабеля по трассе Владивосток — Шаньтоу — Сингапур — Ченнаи — Маврикий — Кейптаун — Форталеза — Майами; сотрудничество в таких областях, как астрономия, радиоастрономия, радиофизика, исследование космоса и биотехнологии, лазерные технологии, биоэнергетическая химия и энергетика, ядерная физика; участие в строительстве радиотелескопа Meer KAT на мысе Карнарвон в Южной Африке; строительство солнечных электростанций и развитие возобновляемой энергетики [Усов 2016: 136—137; 12]; необходимость организации Бизнес-форума Россия — Африка и др. [Abramova 2016].

В преддверии реализации столь амбициозной программы проектной деятельности по обустройству БРИКС и солидарных с ним стран Африки актуальной задачей для ученых и руководителей современной Африки и стран БРИКС является

разработка и реализация стратегии гармонизации отношений Африканского региона с окружающим миром. Одним из ключевых элементов данной стратегии должно стать преобразование африканской специфичности в преимущество для участия в процессах глобального развития. В поисках секретов подлинной независимости важно не только определить новые направления и цели развития. Надо соотнести их с глубинными ценностными основаниями африканской цивилизации, такими, например, как «человечность», «совместность», «солидарность», «единение» — все эти смыслы входят, например, в понятие «*убунту*» на языках зулу и коса. Африка и все проживающие на ее территории народы должны ощутить себя одной семьей, в которой высшей ценностью является жизнь ради общего блага [Юртаев 2016].

В заключение отметим, что возможно, начинается новый этап мировой политики на африканском направлении, когда Африка вновь окажется в фокусе внимания человечества, как это было не раз в истории. Напомним, что в 1958 г., накануне освобождения Африки, состоялась целая серия ставших первыми в последующем ряду международных конференций и впервые были учреждены важные специальные институты для Африки (Экономическая комиссия ООН по Африке и др.). Главную роль в этом сыграли восемь тогда уже независимых африканских государств. В результате, впервые в современной истории, мир увидел Африку, говорящую от своего собственного имени.

Это дало основание назвать 1958-й год поворотной точкой в присутствии Африки в международных отношениях, когда на сцене появилась «новая сила в африканской истории — сила африканцев, более выступающих в мировых советах от своего имени, чем полагающихся на голоса внешних сил» [McKay 1963: 340].

Появление международного концепта «БРИКС» стало ответом на вызовы глобализации в условиях нарастания кризиса мира модерна. Актуальной международной задачей является разработка Повестки дня БРИКС для Африки (BRICS Agenda for Africa), что позволит создать концептуальную основу для взаимодействия между странами-участницами, в число которых входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР по разработке модели эффективного партнерства в сопряженном регионе. От включенности Африки в набирающий скорость процесс глобальных изменений зависит, как представляется, будущее всего человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кулькова О.С. проблемы сотрудничества ЕС — БРИКС в мире и Африке глазами европейских исследователей и экспертов // БРИКС в год Седьмого саммита: фокус на Африку. Отв. ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясов. М.: ИАФР РАН. 2015, сс. 52—62.

Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики — взаимодействие в БРИКС. Коллективная монография. Отв. ред. С.П. Глинкин. М.: Ин-т экономики РАН. 2014.

Понька Т.И., Пономаренко Л.В. Нельсон Мандела: «Мой идеал — демократическое, свободное общество...» // Африка: слагаемые современного развития: Ежегодник-2014 сб. статей / Под ред. Н.С. Кирабаева, Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаева, Е.А. Долгинова. М.: РУДН. 2014, сс. 209—227.

Салицкий А.И. БРИКС в условиях остановки глобализации с Запада // БРИКС: сотрудничество в целях развития. Материалы IV Международной конференции. Под ред. Толорая Г.Д. (гл. редактор), Айдрус И.А., Филимоновой А.С., Юртаева В.И. М.: РУДН. 2014, сс. 13—16.

Шагалов В.А. Роль БРИКС в урегулировании современных конфликтов // БРИКС: сотрудничество в целях развития. Материалы IV Международной конференции. Под ред. Толорая Г.Д. (гл. редактор), Айдрус И.А., Филимоновой А.С., Юртаева В.И. М.: РУДН. 2014, сс. 5—7.

Усов В.А. Российские технологии в БРИКС и Африке // БРИКС: сотрудничество в целях развития: Материалы V Международной конференции. Москва, 4 июня 2015 г. Под ред. Толорая Г.Д. (гл. редактор), Айдрус И.А., Юртаева В.И. М.: РУДН. 2016, сс. 132—141.

Юртаев В.И. БРИКС: образование как фактор глобального конкурентного преимущества // БРИКС: сотрудничество в целях развития. Образование. Наука. Бизнес: Материалы V Международной научной конференции. 4 июня 2015 г. М.: РУДН. 2016, сс. 142—148.

Юртаев В.И. БРИКС: особенности и стратегические приоритеты сотрудничества в Африке // Африка: вызов постколониального будущего: Ежегодник-2016. Под ред. Н.С. Кирабаева, Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаева, Е.А. Долгинова. М.: РУДН. 2016, сс. 138—150.

Abramova I.O. Russia plans to deepen relations with Africa. Available at: <http://www.inafran.ru/node/1134> (date of access: 24.06.2016).

McKay Vernon. Africa in World Politics. New York: Evanston, and London: Harper & Row, Publishers. 1963. 468 p.

Yurtaev V. BRICS: Regional Dimensions of Economics and Politics // Africa's Growing Role in World Politics / Editors: T. Deych, A. Zhukov, O. Kulkova, E. Korendyasov. Moscow: IAfr. 2014, pp. 127—132.

Дата поступления статьи: 04.03.2016

Для цитирования: *Юртаев В.И.* БРИКС: вызовы сотрудничества на африканском континенте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2016. — № 2. — С. 191—202.

BRICS: CHALLENGES OF COOPERATION ON THE AFRICAN CONTINENT

V.I. Yurtaev

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia

The happening paradigm shift of development both the kernel of world economy, and its periphery appearing by the hostage of limitation of financial resources updates task of judgment of the happening processes, especially with participation of the Brazil, Russia, India, China and South Africa (BRICS) or the countries of the “big economies” which are looking for new formats of entry into worldwide policy. Also the problem of correlation of the monopolar structure of a world economic system which has arisen in the conditions of globalization of economies at the end of the 20th century with processes of forming of the new centers of world economic power is actual, including — in Africa, under the influence of an exit to the world scene of China and other countries

of BRICS, disappearance of the so-called “second world”, opposition mitigation “East-West” and increase of contradictions on an axis “North-South”.

The countries of Africa at the beginning of the second decade of the third millennium are more and more considerably involved in process of globalization which signs can be found everywhere on the African continent. First of all, it is necessary to pay attention on much the increased dynamics of political process, especially in North Africa where under the influence of “the Arab spring” scales and depth of the happened transformation of a socio-political context were shown, civilization breaks and perspective scenarios of development were more accurately designated. To conformably new challenges questions of regional integration have come under the spotlight in Africa, search of solutions of global problems of mankind in Africa is conducted (poverty, hunger, diseases, refugees, etc.) new formats of interaction of the states for the benefit of effective development are developed. It is possible that in so dynamic and turbulent socio-political and economic situation regional vector of interaction and interregional international cooperation (within BRICS, etc.) will become that a basis on which perspective strategy of economic development for the African countries will be created, giving it threefold measurement: global, regional and local.

Studying of forming of the BRICS Agenda for Africa within activities of Merging of BRICS as instrument of really deep reorganization of a world order in line with transition to a polycentric world order, initiation of process of development of the new model of a democratic peace arrangement considering conditions of the global world of the 21st century, its multicivilization nature is almost significant.

Key words: BRICS, Africa, South Africa, the integrated regions, integration, BRICS Agenda for Africa

REFERENCES

Abramova I.O. *Russia plans to deepen relations with Africa*. Available at: <http://www.inafran.ru/node/1134> (date of access: 24.06.2016).

Kul'kova O.S., 2015. Problemy sotrudnichestva ES — BRIKS v mire i Afrike glazami evropeyskikh issledovateley i ekspertov [The problem of cooperation of the EU — BRICS in the World and Africa through eyes of the European researchers and experts]. *BRIKS v god Sed'mogo sammita: fokus na Afriku*. Edit. by: T.L. Deych, E.N. Korendyasov, Moscow, IAfr RAN, pp. 52—62.

McKay V., 1963. *Africa in World Politics*. New York, Evanston, and London, Harper & Row, Publishers, 468 p.

Novoe napravlenie rossiyskoy vneshney i vneshneekonomicheskoy politiki — vzaimodeystvie v BRIKS, 2014. [The new direction of the Russian foreign and external economic policy — interaction in BRICS]. Collective monograph, Chief ed. S.P. Glinkin, Moscow: In-t ekonomiki RAN.

Pon'ka T.I., Ponomarenko L.V., 2014. Nel'son Mandela: «Moy ideal — demokraticeskoe, svobodnoe obshchestvo...» [Nelson Mandela: “My Ideal Is a Democratic Free Society...”]. *Afrika: slagaemye sovremennogo razvitiya: Ezhegodnik-2014*. Edit. by: N.S. Kirabaev, L.V. Ponomarenko, V.I. Yurtaev, E.A. Dolginov, Moscow, RUDN, pp. 209—227.

Salitskiy A.I., 2014. BRIKS v usloviyakh ostanovki globalizatsii s Zapada [BRICS in the conditions of a globalization stop from the West]. *BRIKS: sotrudnichestvo v tselyakh razvitiya. Materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii*. Edit. by: Toloraya G.D., Aydrus I.A., Filimonova A.S., Yurtaev V.I., Moscow, RUDN, pp. 13—16.

Shagalov V.A., 2014. Rol' BRIKS v uregulirovaniy sovremennykh konfliktov [A role of BRICS in settlement of the modern conflicts]. *BRIKS: sotrudnichestvo v tselyakh razvitiya. Materialy IV Mezhdunarodnoy* Edit. by: Toloraya G.D., Aydrus I.A., Filimonova A.S., Yurtaev V.I., Moscow, RUDN, pp. 5—7.

Usov V.A., 2016. Rossiyskie tekhnologii v BRICS i Afrike [The Russian technologies in BRICS and Africa]. *BRIKS: sotrudnichestvo v tselyakh razvitiya: Materialy V Mezhdunarodnoy konferentsii*. Edit. by: Toloraya G.D., Aydrus I.A., Yurtaev V.I., Moscow, RUDN, pp. 132—141.

Yurtaev V.I., 2016. BRIKS: obrazovanie kak faktor global'nogo konkurentnogo preimushchestva [BRICS: education as factor of global competitive advantage] *BRIKS: sotrudnichestvo v tselnykh razvitiya. Obrazovanie. Nauka. Biznes: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Moscow, RUDN, pp. 142—148.

Yurtaev V.I., 2016. BRIKS: osobennosti i strategicheskie priority sotrudnichestva v Afrike [BRICS: Strategic Priorities of Cooperation in Africa]. *Afrika: vyzov postkolonial'nogo budushchego: Ezhegodnik — 2016*, Edit. by: N.S. Kirabaev, L.V. Ponomarenko, V.I. Yurtaev, E.A. Dolginov, Moscow, RUDN, pp. 138—150.

Yurtaev V., 2014. BRICS: Regional Dimensions of Economics and Politics. *Africa's Growing Role in World Politics*. Editors: T. Deych, A. Zhukov, O. Kulkova, E. Korendyasov, Moscow, IAfr, pp. 127—132.

For citations: Yurtaev V.I. BRICS: challenges of cooperation on the African continent. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 191—202.

© Юртаев В.И., 2016

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА НОВОМ СТАРТЕ

Е.Н. Корендясов

Институт Африки РАН, Москва, Россия

Возвращение России в Африку широко обсуждается в отечественных и зарубежных научно-экспертных кругах, на страницах газет и журналов. При этом затрагивается широкий круг проблем странового, регионального и глобального масштабов, выдвигаются и высказываются противоречивые оценки и суждения. За рубежом достаточно активно продвигается трактовка «возвращения» России на континент как новое направление «неоимперских амбиций» новой России, ее стремлений ослабить позиции Запада, «подзолотить» свой имидж в развивающихся странах, в глазах африканцев.

В предлагаемой вниманию читателей статье анализируется влияние формирующихся политико-экономических и социальных реалий XXI в. на перспективы развития Африканского континента вообще и на российско-африканские отношения в частности. Автор приходит к выводу, что повышение роли и веса континента в мировой политике и экономике уже сегодня требует переосмысления российских подходов к проблемам расширения масштабов российско-африканского партнерства и формирования его долгосрочной концепции с опорой на имеющиеся политико-дипломатические и инвестиционно-финансовые ресурсы стран.

Утверждающаяся новая динамика российско-африканских отношений связана, в первую очередь, с развитием партнерства в тех областях и по тем направлениям, где Россия обладает конкурентным потенциалом, производственными мощностями, высокими компетенциями и опытом. К таковым сегодня можно отнести освоение природных ресурсов, атомную и гидроэнергетику, военно-техническое сотрудничество, создание спутниковых информационно-коммуникативных систем, сотрудничество в сфере образования, здравоохранения, в борьбе с эпидемиями, природными катастрофами.

Россия достаточно уверенно преодолевает спад отношений с Африкой, зарегистрированный в конце 80-х и в 90-е гг. XX столетия. Однако было бы преждевременным утверждать, что полноценное «возвращение» России на континент уже состоялось.

Расширение масштабов всестороннего сотрудничества в первую очередь будет зависеть, во-первых, от устойчивости и качества ускорения развития Африки, трансформации африканских экономик на современных индустриальных и технологических основах; а, во-вторых, от динамики социально-экономического и общественно-политического развития российского государства.

Интересы Африки все заметнее смещаются в сторону Юга. Ее возможности ослабить критическую зависимость от Запада возрастают. Россия, наряду с другими участниками БРИКС, может внести в развитие этого процесса столь же впечатляющий вклад, какой был сделан в достижение целей Движения неприсоединения и Организации африканского единства. Истории, действительно, повторяются, но на другом витке развития.

Ключевые слова: разделение труда, внешняя торговля, инвестиции, партнерство, взаимозависимость, национальные интересы, ресурсы, конкуренция, технологии, перспективы

Ускорение экономического роста Африки и характер его истоков повлекли за собой существенное увеличение производственно-инновационного потенциала экономики континента. Его совокупный ВВП к 2014 г. (по паритету поку-

пательной способности) увеличился по сравнению с 2000 г. в три раза и достиг 4,5 трлн долл. Причем на долю сектора природных ресурсов приходится 27—30% прироста.

Другая важнейшая отличительная черта современной фазы роста — существенное повышение ВВП на душу населения. В 2014 г. этот показатель составил 4826 долл. (в 11-ти странах он превысил 10 тыс. долл., а в шести — 5 тыс. долл.) [African Economic Outlook 2015]; для сравнения — в 1970—1990 гг. он топтался на уровне — 2180 долл. [Arbache 2008: 4].

Ускорение экономического роста потребовало реализации программ развития базовой и дорожной инфраструктуры, внедрения новых технологий, включая цифровые. Уже сегодня их доля в увеличении ВВП составляет 1,1%, а к 2010 г. этот показатель удвоится [Lions go digital 2013].

За последние два десятилетия существенно углубилась вовлеченность континента в глобализационные экономические процессы. Осуществляемая африканцами программа либерализации движения товаров, капиталов и людей, внедрения современных технологий в бизнес-практику и маркетинг (business doing) придал африканским экономикам открытость и привлекательность для иностранных инвесторов. Ежегодный приток внешних ресурсов в Африку в 2014 г. достиг 200 млрд долл., в том числе прямые иностранные инвестиции — примерно 60 млрд, т.е. 30% [Lions go digital 2013].

Африканские экономики все шире включаются в новые формы международного разделения труда, глобальные цепочки добавленной стоимости, в другие международные производственно-маркетинговые и кредитно-финансовые сети и структуры. Африканская экономика становится все более органичной и значимой составной частью мирового хозяйства, тесно связанной с его общей динамикой и научно-технологическим прогрессом. Формула «Африка — поставщик сырья и рынок сбыта готовой продукции» уже далеко не исчерпывает содержание экономических взаимосвязей Африки с остальным миром. Наблюдаемый экономический рост континента и ускоряющийся переход мировой экономики на новый технологический уклад существенно меняют роль и место Африки в мирохозяйственных связях, повышают востребованность ее потенциала как по традиционным, так и по формирующимся новым каналам глобальной взаимозависимости.

Африка остается ключевым источником минерального сырья для мировой экономики. В связи с исчерпанием рудных запасов в традиционных центрах мировой добычи и повышения себестоимости добычи сырья на новых месторождениях, востребованность африканских ресурсов будет скорее всего возрастать. При этом важно подчеркнуть богатство залежей тех металлов, которые востребованы в новейших технологиях.

Африка становится важнейшим источником пополнения глобальных трудовых ресурсов. По данным, приводимым профессором И.О. Абрамовой, к 2050 г. более 90% прироста мирового населения и 65% прироста трудовых ресурсов будет приходиться на Африку [БРИКС—Африка... 2013: 28]. Континент становится также важным полюсом роста глобального спроса. Потребительские расходы домо-

хозяйств на континенте уже достигают 680 млрд долл., к 2030 г. они, по оценкам Всемирного банка, возрастут до 2,2 трлн долл. [African Economic Outlook 2015: XII].

Все более значимой становится роль Африканского континента в сохранении биоразнообразия на планете (на континент приходится 25% видов проживающих в мире млекопитающих, 40—60% видов растений [African Economic Outlook 2015: XII], в обеспечении планеты питьевой водой, в сохранении органически чистых пахотных земель.

Изменения системного характера в положении Африканского континента на геополитическом и геоэкономическом пространстве последовали за динамично развивающимся международным партнерством Африки в рамках сотрудничества Юг—Юг и, в первую очередь, с восходящими странами. Товарооборот континента со странами БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) с 2002 по 2014 г. увеличился более чем в 10 раз и достиг в 2014 г. 360 млрд долл., что составляет 30%¹ [Дейч 2015; Корендясов 2013] континентального зарубежного товарооборота. Африка обрела новый емкий источник инвестиционных ресурсов. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Китая и Индии превысили 64 млрд долл. и в 2020 г. достигнут 100 млрд, ПИИ Турции составили 6 млрд долл. На восходящие страны приходится до 30% ежегодного притока ПИИ в страны континента. Пятивековая политико-экономическая монополия Запада основательно подорвана. Горизонты независимости африканских государств расширились, их международная субъектность возросла и упрочилась.

Африка входит в состав условного альянса стран «Глобального Юга», который успешно теснит позиции «Глобального Севера», предопределяя смещение центра мировой политики с Запада на Восток. Если в 1999 г. ВВП Запада превышал ВВП Востока в 8 раз, то к 2012 г. этот показатель снизился до 5-кратного [Перспективы и стратегические... 2014]. При сохранении этих темпов разрыв будет ликвидирован уже через 20 лет. Сложившаяся в послевоенные годы система мироустройства исчерпала себя. Однако страны североатлантического сообщества ради сохранения своего глобального лидерства тормозят назревшие реформы, призванные сформировать новую архитектуру мироустройства, адекватного реалиям XXI в. В результате разбалансированность, неустойчивость и непредсказуемость развития международных отношений усугубляются. И важно, что в сло-

¹ BRICS. Joint statistical publication 2015, Moscow, 2015; OMC. Trade Report, 2015; UNCTAD. World Investment Reports 2014, 2015; Global Investment Trends Monitor. Special Edition, 23 March 2013; Global Investment Trends Monitor, no. 18, January 2015, no. 2, January 2016; The Forum on China-Africa Cooperation. Johannesburg, 2015. Available at: <http://www.focac.org/eng/> (date of access: 15.05.2016); The 3-th Summit Indo-Africa. New-Delhi, November 2015. Available at: <http://financialexpress.com/article/economy/pur-narenolra-mody...> (date of access: 15.05.2016); Mehmet Cetingulec. Will. Africa cheer up Turkey's troubled exporters. Available at: <http://www.AI-Monitor.com/pulse/originals/2016/03/turkey-africa> (date of access: 15.05.2016); Coreé du Sud-un modèle en matière de développement. Available at: <http://www.Ambusin-nessimagazine.com> (date of access: 15.05.2016).

жившихся исторических обстоятельствах Африканский континент занял прочное место за столом принятия решений по важнейшим проблемам мировой политики.

Тем не менее не следует преувеличивать роль и значение обозначившихся новых тенденций на континенте. Единая и устойчивая траектория их эволюции скорее всего недостижима в обозримом будущем. Континент остается глубоко контрастным и противоречивым, о чем свидетельствуют и сохраняющаяся масштабность бедности, конфликтогенности, других угроз маргинализации. К тому же Африка с ее обширной территорией (30 млн кв. км), многочисленным и этнически разнообразным населением многолика. В экономическом отношении исследователи «Глобального института Маккинси» (McKinsey Global Institute) в докладе «Lions on the Move: the progress and Potential of African Economics» разделили африканские страны на четыре группы.

В первую входят шесть стран с диверсифицированной экономикой (Египет, Марокко, ЮАР, Тунис и приближающиеся к ним Намибия и Кот д'Ивуар); во вторую — семь нефтедобывающих (Нигерия, Ангола, Алжир, Экваториальная Гвинея, Габон, Ливия, Республика Конго); в третью — девять транзитных экономик (Кения, Руанда, Танзания, Уганда, Камерун, Гана, Сенегал, Эфиопия, Мозамбик); в четвертую — предтранзитные экономики (Сьерра-Леоне, Мали, Демократическая Республика Конго, Нигер и др.).

Предлагаемая классификация является далеко не бесспорной. Но она дает представление о реальном масштабе различий и предлагает прагматически полезные ориентиры. Во всяком случае, она подтверждает, что доминирующий все еще в общественном сознании образ Африки времен 70—80-х гг. прошлого столетия быстро уходит в прошлое. Новые реалии требуют творческого переосмысления и положения вещей на континенте, и его роли в мировых делах. Такое переосмысление — важный залог успешного партнерства с африканскими странами на двусторонней и международной основах. Эта проблема приобретает новую остроту для России.

Наиболее важным фактором в этом плане предстает стратегический поворот России в сторону Востока. Подстегнутый в последние годы обострением отношений со странами евроатлантического сообщества, он сопровождается нарастанием активности с развитием партнерского сотрудничества со странами Азии, Латинской Америки и Африки. Это наглядно подтверждается инициативностью России в рамках БРИКС — влиятельного объединения восходящих стран трех континентов — Бразилии, России, Индии и Китая и ЮАР. По отношению к Африке эта тенденция выразилась в том, что сегодня характеризуется как «возвращение России в Африку». Однако это возвращение все еще носит робкий характер, зачастую диктуется ситуационными соображениями. Во всяком случае обозначившиеся на африканском направлении сдвиги остаются за пределами стратегической внешнеполитической повестки дня России или имеют к ней косвенное отношение.

Причиной такого положения вещей служит неадекватное восприятие Африки как континента, не имеющего перспектив в обозримом будущем, маргинального

игрока в мировой экономике и на международной арене. Имеются и другие весомые причины, к которым можно отнести ограниченность финансово-кредитных ресурсов, производственно-технологического потенциала, отсутствие информации об африканских возможностях решения проблем развития отечественного бизнеса и достижения целей национального возрождения. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что современная российская бизнес-элита обогатилась на основе экономического сотрудничества с западными странами и не может в той или иной мере не тормозить отход от евроцентризма, достижения оптимально выгодного с точки зрения национальных интересов соотношения между западным и восточным векторами во внешнеполитической стратегии России.

Основные показатели российско-африканского сотрудничества остаются более чем скромными. Внешнеторговый оборот едва превышает 12 млрд долл., из которых 70% приходятся на страны Северной Африки (табл. 1). В Африке к югу от Сахары только с ЮАР внешнеторговый (товарный) оборот достигает 1 млрд долл. Даже с такой крупной страной, как Нигерия, товарооборот в 2014 г. составил всего 368 млн долл.

Таблица 1

Внешняя торговля России со странами Африки

(в текущих ценах, в млн. долл.)*
[Russia's foreign trade with Africa
(at current prices, mln, US dollar)]

Показатель	2000	2005	2013	2014
Объем товарооборота со всеми странами. В том числе:	1 584	3 300	9 676	12 216
Экспорт	1 208	2 300	7 123	9 402
Импорт	376,0	1 000	2 553	2 313
Объем товарооборота со странами АС				3 200
Доля России: в общеафриканском экспорте	0,20	0,24	0,30 (2012 г.)	0,30
Доля России в общеафриканском импорте	1,21	1,55	1,45 (2012 г.)	1,45

Примечание: * Федеральная таможенная служба России.

Товарная структура характеризуется доминированием пищевых товаров, нефтепродуктов, минеральных удобрений (до 70%), готовые изделия составляют 18%, а машины и транспортное оборудование — 6%. Машинотехническая продукция в экспорте представлена в основном вооружением и военной техникой.

Известную активность в Африке демонстрируют российские частные и частно-государственные компании. Российские активы на континенте составляют по различным оценкам 8—10 млрд долл., а заявленные на ближайшие 5—10 лет объемы инвестиций достигают 13 млрд долл.¹ (см. табл. 2). Их львиная доля направляется на разведку и освоение месторождений углеводородных и твердых минеральных ресурсов.

¹ Подсчеты автора на основе заявлений руководителей российских компаний; Russian analytical digest. № 34, 5 February 2008; UNCTAD World Investment Reports 2000—2007.

Таблица 2

Активы некоторых крупных российских компаний в африканских странах
[Assets of some of the major Russian companies in Africa]

Компания-инвестор	Страна	Отрасль	Реализованный объем инвестиций	Заявленный объем инвестиций на ближайшие годы
Алроса	Ангола	Добыча алмазов, гидроэнергетика	700—800 млн долл.	Нет данных
Газпром	Алжир, Нигерия, Ливия, Намибия	Разведка и освоение газовых и нефтяных месторождений, сооружение газопроводов и др. транспортной инфраструктуры	300—500 млн долл. (оценка)	3,5—4,0 млрд долл.
Евраз	ЮАР	Добыча ванадия, сталелитейное производство	1,1 млрд долл	Нет данных
Лукойл	Гана, Кот-д'Ивуар, Камерун, Сьерра-Леоне, Египет, Нигерия	Разведка и освоение нефтяных месторождений	1 млрд долл.	2—2,5 млрд долл. (оценка)
Ренова	ЮАР, Габон, Мозамбик	Добыча марганцевой руды, производство ферросплавов, разведка урана, золота	1 млрд долл.	Нет данных
Роснефть	Мозамбик, Зимбабве, Малави, Алжир	Разведка нефти, строительство нефтепродуктоводов	На согласовании сторон	0,7—1 млрд долл.
Росатом	Египет, Гана, Нигерия, Танзания, ЮАР	Строительство АЭС, разведка и добыча урановой руды	На согласовании сторон	
Русский хром	ЮАР, Зимбабве	Добыча платины, хромитов	470 млн долл.	0,7—1 млрд долл.
Северсталь	Буркина Фасо, Гвинея, Габон, Республика Конго, Либерия, ЮАР	Разведка и добыча железной руды, золота	100—200 млн долл. (оценка)	До 2015 г. — 2,5 млрд долл. 2015—2024 гг. — 4 млрд долл.
РУСАЛ	Гвинея, Намибия, ЮАР, Нигерия	Добыча бокситов, производство глинозема, первичного алюминия	2 млрд долл.	Нет данных

В рамках оказания международного содействия развитию Россия списала задолженность африканских стран по советским кредитам на сумму 20 млрд долл., в том числе Эфиопии — 4,8 млрд долл., Ливии — 4,5 млрд, Алжиру — 4,3 млрд, Анголе — 3,5 млрд.

Медленно расширяется научно-техническое и культурное сотрудничество, особо ценимое африканскими партнерами. В России проходят обучение в вузах 10 тысяч африканцев (2016 г.), из них 50% на контрактной основе. Российское государство предоставляет ежегодно африканским странам 1700 государственных стипендий.

Чрезвычайно ограничена институциональная сеть мягкой силы. Действуют всего 8 российских культурных центров в семи странах (в Египте — 2 центра). Даже в ЮАР есть только представительство Россотрудничества, а не полноформатный культурный центр. «Русский мир» имеет свои представительства в пяти странах — Египте, Демократической Республике Конго, Замбии, Кении и ЮАР.

В результате коммерциализации культурных связей обмен художественными и творческими коллективами стал явлением исключительным.

Утверждающаяся новая динамика российско-африканских отношений связана, в первую очередь, с развитием партнерства в тех областях и по тем направлениям, где Россия обладает конкурентным потенциалом, производственными мощностями, высокими компетенциями и опытом, а также необходимой отдачей в плане решения проблем собственного развития. К таковым сегодня можно отнести освоение природных ресурсов, атомную и гидроэнергетику, военно-техническое сотрудничество, создание спутниковых информационно-коммуникативных систем, сотрудничество в сфере образования, здравоохранения, в борьбе с эпидемиями, природными катастрофами.

Наиболее заметное продвижение достигнуто в сфере освоения природных ресурсов. Россия испытывает критический дефицит по 12—15 минералам, включая марганец, хром, 80% запасов и добычи которых приходится на Африку.

Таблица 3

Взаимодополняемость сырьевой базы России и Африки*
[The complementarity of the raw material base of Russia and Africa]

Полезные ископаемые	Россия		Африка		
	Объем добычи	Дефицит, %	Запасы	Добыча	
				доля в мировых запасах, %	объем добычи (2011), тыс. т
Марганцевые руды	17 (0,05%)	97	60	49 200	35—37
Уран (руда)	3,6 (9,2%)	82	19	7,92	15—16
Олово (руды, концентраты)	0,814 (0,3%)	61,7	7,5	12 400	5
Хром (руда)	733 (3,08%)	60,3	48,4	7 130	35—37
Титан (концентраты)	82 (0,7%)	59,2	44,6	2 390	30
Бокситы, глинозем	6300 (3,36%)	50	42,6	19 000	9—10
Цинк (руды концентрат)	337,5 (2,9%)	27,8	7,1	300	
Молибден (руды концентрата)	5,4 (2,4%)	19,5	0,1		
Медь	700 (4,6%)			1 600	6—7
Никель	300 000 (18,6%)		10	110 000	
Платина (МПГ)			90	0,16	82
Палладий				0,09	43
Жел. руда	8400 (7,6%)		5	50 000	
Ванадий				20 300	36
Кобальт	5 (9,4%)		55—60	39,4	42
Цирконий					35
Тантал					40
Бериллий					10
Редкоземельные					
Ниобий					5—7

Источники: *Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации». 2008—2010 гг. МПР. М., 2009, 2011; Статистический справочник «Минеральные ресурсы мира». Информационный аналитический центр «Минерал». М., 2009; USGS. Minerals Yearbook 2009—2010.

Рентабельные отечественные месторождения достигают пределов истощения, а освоение новых, расположенных, как правило, в отдаленных регионах, требует больших инвестиций, новых технологий и много времени.

Кроме того, Россия активно участвует в международной схватке за африканские ресурсы, стремясь сохранить и укрепить свои позиции в качестве ключевого игрока на рынках сырьевых товаров, на которые сохраняется и сохранится в обозримом будущем высокий спрос. В добыче природных ресурсов в Африке участвуют практически все крупнейшие российские компании. Более 60% потребности российской промышленности в бокситах удовлетворяются за счет их добычи компанией РУСАЛ в Гвинее.

Россия подписала с десятью африканскими странами соглашения о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии. В Египте практически начаты работы по строительству АЭС. Росатом выступает ключевым участником тендера на строительство шести ядерных блоков в ЮАР.

Более 20-ти африканских стран являются российскими партнерами в сфере военно-технических связей. Годовой объем поставок российской военной техники и продукции военного назначения превышает 1 млрд долл. В 2013 г. на долю России приходилось до 30% африканского рынка вооружений и военной техники (в странах Северной Африки — свыше 40%, в странах к югу от Сахары — 12—15%).

Успешное продвижение по этим направлениям в условиях острой конкурентной борьбы предполагает широкое использование новейших маркетинговых технологий, финансово-кредитных расчетных схем, технико-экономических обоснований, рассчитанных на долгосрочные перспективы. Соотношение «цена—качество» далеко не всегда становится решающим фактором. Привлекательность проектов создают офсетные (компенсационные) схемы, модели послепродажных гарантий, обеспечивающих сохранение эффективности проекта в течение всего срока его эксплуатации и др. Критически важным становится учет трансформации самой мировой экономики и глобальных мирохозяйственных связей под влиянием научно-технического прогресса, налаживание эффективного частно-государственного партнерства, оптимального сочетания национальных и корпоративных интересов.

Достигнутые количественные и качественные параметры российско-африканских отношений даже самым пылким оптимистам не дают пока достаточных и надежных оснований и смелости предсказывать сроки их прорыва на уровень национально значимого фактора в решении задач возрождения национальных экономик и обретения заметного веса в международных отношениях. А именно достижение этих целей должно служить основой целеполагания в области российско-африканского партнерства на ближайшие десятилетия.

Объем статьи не позволяет более или менее обстоятельно рассмотреть сферу внешнеполитического взаимодействия. Ограничусь несколькими положениями.

1. Внешнеполитический и дипломатический компонент занимает лидирующее место в комплексе российско-африканских отношений. Новой России удалось сохранить уважительные отношения с африканскими государствами и взаимный настрой на взаимодействие и сотрудничество на международной арене.

Внешнеполитические ведомства обеих сторон наладили регулярные, структурированные каналы обмена информацией, согласования позиций и взаимодействия. Африканцев привлекает российская концепция нового мироустройства, приверженность национальному суверенитету, противодействие западному сообществу, стремящемуся сохранить любой ценой свое лидерство в мире. Они хотели бы видеть Россию в качестве балансира при выстраивании своих отношений с Западом и, в какой-то мере, с Китаем.

2. Выстраивание отношений с Африкой на базе взаимной выгоды — сложный процесс. Дело не только в сохранении мощных рычагов воздействия в руках западных держав и неустойчивости взглядов африканских руководителей, но и в отсутствии единой африканской дипломатии. Есть дипломатия каждой отдельной страны. Набирает вес дипломатия региональных сообществ. И, наконец, есть общеконтинентальная дипломатия, носителем которой официально выступает Африканский союз и его главный исполнительный орган — Африканская комиссия. Эти дипломатии порой противоречат друг другу. Коллективная дисциплина, особенно на уровне АС, оставляет желать лучшего. Тем не менее, играть приходится на всех уровнях и на всех площадках. МИД России аккредитовал своих представителей при Африканском союзе, Экономическом сообществе государств Западной Африки, Сообществе развития Юга Африки.

3. Отмечается стремление России наладить более действенное взаимодействие по глобальным вызовам XXI в.: сохранение экологии, противодействие климатическим угрозам, международному терроризму. До сих пор вес Африканского континента в этой сфере недооценивался.

4. Поддержание регулярных контактов на высшем, высоком и других государственно-политических уровнях играет исключительно важную роль в создании благоприятного климата в бизнес-сотрудничестве.

К сожалению, лишь 10—12 африканских государств принимали российских государственных лидеров и министров федерального правительства. Зачастую лишь министр иностранных дел России и его заместители все еще остаются единственными регулярными собеседниками африканской государственно-политической и деловой элиты.

ВЫВОДЫ

1. Россия достаточно уверенно преодолевает глубокий спад отношений с Африкой, зарегистрированный в конце 80-х и в 90-е гг. XX столетия. Однако было бы преждевременным утверждать, что полнокровное «возвращение» России на континент уже состоялось. Достигнутые рубежи торгово-экономического и финансово-кредитного сотрудничества остаются более чем скромными.

2. Расширение масштабов всестороннего сотрудничества в первую очередь будет зависеть от устойчивости и качества ускорения развития Африки, трансформации африканских экономик на современных индустриальных и технологических основах, а во-вторых, от динамики социально-экономических и общественно-политических основ российского государства.

3. Однако в перспективе решающее воздействие на повышение национальной и международной значимости российско-африканского партнерства будет оказывать освоение возможностей, формирующихся в результате становления экономики знаний, использования цифровых и иных новейших технологий, появления новых форм и видов международного разделения труда, уплотнений сетей взаимозависимости экономик. Именно в этой связи становится все более необходимым переосмысление и новое целеполагание механизмов и моделей международного экономического сотрудничества вообще и российско-африканского в частности.

России следует окончательно отказаться от восприятия Африки как «вечного маргинала» в мировой экономике и в мировой политике. Стратегический интерес к Африке предопределяется наличием широких и объективных возможностей для того, чтобы российско-африканское сотрудничество могло вносить весомый вклад в решение отечественных проблем, а также стать важным компонентом международных отношений.

4. Интересы Африки все заметнее смещаются в сторону Юга. Ее возможности ослабить критическую зависимость от Запада возрастают. Россия, наряду с другими участниками БРИКС, может внести в развитие этого процесса столь же впечатляющий вклад, который был сделан в достижение целей Движения неприсоединения и Организации африканского единства. Истории действительно повторяются, но на другом витке развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности // *Проблемы современной экономики*. 2013. № 3. С. 96—100.

БРИКС-Африка: партнерство и взаимодействие. Отв. ред. Т. Дейч, Е. Корендясов. М., 2013.

Дейч Т.Л. Региональная политика БРИКС в Африке // *Вестник международных организаций*. 2015. Т. 10. № 2. сс. 206—224.

Корендясов Е.Н. БРИКС и Африка: потенциал партнерства и взаимодействия // *БРИКС-Африка: партнерство и взаимодействие*. Отв. ред. Т. Дейч, Е. Корендясов. М., 2013. сс. 48—75.

Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Под ред. В.А. Садовниченко, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева. М.: НКИ БРИКС. 2014. сс. 154—155.

African Economic Outlook 2015. Regional Development and Spatial Inclusion. African Development Bank, Organization for Economic Co-operation and Development, United Nations Development Programme, 2015.

Arbache J. Is Africa's Economy at a Turning Point? The World Bank. Research Working Paper 4519. African Region. February 2008.

Global Investments Trends Monitor. The Rise of BRICs FDI and Africa, 2013. Special Edition. 25 March 2013. United Nations Conference on Trade and Development.

Lions go digital: The internet's transformative potential in Africa. McKinsey Global Institute, November 2013.

World Investment Report 2015. Reforming International Investment Governance. United Nations Conference on Trade and Development, 2015.

World Investment Report 2014. Investing in the SDGs: An Action Plan. United Nations Conference on Trade and Development, 2014.

Дата поступления статьи: 30.02.2016

Для цитирования: *Корендясов Е.Н. Российско-африканские отношения на новом старте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 203—214.*

THE NEW START FOR RUSSIAN-AFRICAN RELATIONS

E.N. Korendyasov

Institute for African Studies of RAS, Moscow, Russia

Russia's return to Africa is widely discussed in the Russian and foreign scientific and expert circles, on the pages of newspapers and magazines. This covers a broad range of problems of country, regional and global scale, put forward and voiced conflicting estimates and judgments. Abroad, actively promoted the interpretation of the “return” of Russia to the continent as a new direction of neo-imperial ambitions of the new Russia and its aspirations to weaken the position of the West, “golden” its image in the developing countries, in the eyes of Africans.

Author analyzes the impact of the emerging political, economic and social realities of the XXI century on the development prospects of the African continent in general, and on the Russian-African relations in particular. The author concludes that the increase in the weight and role of the continent in world politics and economy today requires a rethinking of the Russian approaches to the problems of scale Russian-African partnership and the formation of its long-term vision, building on the existing political, diplomatic and investment and the country's financial resources.

The new dynamics of Russian-African relations is connected, first of all, with the development of partnerships in those areas where Russia has competitive potential, production capacities, high competence and experience. Including the development of natural resources, nuclear power and hydro-power, military-technical cooperation, the establishment of satellite information and communication systems, cooperation in the sphere of education, health, the fight against epidemics, natural catastrophes.

Russia is confident enough to overcome the deep recession of relations with Africa, recorded in the late 80's and 90-ies of XX century. However, it would be premature to claim that full-blooded “return” of Russia to the continent has already taken place.

Scaling up comprehensive cooperation will depend, first, on the quality of the stability of the acceleration of development in Africa, the transformation of African economies to modern industrial and technological bases; and, secondly, on the dynamics of socio-economic and socio-political development of the Russian state.

Russian potential of weakening the critical dependence on the West increase. Russia, along with the other members of the BRICS can make an impressive contribution to the development of this

process as it has been made in achieving the objectives of the Non-Aligned Movement and the Organization of African Unity. History repeats, but at a different stage of development.

Key words: division of labor, foreign trade, investment, partnership, interdependence and national interests, resources, competition, technology, perspective

REFERENCES

Abramova I.O., Fituni L.L., 2013. Ekonomicheskaya globalizatsiya i problemy natsional'noi i mezhdunarodnoi bezopasnosti [Economic globalization and the problems of national and international security]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. No. 3. P. 96—100.

African Economic Outlook 2015. Regional Development and Spatial Inclusion, 2015. African Development Bank, Organization for Economic Co-operation and Development, United Nations Development Programme.

Arbache J., 2008. Is Africa's Economy at a Turning Point? *The World Bank. Research Working Paper 4519. African Region*.

BRIKS—Afrika: partnerstvo i vzaimodeistvie [BRICS-Africa partnership and interaction], 2013. Edit by: T. Deich, E. Korendyasov. Moscow.

Deich T.L., 2015. Regional'naya politika BRIKS v Afrike [Regional policy of the BRICS in Africa]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*. Vol. 10, no. 2, pp. 206—224.

Global Investments Trends Monitor. The Rise of BRICs FDI and Africa, 2013. Special Edition. 25 March 2013. United Nations Conference on Trade and Development.

Korendyasov E.N., 2013. BRIKS i Afrika: potentsial partnerstva i vzaimodeistviya [BRICS and Africa: Partnership and cooperation potential]. *BRIKS—Afrika: partnerstvo i vzaimodeistvie*. Edit. by: T. Deich, E. Korendyasov. Moscow, pp. 48—75.

Lions go digital: The internet's transformative potential in Africa, 2013. McKinsey Global Institute.

Perspektivy i strategicheskie priority voskhozhdeniya BRIKS [Prospects and strategic priorities of BRICS ascent], 2014. Edit. by: V.A. Sadovnichiy, Yu.V. Yakovets, A.A. Akaev. Moscow, HKI BRIKS, pp. 154—155.

World Investment Report 2015. Reforming International Investment Governance. United Nations Conference on Trade and Development, 2015.

World Investment Report 2014. Investing in the SDGs: An Action Plan. United Nations Conference on Trade and Development, 2014.

For citations: Korendyasov E.N. The new start for Russian-African relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 203—214.

НОВАЯ БОЛЬШАЯ ИГРА ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ В РЕГИОНЕ САХЕЛЯ

Б. Хассимиу

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В данной статье рассматривается и анализируется роль западных государств в процессе дестабилизации региона Сахеля. Автор подробно освещает процесс легитимации вторжения западных держав в государства Африки, раскрывая всю последовательность сопутствующих этому явлению событий, а также совокупность его последствий. В статье выделяются и описываются ряд тенденций, сформировавшихся в результате новой «Большой игры» и определивших динамику мирового порядка. Отдельное внимание автор уделяет проблеме противостояния терроризму как требующей углубленного исследования. В статье достаточно подробно представлены метаморфозы вооруженных движений и группировок в регионе, начиная от алжирской резни и до переворота в Ливии, сопровождающиеся их укреплением и ростом влияния от уровня участников гражданской войны до угрозы мирового масштаба.

Ключевые слова: Новая Большая игра, западных держав, Сахель, терроризм, вторжение, международные организации

Вторжение в Мали, инициированное Францией в январе 2013 г., является симптомом постепенной милитаризации отношений между странами Запада и Юга. Инициированный после окончания холодной войны, этот процесс означает окончание мирового порядка, преобладающего на протяжении предыдущего полувека. Тем не менее, это явление можно рассматривать и с точки зрения более длительного периода времени: интервенционизм «великих держав» носит циклический характер, что выявляет устойчивое отношение господства метрополий к зависимым государствам и отсылает нас к тенденциям, уже проявлявшимся в XIX—XX вв.

БОРЬБА КРУПНЫХ ДЕРЖАВ С ТЕРРОРИЗМОМ

В период после 11 сентября 2001 г. появляется оперативная служба безопасности, отвечающая новым условиям — противодействие вооруженным группировкам, определяемым как «террористические» и враждебным по отношению к Западу; высказывается намерение начать с ними войну в их убежищах не только на политическом, но и на военном уровне [Galy 2013: 59]. Если отбросить социальные, политические и экономические факторы конфликта, это общее утверждение о «террористах», однако, вызывает немаловажный вопрос — можно ли называть «зоной риска» регион, в котором нет мобилизованных элементов или хотя бы их посредников? Несмотря на милитаристскую риторику о безопасности, важно понимать преобладающую динамику в этих областях, которые неожиданно стали описывать как «порождающие кризис», при помощи поразительно хлестких неологизмов («сомализация», «афганизация», «Сахелистан» или «Африканистан»).

Чтобы понимать, какая именно игра ведется в Сахеле, в самом сердце «безнадежного континента» (именно так Африка была названа на обложке журнала

The Economist в мае 2000 г.), необходимо рассматривать динамику всего мирового порядка, которая прежде всего определяется способностью крупных держав чувствовать относительную безнаказанность за свои действия.

Если «Большая игра» XIX в. получила новую жизнь в последние десятилетия, то произошло это во многом благодаря набору трюков публичной легитимации, таких как «хорошее управление», «права человека», «демократизация» или борьба с «терроризмом». «Юг» выглядит менее пассивным, чем в прошлом. В этой связи стоит отметить три основных, довольно неоднозначных, особенности, определивших направление этих перемен¹. Первая из этих особенностей связана с неспособностью постколониальных режимов выработать схему создания стабильного и суверенного государства; режимы Юга показали себя как довольно авторитарные на внутригосударственном уровне, но не сумевшие вернуть себе инструментов геополитического влияния в области внешней политики. Эта двойственная тенденция после 11 сентября усилилась: «неоавторитаризм» этих режимов лучше воспринимается международным сообществом, если правящий режим передает ключи от местного суверенитета в руки «партнеров по внешней безопасности», тем самым подготавливая фундамент для будущего вмешательства [Galy 2013: 60].

Второй значимой особенностью, характерной для негосударственных вооруженных группировок конца XX — начала XXI в., является их способность применять силу на транснациональном уровне, что само по себе можно назвать уникальным явлением. Традиционная монополия государства на применение силы получает жестокий удар, а традиционная схема развертывания вооруженных конфликтов расширяется в пространстве и времени. Развертывание этих групп, кажущихся бесконтрольными и неуправляемыми, является инструментом развала государств и в то же время служит оправданием новой военно-оборонной риторики западных государств и использованию грубой силы в контексте нерегулярной войны².

Третья новая характерная особенность «большой игры» такова — теперь это поле для усиливающейся конкуренции, особенно в Африке, между западными странами и развивающимися державами Юга, в первую очередь Китаем и Индией. Близость месторождений урана в Нигере, контролируемых Францией, но интересующих другие государства, в частности Китай, не только не противоречит общему направлению международной геостратегии в регионе Сахель, но и вписывается в рамки риторики о «борьбе с террором» [Santandé 2014: 133—136].

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВТОРЖЕНИЯ

После национально-освободительных войн 1950-х гг. и 1960-х гг., в период холодной войны прямое вмешательство западных держав оставалось ограниченным традиционными областями влияния (США в Латинской Америке и Азии,

¹ Mohammad-Mahmoud Ould Mohamedou. Le nouveau «grand jeu» des puissances occidentales. Available at: http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/international_history_politics/shared/faculty_publications/OULD_MOHAMEDOU-Grand_Jeu_Sahel_-_Book_Chapter_2013.pdf (date of access: 12.05.2016).

² Ibid.

Франция в субсахарской Африке), а Юг был дополнительным пространством конкуренции по оказанию влияния между США и Советским Союзом [Réan 2010: 67—70]. Однако после распада советского блока западный интервенционизм, получивший теоретическую базу в качестве «права вмешательства» в 1987 г. и уточненный как «ответственность по защите» в 2001 г., проявился во всех направлениях: в Сомали в 1992 г. (США), в Руанде в июле 1994 г. (Франция), в Гаити в июле 1994 г. (США), на острове Тимор в сентябре 1999 г. (Австралия), в Югославии в марте 1999 г. (НАТО), в Афганистане в октябре 2001 г. (США и Великобритания), в Ираке в марте 2003 г. (США и Великобритания), в Кот-д'Ивуаре в ноябре 2004 г. и апреле 2011 г. (Франция), в Ливии в марте 2011 г. (НАТО) и, наконец, в Мали в январе 2013 г. (Франция) [Galy 2013: 60].

Таким образом, новая «большая игра» характеризуется не столько переделом мира непосредственно в области управления, как это было на Берлинской конференции, созванной в 1885 г. для раздела африканских территорий в условиях «драки за Африку» и заложившей основу для стандартизации новой структуры международных отношений, оставляющей в стороне инструменты дипломатии и делающей акцент на силовом урегулировании разногласий [Badie 2010]. В это же время такая структура позволяла могущественным государствам определять необходимость военной интервенции в соответствии с принципом круговой логики. Такое решение закономерно приводит к уверенности западного общества в том, что на этих землях «начинается анархия» [Kaplan 1994: 44—74]. Из этого плавно вытекает вывод о том, что таким странам нужно оказывать помощь в управлении и стремиться дисциплинировать их — иначе они могут представлять собой угрозу для Севера.

Именно в этой плоскости нужно рассматривать визит президента Олланда в Томбукту 2 февраля 2014 г.¹, вписывающийся в схему, реализованную в 2003 г. Президентом США Джорджем Бушем². Последовательность событий тогда разворачивалась следующим образом: провозглашение опасными правящих режимов (Ирак, Ливия), вооруженных группировок (талибы, Аль-Каида), отдельных личностей (Саддам Хусейн, Муаммар Каддафи, Лоран Гбагбо), список целей, объявленных требующими чрезвычайного вмешательства экспертов в области безопасности (приверженцев «борьбы против религиозного фанатизма») и привлечение патриотически настроенных представителей СМИ («сопровождающих наших солдат»); дипломатические усилия, предпринятые ради возможности заявить впоследствии, что «было сделано все возможное»; «контактная группа», ссылающаяся сама на себя; военная операция, развернутая «во имя борьбы с терроризмом», проходящая с впечатляющей демонстрацией силы — (*shock and awe*) «шок и трепет»,

¹ Hollande à Bamako: Le terrorisme n'a pas encore été vaincu. Available at: <http://www.leparisien.fr/international/mali-hollande-en-visite-pour-appeler-les-africains-a-prendre-le-relais-02-02-2013-2534063.php>. (date of access: 12.06.2016).

² Mission accomplie en Irak: c'était il y a 11 ans. Available at: <http://geopolis.francetvinfo.fr/mission-accomplie-en-irak-cetait-il-y-a-11-ans-37233> (date of access: 12.06.2016).

потрясение и устрашение, это те слова, которыми без сомнения можно описать вторжение США в Ирак 19 марта 2003 г.¹

А когда это вмешательство приводит к отступлению противника, лидер западного государства отправлялся в сердце страны — объекта вторжения и заявлял, что «миссия выполнена» (Джордж Буш на авианосце ВВС США «Абрахам Линкольн» 1 мая 2003 г.), что «Ливия освобождена» (Николя Саркози в Бенгази 15 сентября 2011 г.) или что «террористические группы ослаблены» (Франсуа Олланд в Томбукту 2 февраля 2013 г.). Французские и американские освободители принимают благодарности (многочисленные плакаты с надписями: «Спасибо, Буш», «Спасибо, Саркози», «Спасибо, Папа Олланд»), и такая инфантилизация неизбежно создает видимость лояльности².

Впоследствии организуется международная конференция в поддержку стран, подвергшихся вторжению, звучат обещания значительной финансовой поддержки (не обязательно реализующиеся по прошествии времени) и проводятся выборы. Этот момент и то, как подается информация о нем, завершают создание ореола «успеха», не подлежащего сомнению. «При всем уважении к приверженцам „неоколониализма“ и сторонникам традиционной дипломатии, малийская война подтверждает правомерность этого „долга вмешательства“, все в большей и большей степени ложающегося на великие демократические нации, — такие восторженные слова, к примеру, были опубликованы одним из французских издателей в феврале 2013 г. после вооруженного вторжения в Мали. — [Такое] вмешательство... дает, в основном, гораздо лучшие результаты, чем невмешательство» [Joffrin 2013: 5].

Не имеющий примеров в истории энтузиазм, проявляемый западными государствами в отношении интервенций в начале XXI в., таким образом, отмечает важную тенденцию, которую необходимо отметить: если говорить максимально просто — интервенция сама по себе не залог успеха, как утверждал востоковед XIX в. Так, согласно словам Эдварда Саида, подобные события сопровождаются формированием в умах широкой общественности мнения о нормальности и допустимости вооруженных действий, проводимых с политическими целями. Однако после интервенции, казалось бы, «освобожденные» территории продолжают оставаться небезопасными, либо ситуация только ухудшается [Said 1994]. Эта, вторая, фаза вторжения неизменно создает условия для асимметричных войн, ведущихся группировками, отступившими в труднодоступные районы (Вазиристан, «Адрар-Ифорас»), «охоты на ведьм» в отношении каких-либо этнических групп или проигравших политиков, нарушений прав человека, нападений и похищений людей, и, в конечном итоге, к исходной проблеме добавляется еще большая нестабильность. Так, большинство регионов, испытавших на себе все эти процессы, в последнее время страдают от конфликтов более тяжелых, нежели раньше, —

¹ Le Mali, théâtre de l'ingérence internationale banalisée? Available at: <http://www.jolpress.com/mali-operation-serval-michel-galy-theatre-ingerence-internationale-banalisee-article-819963.html> (date of access: 12.06.2016).

² Il a choisi, il a osé: il a dit NON! 28 Avril 2014. Available at: http://www.fncdumali.com/Il-a-choisi-il-a-ose-il-a-dit-NON-_a93.html (date of access: 12.06.2016).

в Сомали различные группировки возникли в 1970 г. во время конфликта с Эфиопией; Ирак пережил череду войн начиная с 1980 г.; древняя вражда общин в Руанде и Афганистане и автократий в Гаити, Кот-д'Ивуаре и Ливии разрушили эти общества [Survie 2013: 115—118].

ОТ АЛЖИРСКОЙ РЕЗНИ ДО ПЕРЕВОРОТА В ЛИВИИ

Если «туарегский вопрос» можно назвать относительно обычным случаем сепаратистских устремлений, не удовлетворенных в результате деколонизации (таким, как курдский вопрос на Ближнем Востоке), то теперешний конфликтный потенциал региона Сахель проистекает непосредственно из неразрешенности алжирской гражданской войны 1990-х гг. К концу 1997 г. Алжир был обессилен почти десятилетним социальным кризисом, выродившимся в одну из самых кровавых гражданских войн, когда-либо известных миру¹. От восстания в Алжире в октябре 1988 г. и до резни в Релизанае в декабре 1997 г. первую роль в превращении страны в ад играют радикальные вооруженные группировки, характеризующиеся устойчивой чрезмерной жестокостью, устойчивой неясностью в отношении действительной природы их организаторов и преследующие скорее криминальные, нежели идеологические цели².

Несмотря на то, что после своего создания в 1998 г. и на протяжении последующих 5 лет Салафистская группа проповеди и борьбы (СГПБ), представитель Вооруженной исламской группы (ВИГ), относительно не воспринималась как угроза безопасности, в 2003 г. она начинает проникновение в северную часть Мали, установив девять лет спустя практически полный контроль над этой областью [Саватеев 2015: 227—256].

Начиная от захвата в качестве заложников двадцати трех европейцев в февралеп—апреле 2003 г. и до захвата сотен иностранных граждан на газовом месторождении у города Ин-Аменас 16—19 января 2013 г., СГПБ, сменившая название на Аль-Каиду в странах исламского Магриба (АКИМ) в январе 2007 г., за десятилетие превратилась из внутренней проблемы Алжира в проблему целого региона Магриб—Сахель, выросла из вызова стабильности африканского континента в «угрозу международному миру и безопасности»³.

Итак, если похищения людей 2003 г. определяют схему действий террористов (между 2003 г. и 2013 г. в регионе семьдесят два заложника было захвачено, из них десять человек были казнены), события 2013 г. указывают на алжирское проис-

¹ La question touareguelle quels enjeux? Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00829029/document> (date of access: 12.06.2016).

² Mohammad-Mahmoud Ould Mohamedou. Le nouveau «grand jeu» des puissances occidentales. Available at: http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/international_history_politics/shared/faculty_publications/OULD_MOHAMEDOU-Grand_Jeu_Sahel_-_Book_Chapter_2013.pdf (date of access: 12.06.2016).

³ L'Algérie au dilemme malien. Available at: <http://sahel-intelligence.com/2586-sahel-lalgerie-face-au-dilemme-malien.html>. (date of access: 12.06.2016).

хождение кризиса, поскольку после французского вторжения в Мали реакция вооруженных группировок происходила со стороны Алжира [Notin 2014: 81—85].

В действительности очевидно влияние ВИГ на СГПБ, в дальнейшем АКИМ, как и на Движение за единство и джихад в Западной Африке (ДЕДЗА), сформированное в декабре 2011 г., и на Ансар аль-Шариа, отколовшуюся от ДЕДЗА в январе 2012 г.

Первоначально алжирцы спровоцировали нестабильность на севере Мали с целью набрать добровольцев из числа жителей этой области. Впоследствии это проникновение вызвало появление подражателей, что сделало возможным создание Ансар ад-Дин, группы туарегов радикальной исламистской ориентации, сформированной в декабре 2011 г., накануне восстания Национального движения за освобождение Azawad (НДОА), косвенным образом спровоцировавшего смену власти в Бамако 21 марта в пользу представителей вооруженных сил [Galy 2013: 66].

Несомненно, нужно исходить из этого, чтобы понять поведение вооруженных группировок в Сахеле. Происхождение АКИМ, ранее — СГПБ, рядовой группировки, от ВИГ, подрывает псевдорелигиозный образ группы. После 11 сентября¹ АКИМ начинает приобретать союзников в Сахеле, создавать подразделения и многочисленные *katibas* (бригады).

Действительная природа группировки выявляется, если обратить внимание на незаконный оборот наркотиков, оружия, бензина, сигарет и похищение иностранцев в качестве заложников. Политическая экономия терроризма подразумевает соучастие организаторов похищений и посредников, заинтересованных в проведении переговоров с точки зрения получения финансовой выгоды. Бизнес-план организаторов АКИМ основан на получении выгоды от стратегии регионализации, проводимой под руководством Al-Qaida al oum (Матери Аль-Каиды), владеющей франшизой, но в конечном итоге жертвующей некоторой частью контроля и сплоченности [Bourguï 2013: 91—106].

Второй по значимости фактор дестабилизации региона Сахель — результат вмешательства НАТО в вооруженный конфликт в Ливии и насильственное разрешение революционных процессов, происходивших в стране 16 февраля 2011 г.

Во-первых, после открытия в конце февраля 2011 г. ливийских оружейных хранилищ большое количество оружия попадает в Сахель. Среди первых, кто воспользовался этой возможностью — АКИМ, быстро отправившая своих представителей для захвата части этих запасов и переправления арсенала в убежища организации в северной части Мали [Survie 2013: 234].

Во-вторых, группы туарегов, находившиеся в Ливии в изгнании, возвращаются в Мали обогащенными боевым опытом и полными желания отомстить правительству Мали, и без того ослабленному потерей союзника в Триполи. Таким образом, 16 октября 2011 г. две основные политические формации туарегов, Национальное движение Azawad (АМН) и Союз Туарегов Северного Мали за перемены

¹ Mohammad-Mahmoud Ould Mohamedou. Le nouveau «grand jeu» des puissances occidentales. Available at: http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/international_history_politics/shared/faculty_publications/OULD_MOHAMEDOU-Grand_Jeu_Sahel_-_Book_Chapter_2013.pdf (date of access: 12.06.2016).

(Alliance touarègue du Nord-Mali pour le changement (АТНМС)), объединяют свои силы, чтобы образовать Национальное движение за Освобождение Azawad (НДОА). Этот союз начинает в январе 2012 г. военное наступление при поддержке исламистов, к концу марта завоевывая Томбукту, Гао и Кидаль [International Crisis Group 2012: 5—6].

Кризис, зародившийся в Мали в начале 2012 г., на фоне окончания правления малийского Президента Амаду Тумани Туре, является столкновением на геополитической арене трех разных действующих сил: растущего контроля территории северного Мали со стороны радикальных исламистских группировок алжирского происхождения, распространявшихся в этой области на протяжении по меньшей мере десяти лет; появление в регионе большого количества оружия из ливийских запасов, послужившего беспрепятственному вооружению АКИМ и связанных группировок; и, наконец, сепаратистские устремления вновь созданных туарегских группировок [Подгорнова 2015: 61]. После разгрома малийской армии и победы над НДОА в июне и ноябре 2012 г. ополченцы Ансар ад-Дин 8 января 2013 г. начинают удары по городам Мопти и Конна, находившиеся под управлением французской армии, запросившей помощь со стороны малийских властей [International Crisis Group 2012: 5—6].

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, НЕУСТОЙЧИВАЯ ПОЗИЦИЯ И ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ

В обстановке перераспределения принципов международных отношений Сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) начинает предпринимать действия по урегулированию кризиса в Мали. 5 июля 2012 г. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принимает Резолюцию 2056¹, в которой выражает поддержку усилиям временного правительства Мали и призывает к восстановлению территориальной целостности государства. Совет отмечает просьбу ЭКОВАС о развертывании сил по стабилизации и «выражает готовность рассмотреть дальнейшие просьбы [...], как только будет получена более подробная информация о целях, средствах и условиях предполагаемого развертывания». 12 октября была принята Резолюция 2071²: предполагая развертывание в Мали африканских вооруженных сил под руководством ЭКОВАС, Совет снова запрашивал дополнительную информацию об африканских странах, предоставляя 45-дневный срок для подготовки доклада о принятых мерах.

Проект этого вторжения бесконечно удивляет тем, что подразумевает взаимодействие в партнерстве с авторитарными правящими режимами Юга, особенно с учетом того, что они планируют вторжение. Тот же самый Совет Безопасности, выдавший разрешение на военное вмешательство в Ливию в марте 2011 г. (Резо-

¹ Резолюция 2056 (2012), принятая Советом Безопасности на его 6798-м заседании 5 июля 2012 г. S/RES/2056 (2012).

² Резолюция 2071 (2012), принятая Советом Безопасности на его 6846-м заседании 12 октября 2012 г.

люция 1973), запросил перед этим «дополнительную информацию о НАТО» [Survie 2013: 116—120]!

В большей степени, нежели предыдущая, современная «большая игра» характеризуется свободой, с которой ответственные лица корректируют свои высказывания по некоторым вопросам. Так, столкнувшись с вооруженным восстанием в декабре 2012 г. и обратившись к Франции за помощью, центральноафриканский Президент Франсуа Бозизе (François Bozizé) получил отказ. «Франция не будет вмешиваться в кризис в стране; наше присутствие необходимо, чтобы защищать наших граждан и наши интересы, но ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела»¹ — заявляет позднее Франсуа Олланд. Он же удовлетворяет четырнадцать дней спустя просьбу временного правителя Мали Дионкунды Траоре о содействии в борьбе с вооруженными группировками [Notin 2014: 123—124].

Культивирование неоднозначности в том, что касается обязательств, действительно выглядит важнейшим фактором, позволяющим вести интервенционную деятельность; как бы ни были велики противоречия, стать заложником своих слов невозможно. В данном случае, французские власти изначально придерживаются отстраненной позиции. «Никаких французских войск в Мали не будет»², — заявил президент Франсуа Олланд 11 октября 2012 г., добавив: «Мы не можем вмешиваться в дела африканцев»³. 23 декабря, за 20 дней до начала французского вторжения, Министр обороны Жан-Ив Ле Дриан (Jean-Yves Le Drian) настаивал: «Урегулировать ситуацию должны африканцы, а не французы»⁴. После прибытия войск в регион продолжительность вторжения стала предметом военной тайны. «Французское присутствие продлится столько, сколько необходимо» [Notin 2014: 123], утверждает президент Олланд 2 февраля, в то время как министр иностранных дел Лоран Фабиус 5 февраля замечает: «Начиная с марта месяца, количество военнослужащих в Мали, как ожидается, должно снизиться». Неделей ранее президент Олланд говорил: «В настоящее время африканцы могут действовать самостоятельно. Это они будут вести наступление на северном фронте» [Galy 2013: 72].

Также и позиции, высказываемые «международным сообществом» в отношении последствий французской интервенции, отмечены сильной двусмысленностью. Хотя они выглядят безопасными; даже при наличии критики — в начале

¹ La France refuse d'intervenir en Centrafrique. Available at: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2012/12/28/la-france-refuse-d-intervenir-en-centrafrique_1811177_3212.html (Accessed: 12.06.2016).

² Mali: On peut donner un appui matériel, on peut former, mais la France n'interviendra pas (François Hollande). Available at: <http://lignesdedefense.blogs.ouest-france.fr/archive/2012/10/11/mali-on-peut-donner-un-appui-materiel-on-peut-former-mais-la.html> (Accessed: 12.06.2016).

³ L'intégrité du Mali est essentielle pour la sécurité de l'Europe, le 23/12/2012. Available at: http://www.la-croix.com/Actualite/Monde/Jean-Yves-Le-Drian-L-integrite-du-Mali-est-essentielle-pour-la-securite-de-l-Europe-_NG_-2012-12-23-891153 (Accessed: 12.06.2016).

⁴ Le terrorisme n'a pas encore été vaincu. Available at: <http://www.leparisien.fr/international/mali-hollande-en-visite-pour-appeler-les-africains-a-prendre-le-relais-02-02-2013-2534063.php> (Accessed: 12.06.2016).

декабря 2012 г. посол США в ООН Сьюзан Райс заявила на заседании в Нью-Йорке, говоря о французском плане: «It's crap» («Он никакой»)¹, — США оказывают военную и финансовую поддержку французской интервенции (и одновременно торжественно открывают базу беспилотных аппаратов, расположенную в Нигере). Аналогично и Германия высказывается относительно поддержки Франции двусмысленно, как до, так и после оказания таковой поддержки. По той же логике действуют страны в регионе, в том числе Алжир, который, несмотря на протесты общественности против проекта вмешательства, предоставляет полномочия на облет своей территории. Эта же культивирование неоднозначности, наконец, обнаруживается в Организации Объединенных Наций: в то время как Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун предупреждает 28 ноября 2012 г., что плохо спланированное и выполненное военное вмешательство «может ухудшить и без того крайне хрупкую гуманитарную ситуацию, а также может привести к серьезным нарушениям прав человека»², ООН поддерживает французскую операцию несколькими неделями спустя, без каких-либо мер по обеспечению судьбы сотен тысяч беженцев и вынужденных переселенцев в связи с кризисом³.

В конце концов, новая «Большая игра» стала причиной нарушения принципа суверенитета, переопределения путей развития государств, подмены направления их развития из области поддержания безопасности и стабильного политического процесса к уязвимости, насилию и всему тому, что связывается с образом пост-колониального государства. Отныне надлежит «ремонттировать» [Kaplan 2018: 75] эти «хрупкие», «слабые», «неудавшиеся» государства — что стало бы «проблемой первостепенной важности для мирового порядка» [Fukuyama 2002: 92].

Не учитывая того, что «слабость» является условием, а не результатом выбора, такая терминология определения неблагонадежности государств приводит общества в любой части света к недееспособности политики и доминированию экономики, в сочетании создающих иллюзорное моральное право «разделять и управлять» [Diabashi 2011: 6].

Детище «Большой игры», актуальной на протяжении последних нескольких десятилетий, война в Мали является фактором двух крупнейших тенденций. Первая из них — тенденция к непрерывному ухудшению международных стандартов в вопросах мира и войны, в рамках которых ответственные структуры все в меньшей степени вызывают доверие и тем не менее продолжают сохранять за собой право принимать и реализовывать решения, поскольку альтернативных им структур просто не существует. Вторая тенденция выражается в размывании таких

¹ Rice: French plan for Mali intervention is 'crap'. Available at: <http://foreignpolicy.com/2012/12/11/rice-french-plan-for-mali-intervention-is-crap> (date of access: 12.06.2016).

² L'Onu peu désireuse de se porter garante d'une intervention militaire "risquée" au Mali. Available at: http://www.algeria-watch.org/fr/article/pol/mali/onu_peu_desireuse.htm (date of access: 12.06.2016).

³ Ban Ki-moon invite à la prudence sur une opération au Mali. Available at: http://www.liberation.fr/planete/2012/11/29/ban-ki-moon-invite-a-la-prudence-sur-une-operation-au-mali_863869 (date of access: 12.06.2016).

понятий, как победа и поражение, на смену которым приходит длительный процесс пост-интервенционного распада, ставящего под угрозу консолидацию государственной власти, укреплению которой, как бы парадоксально это не звучало, должна была служить интервенция [Galy 2013: 75].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: ЛЕНАНД. 2015. сс. 227—256.

Подгорнова Н.П. Политика Франции в странах Северо-западной Африки. М., 2015.

Badie B. La diplomatie de connivance. Les derives oligarchiques du systeme international. La Decouverte. Paris. 2011. 273 p.

Bourgui A. Le délitement de l'Etat en Afrique: l'exemple du Mali. 2013. pp. 91—106.

Diabashi H. Brown Skin, White Masks, Pluto Press, London, 2011.

Fukuyama F. State-Building. Governance and World Order in the 21st Century, Cornell University Press, Ithaca, New York, 2004. P. 92.

Galy M. La guerre de la France au Mali. Comprendre la crise au Sahel et au Sahara: enjeux et zones d'ombres. Editions La Découverte, Paris, 2013. 198 p.

International Crisis Group. Mali: eviter l'escalade. Rapport Afrique de Crisis group. № 189. 18 juillet 2012. P. 5—6.

Kaplan S. Fixing Fragile States: A New Paradigm for Development (Praeger Security International). London. 2008. P. 75.

Notin J.C. La guerre de la France au Mali. Editions Tallander. 2014. 656 p.

Said E. Culture et imperialism, Vintage. New York. 1994. 380 p.

Santande S. L'Afrique, nouveau terrain de jeu des emergents. Karthala, 2014. P. 133 136

Survie. La France en Guerre au Mali. Editions Tribord, 2013. 249 p.

Дата поступления статьи: 01.03.2016

Для цитирования: *Хассимиу Б.* Новая Большая игра западных держав в регионе Сахеля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 215—225.

NEW GREAT GAME OF THE WESTERN POWERS IN THE SAHEL REGION

B. Hassimiu

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

This article examines and analyzes the role of Western countries in the process of destabilization of the Sahel region. The author describes in detail the process of legitimizing the invasion of the Western powers in the countries of Africa, revealing the sequence of events related to this phenomenon, as well as the totality of its consequences. The article highlighted and described a number of trends

that have emerged as a result of the new "Great Game" and define the dynamics of the world order. Special attention is paid to the issue of fighting terrorism, as required in-depth study. The paper presents in detail the metamorphosis of armed movements and groups in the region, from the Algerian slaughter and before the revolution in Libya, accompanied by their strengthening and growing influence on the level of participants in the civil war to the threat of global proportions.

Author resumes that in the end, the new "Great Game" caused a violation of the principle of sovereignty, redefining the ways of development of states, spoofing the direction of development from the maintenance of security and stability of the political process to the vulnerability and violence including all that is associated with the image of the post-colonial state.

Key words: New Great Game, the Western powers, the Sahel, terrorism, invasion, international organizations

REFERENCES

Badie B., 2011. La diplomatie de connivance. *Les derives oligarchiques du systeme international*. La Decouverte, Paris, 273 p.

Bourgui A., 2013. *Le délitement de l'Etat en Afrique: l'exemple du Mali*, pp. 91—106.

Diabashi H., 2011. *Brown Skin, White Masks*. Pluto Press, London.

Fukuyama F., 2004. *State-Building. Governance and World Order in the 21st Century.*, Ithaca, New York, Cornell University Press, p. 92.

Galy M., 2013. *La guerre de la France au Mali. Comprendre la crise au Sahel et au Sahara: enjeux et zones d'ombres*. Editions La Découverte, Paris, 198 p.

International Crisis Group, 2012. *Mali: éviter l'escalade*. Rapport Afrique de Crisis group, no. 189, pp. 5—6.

Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira: Strany Severnoi i Severo-Vostochnoi Afriki, 2015. [Islamic radical movements on the political map of the modern world: North and Northeast Africa]. Edit. by: A.D. Savateev, E.F. Kisriev. Moscow, LENAND, pp. 227—256.

Kaplan S., 2008. *Fixing Fragile States: A New Paradigm for Development* (Praeger Security International), London, p. 75.

Notin J.C., 2014. *La guerre de la France au Mali*. Editions Tallander, 656 p.

Podgornova N.P., 2015. *Politika Frantsii v stranakh Severo-zapadnoi Afriki* [France's policy in the countries of North-West Africa]. Moscow.

Said E., 1994. *Culture et imperialism*. Vintage, New York, 380 p.

Santande S., 2014. *L'Afrique, nouveau terrain de jeu des émergents*. Karthala, p. 133—136

Survie. La France en Guerre au Mali. Editions Tribord, 2013, 249 p.

For citations: Hassimiu B. New Great Game of the Western powers in the Sahel region. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 215—225.

АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА ДЕЛИ И ИНДИЙСКИЕ ОБЩИНЫ В СТРАНАХ АФРИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В.А. Усов

Институт Африки РАН, Москва, Россия

С момента получения независимости Индией и африканскими странами наличие крупных индийских общин в странах континента служило постоянным источником беспокойства для индийских властей, видящих в этих общинах скорее препятствие для развития дружественных отношений со странами Африки, чем дополнительные возможности. Новая политика в отношении диаспоры начала реализовываться в начале 2000-х гг., но именно правительство во главе с Нарендрой Моди, пришедшее к власти в 2014 г., сделало отношения с диаспорой одним из своих приоритетов. Н. Моди на новом, значительно более масштабном уровне провел 3-й Индийско-африканский форум-саммит в октябре 2015 г., но пока его энергичный стиль не принес желаемых результатов. Этой цели может послужить запланированный на июль 2016 г. визит Н. Моди в несколько африканских стран, в рамках которого предусмотрены встречи индийского премьер-министра с представителями индийских общин. Между тем новая политика Индии в отношении диаспоры, направленная на превращение ее в «послов Индии», может вызвать противодействие среди, например, южноафриканских индийцев, многие из которых воспринимают себя в качестве именно южноафриканцев и никого более. Еще одним вопросом, требующим от Н. Моди скорейшего решения, является принятие мер по предотвращению расистских атак против проживающих в Индии африканцев, которые наносят очевидный ущерб имиджу Индии в странах Африки.

Ключевые слова: Африка, Индия, индийская диаспора, Нарендра Моди, 3-й саммит «Индия—Африка»

Наличие крупных общин выходцев с Индийского субконтинента в Африке так или иначе всегда влияло на отношения независимых Индии и африканских стран. Высылка Иди Амином «азиатов» из Уганды в 1972 г. стала лишь наиболее известным эпизодом, касающимся пребывания индийцев в Африке, их непростых взаимоотношений с африканцами и тех противоречий, с которыми регулярно сталкиваются официальные власти Дели в развитии отношений Индии с африканскими странами.

Долгое время наличие диаспоры рассматривалось индийскими правящими кругами, скорее, как помеха строительству добрососедских отношений со странами Африки. Еще до деколонизации Африки один из основателей современной Индии, лидер партии Индийский национальный конгресс (ИНК) и первый премьер-министр страны Дж. Неру прямо советовал индийцам, оказавшимся за границей, стать лояльными гражданами стран их пребывания и понимать, что именно интересы коренного населения должны быть преобладающими после получения бывшими колониями независимости. Руководство ИНК, кажется, полагало, что поддержка Индией борьбы африканцев за независимость является лучшей гарантией прав индийского меньшинства в Африке, и были весьма разочарованы, когда это оказалось не так [Dubey 1990: 25].

Надо сказать, что и сами представители диаспоры не питали особых надежд на помощь со стороны независимой Индии. В массе своей они предпочли получить британское гражданство после получения независимости государствами Восточной Африки на рубеже 1950—1960-х гг. И когда индийское правительство предложило всем изгнанникам из Уганды вернуться на родину предков, лишь незначительная часть из почти 80 тысяч беженцев выбрала Индию своим новым домом.

Реальная политика в отношении диаспоры стала проводиться Индией только с момента прихода к власти правительства Бхарата Джаната Парти (Индийской народной партией, или БДП) во главе с А.Б. Ваджапай в 1998 г.¹

В отличие от ИНК, отягощенной историческим наследием курса Неру и весьма осторожной в вопросах привлечения диаспоры, БДП исторически поддерживала тесные связи с индийскими общинами за рубежом [Dubey 2003:166]. Кульминацией нового курса стало образование в сентябре 2000 г. Комитета по вопросам индийской диаспоры при правительстве Индии². Главным итогом почти двухлетней работы Комитета явилась подготовка 600-страничного доклада, включающего анализ состояния диаспоры в различных районах мира и рекомендации правительству Индии по формированию политики в отношении диаспоры.

Стоит отметить, что в официальных индийских документах выделяются три основные категории индийцев, проживающих за границей. Самая большая категория — ПИО (People of Indian Origin), или «старая» иммиграция, представленная третьим, а то и четвертым-пятым поколением индийцев, проживающими в основном в бывших британских и других европейских колониях в Азии, Африке, Океании и Карибском бассейне. Эти люди в массе своей растеряли родственные связи с Индией и практически никак с ней не связаны. ПИО составляют основную массу зарубежных индийцев. Их насчитывается не менее 10 млн³.

Другой крупной категорией зарубежных индийцев являются НРИ (NRI — Non-Resident Indians)⁴. НРИ — «новая» иммиграция, преимущественно проживающая в западных странах. Юридически — это в основном индийские граждане, чей статус имеет прежде всего налоговое значение, определяемое длительностью их пребывания вне пределов Индии. В массе своей НРИ сохранили крепкие родственные и иные связи со страной происхождения. Однако в эту категорию включают не только лиц, сохранивших индийское гражданство, но и вообще всю недавнюю иммиграцию, что создает некоторую терминологическую путаницу.

¹ Media Briefing by Dr. L.M. Singhvi, Chairman, High Level Committee on Indian Diaspora; and Shri J.C. Sharma, Secretary in the Ministry of External Affairs and Member-Secretary of High Level Committee. 1 November, 2002. — P. 1.

² High Level Committee on Indian Diaspora. Mandate of the Committee. Available at: www.indiandiaspora.nic.in (date of access: 03.04.2016).

³ High Level Committee on Indian Diaspora. Part I. The Size of Diaspora. Available at: www.indiandiaspora.nic.in (date of access: 03.04.2016).

⁴ Foreign Exchange Management (Deposit) Regulations, 2000; FEMA (Investment in Firm or Proprietary Concern in India) Regulations, 2000; Income Tax Act, 1961. Available at: www.indiaday.org/nri-policy/definition.htm (date of access: 03.04.2016).

Численность данной группы постоянно растет и в настоящее время, вероятно, сравнялась по численности со «старой диаспорой»¹.

Четкой грани между НРИ и ПИО нет, и термин ПИО часто используется для обозначения всей индийской диаспоры, как собственно ПИО, так и НРИ.

Отдельная категория диаспоры — индийцы, работающие по контракту в богатых нефтедобывающих странах Персидского залива. Все они индийские граждане, и по действующему законодательству арабских стран не имеют шансов на получение их гражданства, сколько бы лет они в них не проработали. Указанная группа составляет по разным оценкам от трех до шести миллионов человек².

Основное внимание в докладе Комитета было уделено интересам НРИ, проживающим в развитых странах Запада. Наиболее же острые споры среди всех рекомендаций Комитета правительству Индии вызвал вопрос о двойном гражданстве. Двойное гражданство прямо запрещено конституцией Индии, но именно этого хотели многие индийцы, проживающие в развитых западных странах. НРИ не раз отмечали, что такое решение позволит создать более крепкую связь диаспоры с Индией, и приводили в пример Китай, использующий похожую схему, получившую название «бамбуковой»³.

Однако реализация этой спорной идеи была отложена пришедшим к власти в 2004 г. новым правительством Индии во главе с ИНК, которым было создано новое Министерство по делам зарубежных индийцев. В ведение данного министерства передали почти все вопросы, касающиеся интересов диаспоры⁴. Без излишнего шума новые индийские власти вместо «двойного гражданства» предложили зарубежным индийцам приобрести сертификат «заграничного индийского гражданства», по сути предоставлявшего им лишь некоторые экономические, но не политические права⁵.

Несмотря на некоторую активизацию усилий правительства Индии по отношению к диаспоре после мирового экономического кризиса в 2008—2009 гг. в целом, как в Индии, так и среди индийской диаспоры в отношении к решениям правительства ИНК преобладал скепсис. Многочисленные индийские и иностранные эксперты не раз указывали, что политика официального Дели в отношении диаспоры страдает от непоследовательности и плохого исполнения, а многие важные рекомендации доклада по индийской диаспоре, предложенные еще в 2001 г., например создание базы данных всех членов индийской диаспоры и фонда по ее изучению, так и не были выполнены.

¹ High Level Committee on Indian Diaspora. Part I. The Size of Diaspora. Available at: www.indiandiaspora.nic.in (date of access: 03.04.2016).

² Ibid.

³ India to grant dual citizenship to PIOs. 9 January, 2000. Available at: www.ndtv.com (date of access: 03.04.2016).

⁴ “We will listen to Indians abroad”. Interview with the Minister for Overseas Indians Jagdish Tytler. 3 December, 2004. Available at: <http://specials.rediff.com/news/2004/dec/03inter.htm>; GOPIO Memorandum to PM. Available at: http://www.gopio.net/gopio_pm2003.htm (date of access: 03.04.2016).

⁵ Singh, Shubha. Taking India to overseas Indians. Available at: <http://www.dailypioneer.com/columnist1.asp> (date of access: 03.04.2016).

Общее разочарование индийского общества в неспособности ИНК решить многочисленные проблемы страны, а также личность Нарендры Моди, много лет руководившего одним из наиболее успешно развивающихся индийских штатов — Гуджаратом, способствовали приходу к власти в Индии в мае 2014 г. нового правительства во главе с БДП, обещавшего ускорить проведение экономических реформ, повысить роль и значение Индии в мировых делах.

Н. Моди был активно поддержан почти всеми кругами индийской диаспоры, особенно НРИ. Его многочисленные выступления перед зарубежными индийцами в западных странах пользуются неизменным успехом.

В первый же год своего премьерства Н. Моди обеспечил упрощение бюрократических процедур пребывания зарубежных индийцев в Индии и пообещал ввести пожизненную визу для лиц, имеющих сертификат «заграничного индийского гражданства»¹. Также он упразднил Министерство по делам зарубежных индийцев, вновь передав его функции в ведение индийского МИДа.

Как результат, не просто успех, но и «обожание» Н. Моди в среде НРИ приняло невиданные по индийским меркам масштабы. Эксперты отмечают, что Н. Моди обращается не только к экономическим интересам диаспоры, но и пытается эмоционально воздействовать на национальные и религиозные чувства приверженцев индуизма, утверждая, что тесные связи Матери-Индии с зарубежной диаспорой — неотъемлемая часть великой индийской цивилизации². «Мы, — утверждает близкий соратник Н. Моди, генеральный секретарь БДП Рам Мадхав, — меняем контуры дипломатии и ищем новые пути укрепления интересов Индии за рубежом». «Они [диаспора] могут быть голосом Индии, даже будучи лояльными гражданами тех стран, где живут. Это долгосрочная цель в отношении диаспоры. Это подобно тому, как еврейская община США заботится об интересах Израиля» [Ивашенцов].

Два года назад Н. Моди был активно поддержан как индийскими деловыми кругами, ориентированными на сотрудничество с Африкой, так и индийским научным сообществом. Новому правительству было предложено не просто разработать меры по более эффективному сотрудничеству индийского бизнеса и властей с Африкой и следить, чтобы все обещания, которые прежнее правительство дало африканским странам, выполнялись без сбоев, но и учиться этому на опыте Китая³.

Символами активного двустороннего индийско-африканского сотрудничества с 2008 г. стали скопированные с успешно проходивших китайско-африканских саммитов саммиты «Индия—Африка», состоявшиеся в апреле 2008 г. в Дели и в мае 2011 г. в Аддис-Абебе. Третий саммит «Индия—Африка» состоялся в Дели

¹ Narendra Modi opens doors to India with Diaspora 'goodies bag'. Available at: <http://www.coastweek.com/3739-kul-bhushan-Modi-opens-goodies-bag-and-doors-to-India-for-Diaspora.htm> (date of access: 03.04.2016).

² Ibid.

³ Modi in Power with new Approach to Africa. 19 May, 2014. The Times of India. Available at: <http://www.thetimesofafrica.com/content/modi-power-new-approach-africa> (date of access: 03.04.2016).

26—30 октября 2015 г. В противоположность двум предыдущим мероприятиям в саммите приняли участие представители почти всех стран Африки, в том числе 41 африканское государство представляли первые лица, а общее количество африканских представителей составило не менее 2 тыс. человек¹ [Vines 2015].

Интерес африканских лидеров к участию в данном мероприятии во многом определялся достигнутыми ранее результатами индийско-африканских отношений. За последние пятнадцать лет индийско-африканский товарооборот вырос с \$ 3 млрд до \$ 70 млрд². Индия выдала льготные кредиты африканским странам на сумму \$ 9 млрд³ и предоставила африканцам 40 тыс. стипендий на обучение по 300 различным программам и курсам⁴, в том числе 25 тыс. только за три последних года⁵.

Учитывая достигнутые ранее успехи и амбиции Н. Моды, перед началом 3-го саммита не было недостатка в прогнозах о том, как данное мероприятие сможет активизировать и вывести на новый уровень экономические и политические связи Индии с Африкой и, по сути, откроет новую страницу в индийско-африканских отношениях. И действительно, в рамках проведения саммита индийским руководством был объявлен ряд новых инициатив, предусматривающих, в частности, увеличение до \$10 млрд размера льготных кредитов, представляемых Индией африканским странам в течение следующих 5 лет в дополнение к \$7,2 млрд, ранее предоставленным странам Африки по итогам индийско-африканских саммитов 2008 и 2011 г.⁶

В то же время анализ принятых решений и выступлений участников 3 саммита дает основания считать, что ничего принципиально нового по сравнению с предыдущими саммитами на нем не произошло. Некоторое количественное увеличение объемов помощи, объявленное индийскими властями, не выглядело зна-

¹ Africa major focus of BRICS Bank: Indian Premier. The BRICS Post. 24 October, 2015. Available at: <http://thebricspost.com/africa-major-focus-of-brics-bank-indian-premier/#.VlnKOuPHSSo> (date of access: 03.04.2016).

² Vanham Peter. Big dreams of India-Africa trade at Delhi forum. 5 November, 2015. Available at: <http://blogs.ft.com/beyond-brics/2014/11/05/big-dreams-of-india-africa-trade-at-delhi-forum/>; Naidu, Sanusha, Rwigy, Edwin. India's Africa trade policy under the Modi Government: Business as usual or the makings of a strategic reorientation? 4 March, 2015. Available at: <http://www.ictsd.org/bridges-news/bridges-africa/news/india%E2%80%99s-africa-trade-policy-under-the-modi-government-business-as-usual-or-the-makings-of-a-strategic-reorientation/> (date of access: 03.04.2016).

³ Statement by External Affairs Minister Smt. Sushma Swaraj at Ministerial Meeting of Third India-Africa Forum Summit. New Delhi. 27 October, 2015. Available at: http://www.iafs.in/speeches-detail.php?speeches_id=229 (date of access: 03.04.2016).

⁴ Ibid.

⁵ The India-Africa Relationship Beyond Strategic Considerations. The Wire. 24 October, 2015. Available at: <http://thewire.in/2015/10/24/the-india-africa-relationship-is-beyond-strategic-considerations-13932/> (date of access: 03.04.2016).

⁶ India pledges million in aid, low-cost loans for Africa. 29 October, 2015. Available at: <http://www.news24.com/World/News/India-pledges-millions-in-aid-low-cost-loans-for-Africa-20151029>; Singhal Rajrishi. Modi resets India's Africa strategy. The Hindu. 17 November, 2015. Available at: <http://www.thehindubusinessline.com/opinion/modi-resets-indias-africa-strategy/article7888689.ece> (date of access: 03.04.2016).

чительным уже через месяц на фоне заявлений китайского руководства на китайско-африканском саммите в Йоханнесбурге в начале декабря 2015 г. об увеличении помощи странам Африки до \$60 млрд.

В целом прошедший 3-й саммит «Индия—Африка» оставил двойственное впечатление. Основным его отличием от двух предыдущих стал, пожалуй, сам масштаб этого мероприятия. При этом стало понятно, что разработанные ранее формы и подходы к осуществлению индийско-африканского сотрудничества не устраивают нынешние власти Дели, а также не особенно интересны африканским странам, общественное мнение и СМИ которых, а также их экспертное и деловое сообщество забыли о прошедшем в Дели форуме уже через несколько дней, полностью сосредоточившись на последующем китайско-африканском мероприятии.

Еще одной яркой особенностью прошедшего 3-го саммита «Индия—Африка» стало красноречивое умалчивание Н. Моди в своих выступлениях имени Джавахарлала Неру, автора политического курса Индии в ее отношениях с Африкой и другими развивающимися странами, при том что целый ряд африканских лидеров тепло вспоминали первого премьер-министра Индии в своих речах¹.

Видимая неудовлетворенность нынешних властей Дели сложившимся положением дел в индийско-африканских отношениях, а также стремление отмежеваться от наследия исторического курса Неру—Ганди, вероятно, потребует от правительства Н. Моди каких-то новых инициатив или других неординарных шагов, которыми весьма богат политический арсенал любящего эффектные жесты и броские лозунги индийского премьер-министра. Самый удобный повод для того — запланированный на лето 2016 г. визит Н. Моди в ряд африканских стран, в том числе в Южную Африку, исторически обладающую самой большой в Африке общиной выходцев из Индии, насчитывающей до 1,5 млн человек, достаточно компактно проживающих в провинции Наталь.

Возможность установления более прочных культурных, образовательных связей и иных гуманитарных связей с Индией горячо приветствовалось индийцами ЮАР после демонтажа системы апартеида и установления дипломатических отношений между Южной Африкой и Индией в начале 1990-х гг.

В то же время представители индийской общины ЮАР с самого начала были весьма критически настроены к инициативам индийским властей вовлечь их во внешнеполитическую стратегию Индии и особенно негативно восприняли идею о «двойном гражданстве».

Объяснение критической позиции южноафриканской индийской общины к этой идее дал член АНК и парламента ЮАР, бывший борец против режима апартеида Мева Рамгобин, индиец по происхождению. «Принятие двойного гражданства, — сказал он, — будет препятствием национальному строительству в Южной

¹ McCann, Gerard. Modi may be dressing up India's Africa policy differently, but little has changed. 10 November 2015. The Conversation. Available at: <http://theconversation.com/modi-may-be-dressing-up-Indias-Africa-policy-differently-but-little-has-changed-50043> (date of access: 03.04.2016).

Африке и даже самому мирному сосуществованию в моей стране»¹. «Мы помним ужасные вещи, которые делал в Уганде Иди Амин, — добавил М. Рамгобин. Большинство экономически преуспевающих индийцев предпочли британские паспорта. Они оскорбили не только Уганду, но и Индию, продемонстрировав лояльность своим банковским счетам». «Я бы рассматривал это не только как анахронизм, — указал южноафриканский парламентарий далее, — но и как предательство, если бы я принял индийское гражданство, независимо от того, насколько экономически выгодным это могло бы быть»².

В своем отношении к идее двойного гражданства М. Рамгобин был поддержан южноафриканским профессором индийского происхождения Фатимой Мир, которая в числе первых десяти представителей индийской диаспоры получила специально учрежденную для диаспоры награду правительства Индии Праваси Бхаратия Самман в 2003 г. Выступая на церемонии вручения награды, Фатима Мир отклонила сам термин «диаспора» в отношении индийцев Южной Африки, оценив его как слишком жесткий, и так же как М. Рамгобин, подчеркнула, что индийцы Южной Африки являются именно южноафриканцами и никем более³.

Правившее в Индии с 2004 по 2014 гг. правительство во главе с ИНК явно учло эти настроения южноафриканских индийцев, более не пытаясь сделать их «послами Индии». В 2010 г. во время проведения в Дурбане Праваси Бхаратия Дивас — фестиваля индийской диаспоры — министр по делам зарубежных индийцев в правительстве Индии Ваялар Рави призывал индийцев ЮАР усилить экономические связи с Индией, но одновременно отметил, что «для африканцев индийского происхождения узы, связывающие их со страной происхождения, являются культурными и социальными» [Dickinson 2015: 83].

С момента прихода к власти в Индии в 2014 г. правительства Н. Моди риторика индийских властей существенно поменялась. Речи Н. Моди и предпринимаемые им действия указывают, что его цель состоит в трансформации роли индийской диаспоры из группы лиц, имеющих заграничное гражданство и ряд ограниченных, в основном экономических прав в Индии, в по сути дела граждан Индии, проживающих в других странах [Dickinson 2015: 81]. С этой целью используются как политические меры, вроде введения пожизненной визы, так и предпринимаются эмоционально и символически насыщенные действия, в том числе активное продвижение индийской (индусской) культуры, подчеркивание величия древней индийской цивилизации, ее всемирного характера, воплощенного в «индусском мире». Инструментами этого подхода являются поддержка культурных ассоциаций, языковых курсов, организация паломнических туров и другие меры, нацеленные на укрепление духовных связей зарубежных индийцев с прародиной.

¹ Jha, Nilanjana Bahaduri. South Africa's Indians rejected dual citizenship. The Times of India. 17 July, 2003.

² Ibid.

³ Ibid.

Конечно, отчасти указанные действия по созданию лояльной Индии диаспоры предпринимались индийскими властями и до прихода Н. Моди к власти, но именно с его именем связывается значительная активизация этих усилий. Оппозиционная правительству БДП индийская пресса уже предупреждает власти Индии о том, что такого рода игры с диаспорой могут вызвать сомнения властей африканских стран в лояльности диаспоры, что принесет как ей, так и индийским интересам в Африке только вред.

Вместе с тем нельзя отрицать энергию и харизму нынешнего индийского лидера, его политическое и деловое чутье, а также способность быстро решать поставленные задачи. В запланированном визите в Африку, как отмечается, значительное внимание индийская сторона планирует уделить расширению индийско-африканских связей путем их перевода на региональный уровень¹. Учитывая, что почти каждый из индийских штатов имеет свою специализацию, а индийские общины в африканских странах внутренне неоднородны и делятся на касты, землячества и т.д., подобный подход может оказаться весьма удачным и продуктивным решением. При этом очевидно, что проблема выработки сбалансированного подхода по взаимодействию с индийскими общинами в Африке будет сложным вопросом и для нынешнего, и для любого будущего индийского правительства. Для достижения взаимоприемлемого результата, только и способного обеспечить Индии преимущества в Африке и добрую волю африканских стран и индийских общин в африканских странах, индийским властям придется научиться учитывать не только собственные интересы, но и интересы всех своих партнеров.

Необходимо также хотя бы начать решать давно назревшую проблему борьбы с расизмом и агрессией в Индии по отношению к африканцам, которая уже омрачила празднование в Индии Дня Африки 25 мая 2016 года и вызвала после убийства в Дели конголезского студента серию вполне реальных угроз в отношении индийских бизнесменов в Демократической Республике Конго, которым власти страны даже рекомендовали пару дней не выходить из дома².

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ивашенцов Г. Моди: ставка на зарубежную индийскую диаспору. Российский совет по международным делам. 17 марта 2016 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7399#top-content (дата обращения: 24.05.2016).

Africa major focus of BRICS Bank: Indian Premier. The BRICS Post. 24 October, 2015.

Dickinson Jen Articulating an Indian diaspora in South Africa: The Consulate General of India, diaspora associations and practices of collaboration // Geoforum. 2015. № 61. pp. 78—79. URL: www.elsevier.com/locate/geoforum (date of access: 24.05.2016).

¹ Bhattacharjee, Kallol. Africa reaches out to Indian States. The Hindu. 7 June, 2016. Available at: <http://www.thehindu.com/news/national/africa-reaches-out-to-states/article8697523.ece> (date of access: 10.06.2016).

² Bhattacharjee, Kallol. Reprisals in Congo; India plans outreach. The Hindu. 27 May, 2016. Available at: http://www.thehindu.com/news/national/congolese-student-killing-india-plans-outreach-amid-reprisals-in-congo/article8651748.ece?utm_source=InternalRef&utm_medium=relatedNews&utm_campaign=RelatedNews (date of access: 01.06.2016).

Dubey Ajay Kumar Indo-African Relations in the Post-Nehru Era (1965—1985). Delhi, Kalinga Publications. 1990.

Dubey Ajay Kumar Indian Diaspora in Africa and Changing Policies of India // Indians Abroad. Ed. S.D. Singh, M. Singh. Kolkata: MAKAIAS, 2003.

McCann G. Modi may be dressing up India's Africa policy differently, but little has changed. 10 November 2015. The Conversation

Vanham P. Big dreams of India-Africa trade at Delhi forum. 5 November, 2015.

Vines Alex India's Interests at the Africa Forum Summit: From Deals to Delivery? // Chatham House. 26 October, 2015. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/india-s-interests-africa-forum-summit-deals-delivery> (date of access: 24.05.2016).

Дата поступления статьи: 10.02.2016

Для цитирования: *Усов В.А.* Африканская политика Дели и индийские общины в странах Африки: современное состояние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 226—235.

AFRICAN POLICY OF DELHI AND INDIAN COMMUNITY IN AFRICA: CURRENT STATUS

V.A. Usov

Institute of African Studies of RAS, Moscow, Russia

The article is devoted to a changing nature of India-Africa relations and a role of Indian Diaspora in Africa. Indian Diaspora in African countries for many years was regarded by the Indian government more as a stumbling block for development India-Africa relations than as a source of opportunities. New policy to Diaspora was elaborated in the very beginning of 2000s but it was Narendra Modi, Indian prime-minister from 2014, who started promoting Diaspora as one of the priority in his international agenda. Indian government initiated in October 2015 third India-Africa Forum-Summit which happened to be much larger event than two previous forum summits in 2008 and 2011. However energetic policy of N. Modi has not brought India-Africa relations to a new level yet. While planned visit of N. Modi to a number of African countries in July 2016 is seen as a step to achieve this goal, his meetings with representatives of Indian communities in these African countries could be regarded as a sign of a new approach to the Indian Diaspora as “Ambassadors of India”. That could bring some controversy as many South African Indians consider themselves only citizens of their country and no more. Besides, the Indian government should take all necessary measures to prevent racist attacks against Africans in India which greatly tarnish the Indian image in the eyes of Africans.

Key words: Africa, India, Indian Diaspora in Africa, Narendra Modi, 3 India-Africa Forum Summit

REFERENCES

Africa major focus of BRICS Bank: Indian Premier. 2015. The BRICS Post.

Ivashentsov G. *Modi: stavka na zarubezhnyu indiiskuyu diasporu.* Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam. [Modi: the bet on overseas Indian diaspora. Russian Council on International Affairs.]. March 17, 2016. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7399#top-content (date of access: 24.05.2016).

Dickinson Jen, 2015. Articulating an Indian diaspora in South Africa: The Consulate General of India, diaspora associations and practices of collaboration. *Geoforum*, no. 61, pp. 78—79. Available at: www.elsevier.com/locate/geoforum (date of access: 24.05.2016).

Dubey Ajay Kumar, 1990. *Indo-African Relations in the Post-Nehru Era (1965—1985)*. Delhi, Kalinga Publications.

Dubey Ajay Kumar, 2003. Indian Diaspora in Africa and Changing Policies of India. *Indians Abroad*. Ed. S.D. Singh, M. Singh. Kolkata: MAKAIAS.

McCann G., 2015. Modi may be dressing up India's Africa policy differently, but little has changed. *The Conversation*.

Vanham P., 2015. *Big dreams of India-Africa trade at Delhi forum*. 5 November, 2015.

Vines Alex, 2015. *India's Interests at the Africa Forum Summit: From Deals to Delivery?* Chatham House. Available at: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/india-s-interests-africa-forum-summit-deals-delivery> (date of access: 24.05.2016).

For citations: Usov V.A. African policy of Delhi and Indian community in Africa: current status. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 226—235.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГАБОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ЗАДАЧИ

Ф.К. Ндакисса Онкасса

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

В статье рассмотрены особенности формирования и реализации внешней политики и основные характеристики международного имиджа современного Габона. Показано, что внешняя политика является важным направлением в государственной деятельности Габона и предусматривает широкое информирование международной общественности о реализуемых проектах социально-экономического развития, достижениях в сфере культуры и науки, инициативном позиционировании страны по ключевым международным вопросам. Внешнеполитическая деятельность направлена на создание благоприятных условий для реализации исторического выбора народа Габона для укрепления верховенства закона, демократического общества, рыночной экономики с фокусом на социальном измерении. Внешняя политика Габонской Республики рассмотрена во взаимосвязи с задачами развития страны, определенными в Стратегическом плане «Прцветаящий Габон». Особое внимание уделено рассмотрению роли Президента страны в процессе принятия внешнеполитических решений и рассмотрены перспективные направления развития внешней политики Габона. Подчеркнуто ключевое значение принципов обеспечения суверенитета и международной включенности, влияния фактора французского языка и политики многосторонней дипломатии при определении целей и приоритетов внешней политики Габона в эпоху новых международных реалий. Отмечено, что внешнеполитическая деятельность Габона нацелена на создание широкого круга международного партнерства в интересах национального развития в условиях глобализации.

Ключевые слова: внешняя политика, Габонская Республика, президент, концепция, стратегия, «Прцветаящий Габон»

Государственный суверенитет Габона был провозглашен 17 августа 1960 г. Сразу после провозглашения независимости руководство страны не стремилось проводить активную внешнюю политику, предпочитая вовлеченности в международные процессы устойчивые связи с Францией и своими африканскими соседями. Другими словами, Габон изначально не был открыт на дипломатическом уровне для всех других стран, что позволило говорить о своего рода изоляционизме в государственном курсе страны [Keese 2004; N’Nah 2006]. В реалиях современного мира внешняя политика Габонской Республики требовала модернизации и продвижения национальных интересов в соответствии с новыми принципами. В результате завершения этапа подготовки к переходу страны к новой стратегии долгосрочного и устойчивого развития до 2025 г. [Bengone 2002] сформировалась государственная политика, сложившаяся на основе принципа прагматизма.

Чтобы отличить себя от других кандидатов на выборах 2009 г. и в своем стремлении улучшения условий жизни своих сограждан, после избрания в 2009 г., Али Бонго Ондимба, Президент Габонской Республики, инициировал «Стратегический План Габон — 2025» [Plan Strategique 2012].

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГАБОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ОПРЕДЕЛЕННЫЕ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНЕ «ПРОЦВЕТАЮЩИЙ ГАБОН»

Основные направления и приоритеты внешней политики Габонской Республики на современном этапе определяются в соответствии с целями и задачами, поставленными Президентом Габонской Республики в речи 12 сентября 2012 г. «Стратегия Габона — 2025: новая политика государства». В этом программном выступлении главы государства были определены основные принципы, приоритеты и задачи внешней политики Габонской Республики [Mouity 2012]. По сути, в Стратегическом плане «Процветающий Габон», предложенном Президентом Габона Али Бонго Ондимба, были сформулированы основные перспективы развития государства и определены перспективные задачи внешней политики страны.

В Стратегическом плане были определены основные направления стратегического развития Габона под лозунгами: «Габон индустриальный. Зеленый Габон. Габонский сервис» [Strategic Plan Emerging Gabon 2025]:

— устойчивое развитие — являющееся новой парадигмой и определяющее методологию и структуру общей стратегии процветающего Габона. Новая модель развития призвана обеспечить человеческое благосостояние, социальную справедливость, устойчивый экономический рост и защиту окружающей среды;

— управление — создаваемая система правового, институционального и экономического регулирования полностью определяется и должна обеспечивать решение задач, поставленных в плане стратегического развития страны;

— инфраструктура — требуется значительное повышение уровня развития экономической инфраструктуры (транспорт, энергетика, цифровая инфраструктура);

— человеческий капитал — признается как наиболее ценный для Габона, а необходимые для реализации плана стратегического развития страны кадры должны получить и иметь особый уровень подготовки и соответствовать высоким требованиям стратегического плана.

ПРИНЦИПЫ И ПРОЦЕСС ВЫРАБОТКИ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Внешняя политика Габона традиционно основывается на принципах многополярности, баланса интересов, прагматизме, взаимной выгоде и твердой защите национальных интересов страны [Чиркова 1983]. Этот подход сохраняет преемственность внешней политики, определяя новый этап развития внешней политики Габона как прагматичный и активный. Международная активность отражает усиление роли и международного авторитета государства, а также повышает его влияние в регионе и его значение в мировой экономике и деятельности финансовых организаций. С другой стороны, учитывая реалии сегодняшнего мира, внешняя политика Габонской Республики требует модернизации и продвижения национальных интересов в соответствии с принципами прагматизма [Маценко 2012]. Прагматизм во внешней политике выражается в ориентированности на защиту

национальных интересов. В основании прагматизма лежит объективная оценка собственных ресурсов, приоритетность системных и периферийных целей, а также определение путей их достижения. Активность выражается в планировании и осуществлении внешней политики, выдвигании идей и инициатив [Бажанов, Бажанова, 2011].

Габон призывает к равенству все государства мира, с учетом взаимных интересов и невмешательства во внутренние дела, и выступает за мирное урегулирование споров и конфликтов, в соответствии с Уставом ООН и нормами международного права. Внешняя политика Габона строится также с учетом принципа дифференцированного подхода и нескольких уровней взаимодействия с зарубежными странами и международными организациями. Применение этого принципа позволяет обеспечить:

1) приоритеты развития, сосредотачивая на их достижении основные усилия и ресурсы;

2) соответствие распределяемых человеческих и финансовых ресурсов политическим и экономическим интересам, реализуемым на практике [Merle 1976].

Кроме того, применение дифференцированного подхода в сфере внешнего сотрудничества включает в себя расширение дипломатического присутствия Габона за рубежом.

В связи с акцентом на активное участие в международных делах Габон заинтересован в постоянном совершенствовании своей внешней политики. Сознавая свою ответственность и роль в регионе, Габон полагает своей приоритетной задачей здесь обеспечение региональной стабильности. При этом Габон планирует акцентировать свою политику на развитии интеграции в Африке, чтобы снизить риск возникновения конфликтов и решить социально-экономические проблемы, превратить Габонскую Республику в полноценного игрока, проводящего комплексную внешнюю политику.

Принимая во внимание, что экономическая интеграция является одним из эффективных способов продвижения страны к устойчивым позициям в системе международных отношений, Габон укрепляет экономическое пространство сотрудничества в целях реализации своей внешней политики. В рамках этого процесса соблюдаются следующие основные принципы: нерушимости политического суверенитета, экономической легитимности решений, прогрессивной, прагматичной и взаимной выгоды, равного представительства сторон во всех случаях интеграции и консенсуса на всех уровнях взаимодействия при осуществлении политики.

Также Габон прилагает усилия для развития дружественных и стабильных отношений со всеми странами мира и международными организациями; стремится соответствовать целям и принципам Устава ООН и признает фундаментальное значение принципа верховенства права для политического диалога и межгосударственного сотрудничества; поддерживает международные усилия по борьбе с незаконным оборотом оружия; вместе с другими государствами в двустороннем и многостороннем формате принимает активное участие в борьбе с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных ве-

ществ и их прекурсоров, торговлей людьми и нелегальной иммиграцией, организованной преступностью и коррупцией¹.

Габонская Республика стремится к укреплению своих отношений с Россией во всех сферах: политической, экономической, коммерческой, культурной и гуманитарной, на основе принципа добрососедских отношений и альянса в XXI в.

Также Габон углубляет свое стратегическое партнерство с Китаем в контексте политического диалога на самом высоком уровне, укрепляя сотрудничество в технологической, коммерческой, экономической, культурной и гуманитарной сферах и развивая взаимодействие в сфере транспорта и в сельском хозяйстве, а также в области совместного использования водных ресурсов трансграничных рек и экологии.

Развитие многосторонних отношений Габона с африканскими государствами сосредоточено на совместных усилиях стран и регионов по противодействию проблемам внутренних и внешних угроз на основе активизации сотрудничества при проведении экономической политики, культурного и гуманитарного диалога, на основе взаимности, равенства и взаимной выгоды.

Габонская Республика будет и дальше укреплять свои стратегические отношения с европейскими странами и учреждениями, с которыми были подписаны или готовятся к подписанию договоры о стратегическом партнерстве. Также будут приложены усилия для развития отношений с Европейским Союзом, который является важным партнером Габона в экономике, торговле и инвестициях.

В целом, современная внешняя политика Габона, основанная на Стратегическом плане — 2025, определяет долговременно ориентированные стратегические интересы страны и ставит перед страной задачу выхода на новый уровень развития.

РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА ГАБОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В соответствии с Конституцией Габонской Республики Президент определяет основные направления внешней политики страны и представляет государство в международных отношениях [Ntoutoume 2013]. В статье 21 сказано, что «Президент Республики определяет и проводит политику нации». Статья 53 закрепляет, что он «ведет переговоры и ратифицирует международные договоры и соглашения». Из этого следует, что Президент принимает ключевые решения в области внутренней и внешней политики.

Во внешней политике, когда речь идет об институциональных рамках, предусмотренных Конституцией, законами и правилами, именно Президент Республики является основным действующим лицом, принимающим решения. Только Министерство иностранных дел (МИД), существенно отличающееся от других институциональных субъектов государства, обладает общей юрисдикцией в этом во-

¹ Lutte Contre La Corruption: De Quoi Le Gabon Peut-Il Se Prévaloir? Available at: <http://www.gaboneco.com/lutte-contre-la-corruption-de-quoi-le-gabon-peut-il-se-prevaloir.html> (date of access: 24.12.2015).

просе и реализует принятые решения во внешней политике Габона. Конечно, государственная деятельность — обширна и комплексна: один человек, даже самых высоких способностей, не может обработать всю информацию без помощи и поддержки других участников. Действительно, если Администрация Президента играет большую роль в габонской дипломатии, то это только потому, что сам Президент имеет достаточно широкие полномочия и функции. В области внешней политики Президент Республики играет решающую роль как глава государства, носитель высшей исполнительной власти, что закреплено в статье 8 Конституции. Она дополняется нормами о назначении на должности (статьи 20 и 21) и международными договорами и соглашениями (статья 113), расширительным толкованием соглашения о сотрудничестве и объединениях (статья 115)¹. Глава государства, наряду с другими своими полномочиями, контролирует и вопросы обороны. Для Габона примером здесь стала, отчасти, практика Франции времен де Голля, когда в конце 1950-х г. решалась судьба Алжира. С 1967 г. Президент Республики всегда играл центральную роль в международной политике Габона в том, что касается принятия решений и осуществления внешней политики. Эта область представлялась одной из самых важных, например, для Омара Бонго, который занимал пост министра иностранных дел, совмещая работу на этом направлении с исполнением своих непосредственных функций как Президента Габона в периоды с 25 января 1968 г. по 4 июля 1968 г., а затем с 3 октября 1973 г. по 20 января 1975 г., выступая в качестве министра-делегата [Зелинский 1978].

С 1968 г. по 1989 г. в результате отсутствия политической оппозиции в условиях однопартийности и централизации государственной власти расширились условия, благоприятные для единоличного решения вопросов внешней политики Президентом. Демократическая партия Габона, которую возглавлял сам Президент, в Национальной Ассамблее поддерживала его инициативы путем предоставления законодательных средств, необходимых для проведения в жизнь своей политики [Remondo 1987].

После перехода к многопартийности в 1990 г., положение кардинально не изменилось. Действующая Конституция также предоставляет важные полномочия в области внешних связей Президенту Республики. Эти права похожи на существовавшие ранее и закрепленные в Конституции. Президент всегда находится в центре принятия решений в области внешней политики. Добавим, что Президент до 1990 г. играл ключевую административную роль. Согласно статье 8 Конституции Габона Президент как гарант Конституции обеспечивает национальную независимость, целостность территории и соблюдение международных договоров и соглашений. Конституция наделяет Президента Республики «эксклюзивными полномочиями осуществлять исполнительную власть»: именно он назначает министров, которые ответственны только перед ним (статья 12), и определяет их полномочия. Хотя с 1981 г. премьер-министр является главой правительства, но в действительности это ничего не меняет в плане влияния Президента Республики на административный аппарат.

¹ Constitution de la République gabonaise / Loi № 3/91 du 26 mars 1991.

Не так однозначен вопрос о роли Администрации Президента Габона, поскольку трудно с уверенностью определить, каково то влияние, которое может иметь тот или иной сотрудник на Президента Республики, потому что само понятие «влияние» — это очень сложное понятие и зависит от многих факторов.

Влияние может быть прямым или косвенным. Когда Президент Габонской Республики, например, поддерживает вариант, предложенный сотрудником, мы говорим о прямом влиянии. Проблема в том, что даже если он не выбирает один из предложенных вариантов, он не исключает правоты услышанных высказываний по тому или иному вопросу, что влияет на его восприятие вопроса, и таким образом косвенно помогает принять решение. Другие трудности в работе Администрации, состоящей из нескольких человек, состоят в том, что у того или иного решения всегда находится автор. Всему этому есть простое и реалистичное объяснение. На стоящего у власти всегда влияет его окружение, поскольку он не может контролировать все самостоятельно.

Министерство иностранных дел Габона является официальным представителем государства на внешнеполитической арене, в соответствии с положениями международных договоров (статья 7 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. и др.) [Rossantaga-Rignault 2000].

В Габоне внешнеполитическое ведомство было сформировано сразу после провозглашения независимости, в соответствии с Указом № 161/Р.М. от 14-10-1960 г. об организации и распределении задач Министерства иностранных дел и национальной экономики. Современный МИД Габона отвечает за разработку и осуществление внешней политики страны. Однако, исходя из своих полномочий, именно Президент Республики определяет ее общее развитие [Mrouo 1974].

Министр иностранных дел является членом Правительства, главой которого является премьер-министр (статья 31 Конституции). Последний, в соответствии с законодательством, не имеет полномочий в рамках внешней политики, помимо тех, которые вытекают из статьи 29 Конституции, то есть направления деятельности правительства. То Правительство, которое он возглавляет, осуществляет политику государства, частью которой является внешняя политика.

МИД Габонской Республики является центральным государственным органом, ответственным за реализацию внешней политики¹.

В соответствии с законом Габонской Республики от 16 января 2013 г. «О дипломатической службе Габонской Республики» МИД отвечает за разработку основных направлений внешней политики страны [Etoughe Dominique et Benjamin Ngadi 2015]. Международные инициативы направляются на представление Президенту и правительству, как предложения для достижения целей внешней политики и координации международной деятельности центральных органов исполнительной власти в отношениях с иностранными государствами и международными организациями. Правительство Габонской Республики регулярно анализирует договоры и международные обязательства Республики, а также разрабатывает стратегические и тактические подходы к реализации внешней политики и предложений по ее осуществлению. Правительство координирует работу и разрабатывает

¹ Decret № 456/PR/MAECIFNIR.

конкретные предложения, которые затем представляет на рассмотрение высшего органа власти для принятия соответствующего решения в стране. Все решения правительства внутреннего характера должны быть представлены МИД. Но эти решения могут иметь последствия с точки зрения внешней политики [Etougue Dominique et Benjamin Ngadi 2003].

Парламент Габонской Республики, как высший представительный орган страны, проводит, в рамках своих конституционных полномочий, законодательную работу, которая заключается в решении вопросов о ратификации и денонсации международных договоров, обеспечивает соответствие национального законодательства международным обязательствам Габона. Правительство (исполнительная власть), развивая отношения Республики с иностранными государствами, а также международными и региональными организациями, разрабатывает меры по осуществлению внешнеэкономической политики и ее финансирования¹.

Межведомственные комитеты и рабочие группы создаются для решения конкретных задач в области внешней политики и внешнеэкономического сотрудничества. Программы и планы реализации разрабатываются для заключения соглашений и исполнения обязательств по международным договорам и решениям межправительственных комиссий.

Для эффективного осуществления своей внешней политики Габонская Республика придает большое значение продолжающемуся институциональному развитию дипломатической службы: подготовка, переподготовка и повышение квалификации дипломатических кадров; расширение дипломатического присутствия Габона за рубежом и его представителей в международных организациях; улучшение социальной защиты².

В связи с этим представительства Габона за рубежом являются важной частью системы в целом.

Как было отмечено выше, Габон заинтересован в совершенствовании своей внешней политики, что ставит перед аналитическими структурами страны задачу разработки концепции и стратегии действий по следующим приоритетным направлениям:

- обеспечение региональной стабильности;
- участие в процессах интеграции в Африке (чтобы снизить риски конфликтности и все внимание сосредоточить на решении социально-экономических проблем) [Прокопенко, Шубин 2001];
- становление Габона в значимого игрока в сфере международных отношений (на основе проведения комплексной внешней политики, предполагающей активное участие в международной экономике, является условием будущего развития страны и ее перспектив).

¹ Ministère Des Affaires Etrangères, De La Francophonie Et De L'intégration Régionale. Available at: <http://www.affaires-etrangeres.gouv.ga/le-gabon-en-bref/institutions> (date of access: 01.12.2016).

² Ministère des affaires étrangères, de la francophonie et de l'intégration régionale. Available at: <http://www.affaires-etrangeres.gouv.ga/ministere/missions/plan-sectoriel-affaires-etrangere> (date of access: 15.08.2015).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГАБОНА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРАХ

Учитывая, что участие в процессах международной экономической интеграции для Габона является одним из эффективных способов продвижения страны к устойчивым позициям в системе международных отношений, Габон стремится укрепить свое экономическое пространство. Участие Габона в региональных и международных интеграционных процессах обусловлено целями его внешнеэкономической политики, нацеленной на создание условий для развития своего экономического потенциала и привлечение ресурсов, необходимых для безопасного развития национальной экономики, ее привлекательности для инвестиций. В этом контексте важным направлением деятельности является участие Габона на выгодных условиях в ЭКОЦАС (Экономическое сообщество стран Центральной Африки). Участие в ЭКОЦАС расширяет международное сотрудничество с целью индустриально-инновационного развития, для привлечения инвестиций и технологий в приоритетные отрасли, диверсификации и технологической модернизации национальной экономики и повышения ее конкурентоспособности; развивает экономическую и политическую дипломатию, обеспеченную дипломатическими средствами, поощряет и защищает интересы государства, физических и юридических лиц за рубежом [Ndombet 2009].

Можно предположить, что в результате принятия и реализации обновленной концепции внешней политики Габона окажется возможным:

- 1) укрепить региональную и глобальную национальную безопасность;
- 2) создать вокруг Габона благоприятную международную обстановку и укрепить дружественные отношения, равноправные и взаимовыгодные отношения со всеми странами и государствами мира;
- 3) обеспечить высокий уровень интеграции Габона в международное сообщество и мировую экономику, основанные на диверсификации национальной экономики;
- 5) укрепить международное сотрудничество в культурно-гуманитарной, научно-образовательной и других смежных областях [Ndombet 2009].

В рамках этого процесса должны быть, как представляется, соблюдены следующие основные принципы: нерушимости политического суверенитета, экономической легитимности решений, прогрессивной, прагматичной и взаимной выгоды, равного представительства сторон во всех случаях интеграции и консенсуса на всех уровнях взаимодействия при осуществлении политики.

Таким образом, Габонская Республика продолжает политику диверсифицирования своих партнерских отношений на международной дипломатической арене. Президент Али Бонго развивает прочные экономические партнерские отношения с Францией, с Китаем. При этом Франция по-прежнему остается важнейшим экономическим партнером, с которым Габон имеет развитое дипломатическое взаимодействие, что свидетельствуют о стабильном и приоритетном сотрудничестве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Международные отношения в XXI веке. М., 2011. 168 с.
Прокопенко Л.Я., Шубин В.Г. «Африканский ренессанс» // Африка: поиск идентичности. М.: Изд-во Института Африки РАН, 2001.
Зелинский Ю.И. Габон. Справочник. М., 1978.
Маценко И.Б. Африка: реализация «Целей Развития Тысячелетия» // Азия и Африка сегодня. 2012. № 8—9.
Чиркова Г.М. Габонская Республика. М.: Знание, 1983. 64 с.
Bengone Jean-Marie. Stratégie Nationale et Plan d'Action: Options et Perspectives, Libreville 29 mars 2002. 67 p.
Etouge Dominique et Benjamin Ngadi. Stratégie du pays, Libreville, 2011—2015. 215 p.
Etouge Dominique et Benjamin Ngadi. Refonder l'État au Gabon, Paris, 8 juin 2003. 151 p.
Keese Alexander. L'évolution du leader indigène aux yeux des administrateurs français: Léon M'Ba et le changement des modalités de participation au pouvoir local au Gabon, 1922—1967. 2004. P. 141—170.
Merle Marcel. Politique interieure et Politique exterieure, Paris I. 1976. Pp. 409—421.
Mouity Patrice Moundounga. Le Gabon à l'épreuve de la politique de l'émergence, Paris. 2012. 38 p.
Mpouo Assama. Répertoire des archives du Ministère des affaires étrangères et de la Coopération, Libreville, 1974. 35 p.
Ndombet Wilson André. Politique exterieure du Gabon, Libreville, 2002. 10 p.
Ndombet Wilson André. Renouveau démocratique et pouvoir au Gabon, Paris, 2009.
N'Nah Nicolas Metegue. Proclamation de l'indépendance du Gabon, Paris, 2006. 366 p.
Ntoutoume Loic. Le Gabon et ses priorités, Libreville, 17 juillet 2013. 3 p.
Rossantaga-Rignault Guy. L'Etat au Gabon: l'Histoire et les institutions, Libreville, Editions Raponda-Walker, 2000.
Remondo Max. Le droit administratif gabonais, Paris. 1987.
Strategic Plan Emerging Gabon 2025 (PSGE) // URL: <http://www.aninf.ga/telechargements/PLAN%20STRATEGIQUE%20GABON%20EMERGENT.pdf>.
Plan Strategique Emergent du Gabon — Libreville, juillet 2012.

Дата поступления статьи: 24.11.2015

Для цитирования: *Ндакисса Онкасса Ф.К.* Внешняя политика Габонской Республики: новые приоритеты и задачи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 236—245.

THE FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF GABON NEW PRIORITIES AND CHALLENGES

F.Ch. Ndakissa Onkassa

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia

The article considers the features of formation and realization of foreign policy and the basic characteristics of the international image of modern Gabon are considered. It is shown, that the foreign policy is the important direction in the state activity of Gabon and is intended to offer the General public all over the world complete and reliable information on the situation in the country

on key international issues, activities and initiatives of Gabon in the field of political space and the processes and projects of socio-economic development, its cultural and scientific achievements. Foreign policy activity is aimed at creating favorable conditions for the realization of the historic choice of the Gabonese people to strengthen the rule of law, market economy and democratic society, to focus on the social dimension. Herewith this article analyzes the main provisions of the foreign policy of the Gabonese Republic, considered in conjunction with the country's development objectives defined in the strategic plan "A prosperous Gabon". Particular attention is paid to the role of the President in making foreign policy decisions and ideas about the prospects for the development of Gabon's foreign policy. Key value of principles of maintenance of the sovereignty and the international inclusiveness, influence of the factor of the French language and policy of multilateral diplomacy is underlined at definition of objectives and priorities of foreign policy of Gabon during an epoch of new international realities. It is noted, that foreign policy activity of Gabon is aimed at creation a wide range of the international partnership in interests of national development in in the context of globalization.

Key words: foreign policy, Gabonese Republic, the President, the concept, strategy "A Prosperous Gabon"

REFERENCES

- Bazhanov E.P., Bazhanova N.E., 2011. *Mezhdunarodnye otnosheniya v XXI veke* [International relations in XXI century]. Moscow, 168 p.
- Bengone Jean-Marie, 2002. *Stratégie Nationale et Plan d'Action: Options et Perspectives*. Libreville, 67 p.
- Chirkova G.M., 1983. *Gabonskaya Respublika* [Gabonese Republic], Moscow, Znanie, 64 p.
- Matsenko I.B., 2012. Afrika: Realizatsiya «Tselei Razvitiya Tysyacheletiya». *Aziya i Afrika segodnya* [Africa: The implementation of "Millennium Development Goals". Asia and Africa today], no. 8—9.
- Mouity Patrice Moundounga, 2012. *Le Gabon à l'épreuve de la politique de l'émergence*, Paris, 38 p.
- Merle Marcel, 1976. *Politique interieure et Politique exterieure*, Paris I, pp. 409—421.
- Mpouo Assama, 1974. *Repertoire des archives du Ministere des affaires etrangeres et de la Cooperation*. Libreville, 35 p.
- Ndombet Wilson André, 2009. *Renouveau démocratique et pouvoir au Gabon*, Paris.
- Ndombet Wilson André, 2002. *Politique exterieure du Gabon*. Libreville, 10 p.
- Ngadi Dominique Etoughe et Benjamin, 2011—2015. *Stratégie du pays*, Libreville, 215 p.
- Ngadi Dominique Etoughe et Benjamin, 2003. *Refonder l'État au Gabon*, Paris. 151 p.
- N'Nah Nicolas Metegue. 2006. *Proclamation de l'indépendance du Gabon*, Paris, 366 p.
- Ntoutoume Loic, 2013. *Le Gabon et ses priorités*, Libreville, 3 p.
- Prokopenko L.Ya., Shubin V.G., 2001. «Afrikanskii renessans». *Afrika: poisk identichnosti* [«African renaissance». Africa: search for identity]. Moscow, Izd-vo Instituta Afriki RAN.
- Remondo Max, 1987. *Le droit administratif gabonais*, Paris.
- Rossantaga-Rignault Guy, 2000. *L'Etat au Gabon: l'Histoire et les institutions*, Libreville, Editions Raponda-Walker.
- Zelinskii Yu.I., 1978. *Gabon*. Spravochnik. Moscow.
- Strategic Plan Emerging Gabon 2025 (PSGE)* // URL: <http://www.aninf.ga/telechargements/PLAN%20STRATEGIQUE%20GABON%20EMERGENT.pdf>.
- Plan Strategique Emergent du Gabon* — Libreville, juillet 2012.

For citations: Ndakissa Onkassa F. Ch. The foreign policy of the Gabonese Republic new priorities and challenges. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 236—245.

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ СОДРУЖЕСТВА ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Олга Вумби Тшиака

Российский университет дружбы народов, *Москва, Россия*

Данная статья посвящена двадцатилетию Содружества португалоязычных стран (CPLP), которое на сегодняшний день объединяет 9 стран мира в качестве своих членов. Отношения между данными странами существенно отличаются от традиционного взаимодействия между бывшей метрополией (Португалией) и ее бывшими колониями, поскольку Бразилия и Ангола являются признанными региональными лидерами и уже относятся к категории «восходящих» держав. В статье подробно разбирается создание содружества и эволюция его деятельности за последние 20 лет. Приведена структура управления организацией и ее основные органы, включая Конференцию глав государств и правительств, Исполнительный секретариат, а также регулярно проводимые совещания на уровне министров, межпарламентские конференции, встречи представителей судебных властей.

Основной целью организации остается сотрудничество в экономической, социальной и культурной сферах для развития своих народов, распространение португальского языка и укрепление позиций этих стран в международных организациях. Вместе с тем с началом XXI в. важным приоритетом в деятельности организации стала оборона и общественная безопасность, в т.ч. формирование совместных лусофонских сил FELINO для участия в операциях по поддержанию мира.

Ключевые слова: CPLP, португалоязычные страны, сотрудничество, Португалия, Бразилия, Ангола, культурная интеграция, военное сотрудничество, FELINO, миротворчество

В июле 2016 г. исполняется 20 лет с момента создания Содружества португалоязычных стран. Юбилей данной международной организации — это хороший повод оценить итоги ее деятельности и перспективы развития. Как складываются отношения между странами — членами Содружества? Каковы перспективы дальнейшей экспансии организации? Способствует ли Содружество социально-экономическому развитию своих членов либо речь идет сугубо о гуманитарном сотрудничестве? Попробуем ответить в данной статье на эти вопросы.

СОЗДАНИЕ СОДРУЖЕСТВА

В 1996 г. бывшие португальские колонии и Португалия создали Содружество португалоязычных стран — CPLP — (Community of Portuguese Language Countries). Подготовка и консультации по созданию CPLP начались в ноябре 1989 г. по инициативе бразильского президента Жозе Сарнея в г. Сан-Луис-ду-Мараньян, когда была организована первая встреча глав государств и правительств семи португалоязычных стран: Анголы, Бразилии, Гвинеи-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбика, Португалии и Сан-Томе и Принсипи. В ходе этой встречи было принято решение о создании Международного института португальского языка (Instituto Internacional da Lingua Portuguesa, IILP) со штаб-квартирой на Кабо-Верде. Ос-

новой миссией Института стало распространение португальского языка как единого средства общения всех португалоязычных стран [Pinto José Filipe 2004: 341]. Именно в ходе этой встречи была высказана идея о создании сообщества для объединения португалоязычных стран, которые имеют общее историческое наследие, единый язык и разделяют идеи демократии как основной путь развития общества.

После ряда организационных встреч и подготовительной работы 17 июля 1996 г. в Лиссабоне состоялась первая Учредительная конференция глав государств и правительств португалоязычных стран, на которой было учреждено Содружество португалоязычных стран и избран первый исполнительный секретарь, которым стал премьер-министр Анголы Маркулину Моку. Декларацию об учреждении Содружества подписали Президенты Жозе Эдуарду душ Сантуш (Ангола), Фернанду Энрике Кардозу (Бразилия), Машкареньяш Монтейру (Кабо-Верде), Жорже Сампай (Португалия), Жуан Бернарду «Нино» Виейра (Гвинея-Бисау), Жоакин Чиссано (Мозамбик) и представитель Сан-Томе и Принсипи. Сегодня Содружество состоит из 9 стран-членов, поскольку позже к нему присоединились Демократическая Республика Восточный Тимор и Экваториальная Гвинея. Примечательно членство Экваториальной Гвинеи, ведь официальным языком в данной стране является испанский [Найденова 2014]. Кроме того, наблюдателями в организации являются Грузия, Япония, Маврикий, Намибия, Сенегал и Турция.

В 2005 г. на совещании в Луанде (Ангола) страны-члены провозгласили 5 мая международным Днем празднования португальского языка и культуры во всем мире. По замыслу создателей, Содружество португалоязычных стран должно было стать политическим и дипломатическим координационным форумом, в рамках которого должен был проводиться диалог культур и объединение усилий в сфере безопасности и обороны [Ariana dos Reis Ramalh 2014: 9].

К политическим факторам, которые способствовали созданию Содружества, можно отнести потребность в урегулировании вооруженного конфликта на территории Анголы; нормализацию ситуации в Сан-Томе и Принсипи; необходимость урегулирования конфликта в Гвинее-Бисау; участие стран Содружества в разрешении ситуации в Восточном Тиморе; повышение дипломатического статуса португалоязычного сообщества в международных отношениях¹.

ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИ ОРГАНИЗАЦИИ

Деятельность Содружества основана на принципах суверенного равенства государств-членов; невмешательства во внутренние дела каждого государства; уважения национальной идентичности; примата мира, демократии, верховенства закона, прав человека и социальной справедливости; уважения территориальной целостности; содействия развитию, а также продвижения взаимовыгодного сотрудничества.

Примечательно, что в португалоязычном сообществе патерналистский подход со стороны Португалии к своим бывшим колониям уходит в прошлое. Так,

¹ Официальный веб-портал Содружества португалоязычных стран. URL: <http://www.cplp.org>.

экономика Бразилии на сегодняшний день превышает португальскую более, чем в 10 (!) раз. Бразилия — признанный региональный лидер, член БРИКС, ИБСА, одна из наиболее влиятельных стран «Глобального Юга». И зачастую именно Бразилия более заинтересована в использовании каналов Содружества для продвижения своих политических и экономических интересов, например в странах Африки [Архангельская 2013; Борзова 2013].

Португальский язык сегодня — это уже не инструмент колониальной политики Португалии в странах Африки [Багана 2012].

Нефтяной бум и быстрый рост ангольской экономики в среднесрочной перспективе (3—5 лет) позволят ей в абсолютных показателях (по паритету покупательской способности) достичь Португалию, что также подрывает устоявшуюся парадигму отношений между бывшей метрополией и ее колонией. Ряд исследователей уже сегодня относят к «восходящим» державам (emerging powers) не только Бразилию, но и Анголу [Дейч, Усов 2013]. Все это в целом приводит к большему равноправию при принятии решений в рамках Содружества португалоязычных стран [Португалия в португалоязычном мире 2003].

Значительные успехи в экономике Анголы и Бразилии, активное освоение месторождений нефти в Анголе, Бразилии, Восточном Тиморе и Сан-Томе способствует тому, что участие в Содружестве португалоязычных стран стало весьма привлекательным для некоторых стран Азии, Европы и Южной Америки.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Высшим органом Содружества является Конференция глав государств и правительств португалоязычных стран. Она представляется главами государств и/или главами правительств всех стран-участниц. Как правило, Конференция созывается один раз в два года.

В Уставе Содружества определено, что в случае чрезвычайных обстоятельств по требованию $\frac{2}{3}$ полноправных членов Содружества может быть созвана чрезвычайная конференция. Всего с начала деятельности Содружества было проведено десять Конференций. Одиннадцатая Конференция будет проходить в июле 2016 г.

Главным исполнительным органом Содружества является Исполнительный секретариат, в компетенцию которого входит: реализация решений высших органов; планирование и реализация программ Содружества; организация и участие в совещаниях различных органов Содружества; наблюдение за исполнением решений совещаний министерств и других инициатив. Возглавляет Исполнительный секретариат исполнительный секретарь, который поочередно избирается из представителей полноправных членов Содружества. Мандат выдается на два года и может быть продлен только один раз на следующий двухгодичный срок. В помощь исполнительному секретарю избирается генеральный директор, срок полномочий которого составляет три года.

Стержнем деятельности Содружества являются встречи на высшем уровне, проводимые раз в два года. Большую роль играют совещания на уровне министров, межпарламентские конференции, встречи представителей судебных властей.

Представители Содружества в обязательном порядке участвуют в качестве наблюдателей в выборах, проводимых в государствах CPLP, содействуют разрешению конфликтов и др.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Безусловно, важнейшим вектором деятельности Содружества является продвижение португальского языка и культуры португалоязычных стран, в т.ч. в странах Африки [Ярушкин 2013]. В рамках CPLP издаются средств массовой информации (в том числе электронные), проводятся художественные фестивали, спортивные соревнования и т.п. CPLP взаимодействует с Международной организацией франкофонии и с Иberoамериканским сообществом.

Для успешного выполнения задач области экономического развития, здравоохранения и образования CPLP проводит систематическую координацию деятельности общественных институтов и частных организаций, прилагающих усилия для развития и укрепления сотрудничества между странами Содружества португалоязычных стран.

Сообщество поддерживает разработку Положения о Гражданине CPLP, которое станет фактором, способствующим более легкой интеграции мигрантов и перемещению граждан в государствах Содружества. Вопрос о гражданстве тесно связан с основными целями CPLP, объявленными при его создании. К настоящему времени уже подписан ряд соглашений, облегчающих перемещение граждан:

- соглашение о предоставлении многоразовых виз определенным категориям граждан;
- соглашение о предоставлении временной визы для прохождения медицинского лечения граждан Содружества;
- соглашение об отмене пошлин на выдачу и продление разрешений на проживание гражданам Содружества;
- соглашение об установлении общих требований при выдаче краткосрочной визы;
- соглашение об установке специальных кабин на пропускных пунктах въезда и выезда при аэропортах для граждан Содружества;
- конвенция об экстрадиции между участниками Содружества.

Под эгидой CPLP стали традиционными форумы контролирующих органов экономической и продовольственной безопасности. Их девиз — «вместе за экономическую инспекцию и безопасность пищевых продуктов в глобальном контексте». Заседания Форума проводились в Кабо-Верде, Мозамбике и Луанде. В ходе обсуждений на форумах принимались многочисленные договоренности об основах двустороннего и многостороннего сотрудничества между государствами — членами CPLP.

В рамках CPLP реализуется множество многосторонних проектов, обучение персонала в борьбе с неграмотностью и нищетой. Активизируется политический диалог между государствами-участницами.

Девиз CPLP сегодня «солидарность в разнообразии», который свидетельствует о том, что CPLP постепенно подтверждает и вполне справедливо позициони-

рует себя в качестве мощной и динамичной силы, которая способна внести свой вклад в дело мира и безопасности и содействовать росту, развитию и сотрудничеству между странами Содружества и прежде всего на территории Африки.

CPLP сегодня укрепляет сотрудничество по вопросам гражданского общества, здравоохранения, молодежи, труда, гражданской защиты, гендерного равенства, окружающей среды, образования для развития, возобновляемых источников энергии, чтобы адаптироваться к последним экономическим и социальным развитием организации.

CPLP действительно становится важным инструментом для укрепления позиции всех государств-членов на региональном и международном уровнях посредством обеспечения справедливого и постоянного участия в структурировании мирового политического и экономического порядка.

Активная деятельность CPLP неоднократно получала высокую оценку в рамках международного сообщества и ООН. Это свидетельствует об успешности усилий CPLP по интеграции в мировое сообщество.

Сегодня активную деятельность в рамках CPLP на территории африканских португалоязычных стран осуществляют Ассоциация Университетов Португальского Языка (AULP); Ассоциация Олимпийских Комитетов португалоязычных стран; Медицинское Содружество португалоязычных стран; Сообщество Профсоюзов португалоязычных стран; Конфедерация Агентств печати и массовых коммуникаций португалоязычных стран; Промышленная Конфедерация Содружества португалоязычных стран; Форум Молодежи Содружества португалоязычных стран; Союз Адвокатов португалоязычных стран (UALP). Это далеко не полный перечень организаций, которые помогают решать актуальные проблемы Африки в рамках Содружества португалоязычных стран.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

В политико-дипломатической сфере возрастает роль CPLP как выразителя общих интересов своих членов в международных организациях: ООН, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) при ООН [Henriques Isabel Castro 2004: 103].

Сообществу португалоязычных стран был присвоен статус наблюдателя ООН, и 21 октября 2005 г. Ассамблея ООН приняла резолюцию 59/21 Генеральной Ассамблеи о сотрудничестве между Организацией Объединенных Наций и CPLP с целью улучшения координации между секретариатами двух организаций и призвать специализированные учреждения и другие органы и программы Организации Объединенных Наций к сотрудничеству в этих целях. Для реализации этой резолюции было заключено формальное соглашение между CPLP и ООН. Также были определены основные направления сотрудничества ЮНЕСКО и CPLP, результатом этого стали регулярные совещания.

Военное сотрудничество было продекларировано в качестве одной из целей CPLP через несколько лет после создания Сообщества. В июле 2001 г. VI Совет министров CPLP, заседание которого проходило в Сан-Томе и Принсипи, боль-

шинством голосов принял решение о необходимости внести изменения в ст. 3 Устава CPLP «Цели CPLP». Новая редакция 3 статьи Устава обозначила новую область сотрудничества — «оборона и общественная безопасность» [Leandro José Eduardo Garcia 1999: 16].

В мае 2003 г. на встрече министров обороны стран Содружества в Сан-Томе и Принсипи были обсуждены темы общей безопасности и обороны внутри CPLP, рассмотрен вопрос создания совместных лусофонских сил, так называемых ФЕЛИНО (FELINO), которые должны нести ответственность за предотвращение кризисных военных ситуаций и принимать участие в операциях по поддержанию мира.

На встрече министров обороны стран Сообщества была также одобрена резолюция, согласно которой террористическая атака против одной из стран CPLP будет одновременно расцениваться как агрессия против остальных участников Сообщества. В ходе встречи также были рассмотрены вопросы военного образования, которое необходимо представителям африканских стран. Сегодня традиционными стали совместные военные учения FELINO в рамках Содружества.

CPLP принимало активное участие в разрешении военных конфликтов в Анголе, Гвинее-Бисау, Тиморе-Лешти посредством созданной для этой цели «контактной группы» на уровне министров иностранных дел, которая при помощи соответствующих дипломатических каналов способствовала разрешению внутренних конфликтов в этих государствах.

В качестве наиболее эффективного средства обеспечения мира и стабильности в лусофонских регионах Африки CPLP использует превентивную дипломатию. Для этого постоянно согласовываются позиции и предпринимаемые усилия с другими региональными объединениями в Африке, в частности с Организацией африканского единства (ОАЕ) и Экономическим сообществом западноафриканских государств (ЭКОВАС). CPLP ведет постоянный диалог с этими организациями [Marchueta Maria Regina 2001: 16].

Эффективность деятельности CPLP особенно стала очевидна в связи с конфликтом в Гвинея-Бисау в 2012 г. Для урегулирования этого конфликта CPLP обратилось к Совету Безопасности с призывом рассмотреть вопрос о принятии соответствующих мер с целью восстановления конституционного порядка, обеспечения безусловного освобождения арестованных лидеров, создания миротворческих сил Гвинеи-Бисау, проведения избирательной кампании и принятия системы штрафных санкций за нарушение принимаемых мер.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 2016 г. CPLP отмечает свое 20-летие. Культурная и языковая близость, давние исторические связи стран CPLP, а также сходство отдельных элементов сложившихся в них политико-экономических систем объективно создают благоприятные условия для становления Сообщества в качестве самостоятельного интеграционного объединения, субъекта международных отношений. Однако собственные внутренние и внешние политические интересы каждого из участников объединения до сих пор не позволяют полностью вывести сотрудничество из ста-

дии деклараций, по-прежнему ограничивая роль CPLP некой «надстройкой» над двусторонними взаимодействиями. Основной проблемой этого интеграционного союза является финансовая составляющая, так как большая часть африканских участников Сообщества относятся к числу бедных стран мира.

Несмотря на достигнутые успехи, имеется целый ряд затруднений в сведении воедино политических, экономических и социальных прав в соответствии с существующими юридическими нормами. Причиной этому является участие каждого из государств сообщества в других региональных и субрегиональных организациях, что накладывает дополнительные более жесткие правила [Пак 2007: 11].

Приоритетным направлением деятельности Содружества является укрепление сотрудничества португалоязычных стран, расположенных на разных континентах (Азии, Америке, Африке и Европе), повышение способности каждого участника в защите своих интересов и демократии, созданию стабильности международной обстановки, борьба с голодом и бедностью. CPLP выступает в роли фактора, укрепляющего политический и экономический потенциал каждого своего участника при проведении международных переговоров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архангельская А.А. Бразилия в Африке: история, политика, экономика // Латинская Америка. 2013. № 11. сс. 68—83.

Багана Ж. Языковая политика на территории Африки в колониальный период // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 18. сс. 40—46.

Борзова А.Ю. Бразилия-Африка — пример высокоэффективного и перспективного сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. сс. 30—37.

Дейч Т.Л., Усов В.А. «Восходящие» державы на африканском континенте: пример Анголы // Азия и Африка сегодня. 2013. № 7. сс. 36—41.

Найденова Н.С. Испанский язык в Экваториальной Гвинее: социолингвистическое исследование // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2014. № 3. сс. 136—144.

Пак А.Н. Эволюция отношений Португалии с ее бывшими колониями в Африке (1974—2006 гг.): Автореф. канд. ист. наук. — М., 2007.

Португалия в португалоязычном мире («Круглый стол» в ИЛА РАН) // Латинская Америка. 2003. № 4. сс. 44—49.

Ярушкин А.А. Состояние португальского языка в странах Африки // Древняя и новая Романья. 2013. № 1. сс. 163—177.

Ariana dos Reis Ramalh. A Comunidade dos Países de Língua Portuguesa. Dissertação apresentada na Universidade dos Açores, para obtenção do grau de Mestre em Relações Internacionais. Ponta Delgada. Outubro de 2014.

Henriques Isabel Castro, Os pilares da diferença. relações Portugal-África. Séculos XV—XX, Caleidoscópico, Centro de História — Universidade de Lisboa. Lisboa. 2004.

Leandro José Eduardo Garcia, “A Comunidade dos Países de Língua Portuguesa”, In A Comunidade dos Países de Língua Portuguesa: Seminário, Instituto de Altos Estudos Militares: Atena, [s. l.]. 1999.

Marchueta Maria Regina; FONTES, José, Comunidade dos Países de Língua Portuguesa: fundamentos político-diplomáticos, Centro de Estudos Orientais da Fundação Oriente, 1.ª edição, 2001. Lisboa.

Pinto José Filipe, Do império colonial à Comunidade dos Países de Língua Portuguesa: continuidades e descontinuidades, [s.n.], Covilhã. 2004.

Дата поступления статьи: 04.02.2016

Для цитирования: Тшиака О.В. Двадцатилетие Содружества португалоязычных стран: итоги и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — №2. — С. 246—254.

TWENTY YEARS OF THE COMMUNITY OF PORTUGUESE-SPEAKING COUNTRIES (CPLP): RESULTS AND PROSPECTS

O.V. Chiaka

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

This article is dedicated to the twentieth anniversary of the Community of Portuguese-speaking Countries (CPLP), which today comprises 9 countries of the world as its members. Relations between its members today differ significantly from the traditional cooperation between the former colonial power (Portugal) and its former colonies, as Brazil and Angola are recognized regional leaders today and are classified as “emerging” powers. The article details the creation of Community and shows the evolution of its activities over the past 20 years. The organization's management structure as well as its main bodies, including the Conference of Heads of State and Government, the Executive Secretariat, as well as regular meetings at ministerial, inter-parliamentary conference, meeting of representatives of the judicial authorities are described.

The main purpose of the organization remains the cooperation in the economic, social and cultural development of the member-countries, the spread of the Portuguese language and the strengthening of the position of these countries in international organizations. However, with the beginning of the XXI century an important priority in the work of the organization became the defense and public security, including the formation of joint lusophone FELINO forces to participate in peace-keeping operations.

Key words: CPLP, Lusophone countries, cooperation, Portugal, Brazil, Angola, cultural integration, military cooperation, FELINO, peacemaking

REFERENCES

Ariana dos Reis Ramalh, 2014. *A Comunidade dos Países de Língua Portuguesa*. Dissertação apresentada na Universidade dos Açores para obtenção do grau de Mestre em Relações Internacionais. Ponta Delgada.

Arkhangel'skaya A.A., 2013. Braziliya v Afrike: istoriya, politika, ekonomika [Brazil in Africa: history, politics, economics]. *Latinskaya Amerika*, no. 11, pp. 68—83.

Bagana Zh., 2012. Yazykovaya politika na territorii Afriki v kolonial'nyi period [Language Policy in Africa during the colonial period]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"*, no. 18, pp. 40—46.

Borzova A.Yu., 2013. Braziliya-Afrika — primer vysokoeffektivnogo i perspektivnogo so-trudnichestva [Brazil-Africa — an example of a highly efficient and long-term cooperation]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 9, pp. 30—37.

Deich T.L., Usov V.A., 2013. “Voskhodyashchie” derzhavy na afrikanskom kontinente: primer Angoly [“Emerging” powers in Africa: the case of Angola]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 7, pp. 36—41.

Isabel Castro Henriques, 2004. *Os pilares da diferença. relações Portugal-África. Séculos XV—XX, Caleidoscópio*. Centro de História — Universidade de Lisboa, Lisboa, 2004.

José Filipe Pinto, 2004. *Colonial Do império à Comunidade dos Países de Língua Portuguesa: continuidades e descontinuidades*. Covilhã.

Leandro José Eduardo Garcia, 1999. *A Comunidade dos Países de Língua Portuguesa*. In *A Comunidade dos Países de Língua Portuguesa: Seminário*, Instituto de Altos Estudos Militares: Atena.

Marchueta M.R., Fontes J., 2001. *Comunidade dos Países de Língua Portuguesa: fundamentos político-diplomáticos*. Centro de Estudos Orientais da Fundação Oriente 1.ª edição. Lisboa.

Naidenova N.S., 2014. Ispanskii yazyk v Ekvatorial'noi Gvinee: sotsiolingvisticheskoe issledovanie [Spanish Language in Equatorial Guinea: sociolinguistic study]. *Vestnik RUDN. Seriya “Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya”*, no. 3, pp. 136—144.

Pak A.N., 2007. *Evolyuciya otnoshenij Portugalii s ee byvshimi koloniyami v Afrike (1974—2006 gg.)* [The evolution of Portugal's relations with its former colonies in Africa (1974—2006)]: Avtoref. of dissertation of candidate of historical science. Moscow.

Portugaliya v portugaloyazychnom mire [Portugal in the Portuguese-speaking world], 2003. *Latinskaya Amerika*. No. 4. P. 44—49.

Yarushkin A.A., 2013. Sostoyanie portugal'skogo yazyka v stranakh Afriki [Status of the Portuguese language in Africa]. *Drevnyaya i novaya Romaniya*, no. 1, pp. 163—177.

For citations: Chiaka O.V. Twenty years of the Community of Portuguese Speaking Countries (CPLP): results and prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 246—254.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США В 1991—2015 ГГ.

Н.В. Пономарев

МГИМО МИД России, Москва, Россия

В статье анализируется становление глобальной энергетической стратегии Соединенных Штатов в 1991—2015 гг., смена акцентов в стратегических доктринальных документах, отражающая ее новые региональные приоритеты. Выявленная непрерывность курса обуславливается интерпретацией международного режима беспрепятственной разработки и транзита углеводородных ресурсов на мировые рынки в качестве неотъемлемого условия поддержания стабильности американоцентричной глобальной экономики и постбиполярного мирового порядка. Для внешнеполитического курса США характерна значительная опора на военные инструменты в целях поддержания региональных режимов безопасности энергоэкспорта.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, внешняя политика США, глобальная энергетическая стратегия США

Проблемы мировой энергетики и энергетической безопасности на протяжении последних двух десятилетий составляли одну из центральных тем экспертных дискуссий. Значительные массивы отечественной и зарубежной научной литературы были посвящены детальному изучению экономических и геополитических аспектов американской энергетической политики. Вместе с тем большинство работ преимущественно посвящено нюансированному анализу энергетической проблематики в контексте внутренней политики и экономического развития США, проблемам функционирования мировых рынков углеводородов и роли энергетических мотивов в военно-политической активности Соединенных Штатов на мировой арене. Взгляд на развитие американской энергетической дипломатии с позиции тщательного анализа доктринальных изменений, хронологии и периодизации процесса формирования глобальной энергетической стратегии США в 1990—2010-е гг. и их соотнесение с основными поворотными пунктами в отношениях Соединенных Штатов и других мировых держав позволяет более точно определить место энергетических вопросов в рамках американской внешней политики.

С 1991 г. в период четырех администраций — от Дж. Буша-старшего до Б. Обамы, несмотря на изменения конъюнктуры на мировых рынках нефти и газа, энергетическая проблематика неизменно занимала одно из центральных мест в рамках внешнеполитического курса Соединенных Штатов. Внимание исторически было сосредоточено на углеводородном топливе, которое составляло основу энергобаланса США, а со времен холодной войны также рассматривалось как стратегический ресурс в контексте противостояния с СССР.

На доктринальном уровне приоритетность задач обеспечения энергетической безопасности на международной арене получила отражение еще в первой в истории стратегии национальной безопасности, представленной администрацией Р. Рейгана в 1987 г., и сохранялась во всех ее последующих редакциях. Свободное поступление нефти на мировые рынки было определено как одна из пяти задач на ближневосточном направлении, а зависимость союзников в Западной Европе от поставок энергоносителей из Персидского залива названа долгосрочной угрозой¹. Политика США в данном регионе от провозглашения доктрины Картера (1980), создания ОЦК (1983), до операции «Буря в пустыне» (1991) и создания Пятого оперативного флота ВМС США (1993) была непосредственно продиктована данными соображениями.

Возможны различные подходы к периодизации формирования глобальной энергетической стратегии США в 1990—2010-е гг. Так, в частности, американские эксперты Л. Гери и М. МакНэбб, описывая возникновение «всеобъемлющей энергетической политики» США, обозначают период 1991—1999 г. как этап призывов к ее формированию, ранний период администрации Дж. Буша (2000—2002) — этапом переплетения энергетической политики и национальной безопасности, а поздний период (2003—2007) — этапом ее окончательного оформления [Geri, McNabb 2016: 68—81]. Такое деление, вероятно, правомерно с точки зрения развития внутривнутриполитических процессов в США, но не совпадает с периодизацией американской энергетической дипломатии.

В первой половине 1990-х гг. фокус внимания еще был смещен в сторону внутривнутриполитической проблематики, в национальной энергетической стратегии 1991 г. акцент был сделан на расширение внутренней добычи нефти, хотя упоминалась важность ее наращивания во всем мире, в первую очередь — в Западном полушарии и на постсоветском пространстве², в стратегии 1994 г. энергетический раздел по-прежнему был посвящен обеспечению поставок из Персидского залива³.

Окончательный отход от модели, существовавшей с 1980-х гг., произошел лишь в концепции национальной безопасности 1997 г., сделавшей центральной

¹ National Security Strategy of the United States. White House. January 1987. Available at: <http://nssarchive.us/NSSR/1987.pdf> (date of access: 01.09.2012).

² National Energy Strategy: executive summary. US Department of Energy. Washington D.C., 1991, p. 27.

³ National Security Strategy of Engagement and Enlargement. President of the US, 1994. Available at: www.fas.org/spp/military/docops/national/1994stra (date of access: 01.09.2012).

темой диверсификацию источников импорта. Она признавала неразрывную связь интересов в сфере экономики и безопасности, зависимость США от стабильности в ключевых регионах мира, из которых импортируются критически важные товары: нефть и природный газ, жизненно важный характер интересов, связанных со свободным поступлением на мировые рынки этих зарубежных энергоресурсов. Констатировался коренной сдвиг к прекращению зависимости от поставок ближневосточной нефти при сохранении их критического значения для союзников в Европе и Восточной Азии. Основным направлением было названо расширение сотрудничества в сфере разработки ресурсов в Западном полушарии, Африке, Центральной Азии и Каспийском регионе¹. Аналогичные акценты получила и всеобъемлющая национальная энергетическая стратегия 1998 г. В последней же стратегии национальной безопасности администрации У. Клинтона 2000 г., более точно была обозначена опора на военные механизмы: военное присутствие США и межгосударственное военное взаимодействие служат обеспечению экономической стабильности, безопасности каналов транзита нефти в Юго-Западной Азии².

Примечательно, что именно на этот период приходится активизация военно-политического взаимодействия США и евроатлантических структур с государствами постсоветского пространства на каспийско-черноморском направлении.

Третьим этапом стало полноценное оформление африканского вектора американской энергетической стратегии [Lubeck 2003] и попытки закрепить влияние на Кавказе и в Центральной Азии в период первого срока администрации Дж. Буша-младшего. Центральным документом, зафиксировавшим основные положения ее новой энергетической стратегии, стал доклад «Национальная энергетическая политика» 2001 г., подготовленный специальной группой с участием большинства министров нового кабинета в тесном контакте с представителями крупнейших нефтяных компаний. Авторы призвали утвердить энергетическую безопасность в качестве приоритета внешней и торговой политики.

На фоне обострения конкуренции на рынках энергоресурсов основными направлениями должно было стать расширение добычи в новых регионах путем либерализации местных экономик, привлечения иностранных инвестиций и создания новых каналов транзита. Подтверждалось сохранение ключевого значения Персидского залива и роста добычи и экспорта из Западного полушария, Каспийского бассейна и Африки³. Эти тезисы повторились в 2004 г. в стратегии «Выход из энергетического тупика»⁴.

¹ National Security Strategy for a new century. President of the US, 1997, pp. 18—25. Available at: <http://www.fas.org/man/docs/nssrpref-1299.htm21> (date of access: 01.09.2012).

² National Security Strategy For A Global Age. President of the US, 2000, p. 12. Available at: <http://www.bits.de/NRANEU/others/strategy/nss-0012.pdf> (date of access: 01.09.2012).

³ National Energy Policy. Report of the National Energy Policy Development Group, 16 of May 2001, pp. 130—133.

⁴ Ending the Energy Stalemate. A Bipartisan Strategy to Meet America's Energy Challenges. The National Commission on Energy Policy, 2004. Available at: <http://www.futurebrief.com/stalematesummary.pdf> (date of access: 01.09.2012).

Четвертый этап пришелся на второй срок администрации Дж. Буша и последующий период президентства Б. Обамы. Он был отмечен формированием арктического направления, усилением внимания к морским транзитным пространствам и постепенным переходом к активной разработке сланцевых газа и нефти и развитию альтернативной энергетики. Он также был связан с неуклонным нарастанием противоречий с Россией и КНР, в значительной мере связанных с вопросами влияния в Центральной Азии и на Кавказе, контроля морских пространств в Арктике и Восточной и Юго-Восточной Азии.

В стратегии национальной безопасности 2006 г. нашел отражение ряд новых проблем, включая распространение в мире «ресурсного национализма» и попытки КНР нарушить целостность либеральных рыночных принципов разработки энергоресурсов на периферии мировой системы. В духе политики демократизации задачи диверсификации были увязаны с обеспечением открытости экономик стран-экспортеров и утверждением в них демократии. Подчеркивалось, что прибыль от экспорта нефти способствует распространению коррупции, ограничению экономического развития и политических реформ в отдельных странах, позволяя им осуществлять неприемлемую для американских интересов внутреннюю и внешнюю политику. Новым пунктом стало сдерживание влияния Китая.

Два из трех основных противоречий, зафиксированных в китайско-американских отношениях, были напрямую связаны с проблемами энергетической безопасности. Ими были названы попытки КНР установить эксклюзивный контроль над отдельными иностранными источниками энергоресурсов, нарушая принципы открытости рынков, и поддержка стран-экспортеров, потворствующая их недопустимой, с точки зрения США, политике¹. Центральная Азия вновь была отнесена к числу долгосрочных приоритетов, впервые акцент получило развитие альтернативных источников энергии и международного сотрудничества на данном направлении.

Наконец, в национальной оборонной стратегии 2008 г. утверждалось, что США продолжают заботу об обеспечении доступа к энергоресурсам, имеющим жизненно важное значение для мировой экономики, и их свободном поступлении на мировой рынок². Подчеркивалось, что США нуждаются в свободе действий в общих глобальных пространствах и стратегическом доступе в важные регионы мира с целью решения задач национальной безопасности, а благополучие мировой экономики зависит от свободного доступа к энергоресурсам.

Стратегия администрации Б. Обамы в 2009—2016 гг., несмотря на принципиальное смещение акцентов от интенсификации разработки внутренних углеводородных ресурсов к форсированному развитию альтернативных и возобновляемых источников энергии, демонстрировала преемственность в отношении ос-

¹ National Security Strategy, President of the U.S, 2006. Available at: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/nss2006.pdf> (date of access: 01.09.2012).

² National Defense Strategy 2008. Department of Defense, p. 16. Available at: <http://www.defense.gov/news/2008%20national%20defense%20strategy.pdf> (date of access: 01.09.2012).

новых положений стратегии администрации Дж. Буша и, более того, продолжала линию, отслеживаемую с 1977 г. [Дмитриев 2014: 19].

Главным документом, определяющим рамки энергетической политики, стал Закон о восстановлении и реинвестировании Америки 2009 г. и повторяющий его положения план «Проект обеспечения безопасного энергетического будущего» 2011 г. Закон 2009 г. помимо положений о повышении энергоэффективности и диверсификации энергобаланса включал план сокращения импорта нефти на треть в течение 10 лет, ослабления зависимости от ближневосточных стран и Венесуэлы¹. Документ 2011 г. подчеркивал важность сотрудничества с зарубежными партнерами с целью расширения добычи и поставок энергоносителей на мировой рынок, партнерства со странами-экспортерами нефти, замещения ее потребления через биоэнергетику².

Представленный в 2014 г. план «Всеобъемлющая энергетическая стратегия как путь к устойчивому экономическому росту»³ обобщил итоги эволюции политики администрации Б. Обамы. Резкий рост объемов добычи сланцевого газа и нефти в США в первой половине 2010-х оказал значительное влияние на энергетическую стратегию страны: со стороны политического руководства и экспертного сообщества получили внимание перспективы превращения Соединенных Штатов в экспортера углеводородной продукции, а также проблема переосмысления этого экспорта как потенциального внешнеполитического рычага. Примечателен определенный диссонанс с прежней позицией, утверждавшей принципиальную недопустимость политизации энергетических вопросов.

Содействие разработке зарубежных месторождений сланцевых нефти и газа стало рассматриваться как одна из важных мер по увеличению предложения на мировом рынке. В этой связи с начала 2010-х гг. были предприняты шаги по созданию новых органов и программ, призванных укрепить роль США в международной энергетической политике. Среди них — осуществляемая под эгидой государственного департамента межведомственная Инициатива в области управления энергетическим сектором и энергопотенциалом, призванная обеспечить техническую поддержку стран, выходящих в качестве крупных экспортеров на мировой рынок, в 2010 г. создана Программа технического сотрудничества в области нетрадиционных источников природного газа. В 2011 г. в составе государственного департамента с целью придать особый приоритет энергетической дипломатии также создано Бюро энергетических ресурсов.

¹ American Recovery and Reinvestment Act of 2009. Available at: http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=111_cong_bills&docid=f:h1enr.pdf (date of access: 01.09.2012).

² Blueprint for a Secure Energy Future. The White House. Washington D.C., March 30, 2011. Available at: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/blueprint_secure_energy_future.pdf (date of access: 01.09.2012).

³ The All-Of-The-Above Energy Strategy as a Path to Sustainable Economic Growth. Executive Office of the President of the United States, 2014. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/aota_energy_strategy_as_a_path_to_sustainable_economic_growth.pdf (date of access: 01.09.2015).

Другим важнейшим поворотом в период администрации Б. Обамы стала активизация политики на арктическом и индо-тихоокеанском направлениях. Так, доктринальное оформление получила стратегия в Арктике, концептуальные положения которой были подготовлены еще администрацией Дж. Буша в самом конце ее срока и утверждены в стратегии Корпуса морской пехоты США на период до 2025 г.¹, директиве, определяющей арктическую политику США², Арктической дорожной карте ВМС США³ и ряде других документов. Активизация американской политики на арктическом направлении была прямо увязана с проблемой обеспечения суверенитета в регионе в условиях изменения климата и разгорающегося соперничества за контроль над его сырьевыми ресурсами.

Утверждение в 2012 г. новых стратегических ориентиров оборонной политики, в рамках которых наибольший приоритет получил Азиатско-Тихоокеанский регион⁴, также стало прямым развитием усилий прежней администрации, прослеживаемых с 2005 г., когда впервые одновременно было инициировано тесное военное сотрудничество с Индией, начали обсуждаться схемы квартета США—Япония—Индия—Австралия, многосторонний режим морской безопасности в районе Малаккского пролива [Song 2009: 111].

Характерно, что американо-китайские противоречия в регионе тесно переплетены с разногласиями между КНР и соседними странами относительно юрисдикции в акваториях Восточно- и Южно-Китайского морей, где располагаются значительные углеводородные ресурсы и транзитные маршруты энергоимпорта как в Китай, так и в Японию и Южную Корею.

Наиболее поздняя редакция стратегии национальной безопасности, утвержденная в феврале 2015 г., отмечает принципиальную смену конъюнктуры на мировых рынках с превращением США в крупнейшего производителя нефти и газа, заявляет о сохранении ключевого значения Персидского залива и намерении далее обеспечивать бесперебойное поступление нефти из него на мировой рынок. Подтвержден приоритет диверсификации источников и маршрутов транзита энергоносителей, отмечен потенциал конфликтов за ресурсы в Арктике и Азии⁵.

Особое внимание уделено проблеме глобальных общих пространств и морской безопасности, важными регионами с этой точки зрения названы Арктика, Карибское море, акватории в районе Африканского рога и Юго-Восточной Азии.

¹ Marine Corps Vision and Strategy. 2025, 2008. Available at: [http://www.marines.mil/news/publications/Documents/Vision Strat lo res.pdf](http://www.marines.mil/news/publications/Documents/Vision%20Strategy%202008.pdf) (date of access: 01.09.2012).

² National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive 25 on Arctic Policy. White House, 2009. Available at: <http://www.hsdl.org/?view&did=232474> (date of access: 01.09.2012).

³ US Navy Arctic Roadmap, 2009. Available at: http://www.navy.mil/navydata/documents/USN_artic_roadmap.pdf (date of access: 01.09.2012).

⁴ Sustaining US Global Leadership: Priorities for the 21st Century Defense. US Department of Defense, January 2012. Available at: http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (date of access: 01.03.2015).

⁵ National Security Strategy. President of the US, 2015, p. 16, 26. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (date of access: 01.03.2015)

Процесс формирования глобальной энергетической стратегии США и усиления ее военных компонентов получил широкое внимание экспертного сообщества, особенно в 2000-е гг. после интервенции в Ирак. Представители неомарксистского направления интерпретировали эти шаги как реализацию частных интересов бизнес-элиты, контролирующей энергетические ТНК [Chatterjee 2009].

Однако данная трактовка была подвергнута обоснованной критике, в частности, британские ученые Д. Стоукс и С. Рафаэль указали на примат задач устранения политических угроз для международного режима интернационализации энергоресурсов по отношению к частным интересам ТНК, ссылаясь на практику санкционной политики США и допуск КНР к разработке иракской нефти [Stokes, Raphael 2009: 46].

К середине 2000-х гг. предметом активных дискуссий стали прогнозы межгосударственных конфликтов вокруг энергоресурсов: так, американский эксперт М. Клэр представил прогнозы нарастания конкуренции за контроль над глобальными энергопотоками, сопоставимой с гонкой вооружений времен холодной войны [Clare 2012: 7], говорил о превращении вооруженных сил США в глобальный инструмент контроля над энергоресурсами [Clare 2008]. Дискуссия о поставленных проблемах развернулась на страницах ряда авторитетных научных изданий. В это же время один из ведущих американских геополитических экспертов Р. Каплан в 2009 г. предвосхитил поворот США к АТР, указав на превращение Индийского океана в основную арену соперничества с КНР за контроль над мировыми энергопотоками [Kaplan 2009, 2012]. Темы соперничества за контроль над сырьевыми ресурсами и транзитными маршрутами в морских акваториях АТР и Арктики стали одними из наиболее популярных в 2010-е гг., особенно среди военных экспертов.

Следует отметить, что во всех случаях энергетические задачи американской внешней политики оказались тесно переплетены с другими: практически все державы, с которыми происходило столкновение интересов США, являлись либо крупными экспортёрами нефти и газа (Россия, Иран, Венесуэла, Ливия), либо конкурентами за контроль над энергопотоками (КНР, Россия, Иран). Благодаря этому основными мотивами американской политики в этот период стали заинтересованность в снижении мировых цен на нефть посредством увеличения ее предложения на глобальном рынке, диверсификацию транзитных потоков, ослабление геополитических противников, разделение бремени обеспечения безопасности коммуникаций с союзниками [Krane 2009: 112]. Наиболее откровенно видение стратегических целей в рамках глобальной энергетической стратегии США было изложено Х. Клинтон в 2012 г. на посту главы государственного департамента: «энергетическая проблематика пронизывает всю американскую внешнюю политику, составляя вопрос как национальной безопасности, так и глобальной стабильности. Она лежит в сердце мировой экономики, но также связана с демократией и правами человека. Она составляет стержень геополитики как источник национальной мощи и богатства, конфликтов и сотрудничества. Интересы США

связаны с исключением использования другими странами своих энергетических ресурсов или близости к маршрутам их транзита для диктата своей воли¹.

В целом данная картина многолетней преемственности внешнеполитического курса согласуется с выводами о том, что роль, которую играет нефть в обеспечении превосходства США в рамках международной системы, способствовала формированию долгосрочной упредительной стратегии, призванной обеспечить доступ и снабжение энергоресурсами в регионах их концентрации [Stokes, Raphael 2009: 42].

Глобальная энергетическая стратегия США в 1991—2015 гг. формировалась на основе присущей американскому политическому руководству глобальной трактовки энергетической безопасности. Она обусловлена высокой взаимосвязью с экономикой союзников в Европе и Восточной Азии и восприятием контроля над значительной долей добычи энергоресурсов и каналами их транзита со стороны нелояльных Соединенным Штатам держав как непосредственной угрозы для стабильности всего мирового экономического порядка. Это способствовало тесному переплетению геоэкономических и военно-политических мотивов американской внешней политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дмитриев С.С.* Энергетическая стратегия Б. Обамы: опора на инновации и технологическое лидерство. М.: ИМЭМО РАН. 2014. 162 с.
- Chatterjee P.* Halliburton's Army: How a Well-Connected Oil Company Revolutionized the Way America makes War. NY.: Nation Books. 2009. 304 p.
- Geri L.R., McNabb M.C.* Energy Policy in the U.S.: Politics, Challenges, and Prospects for Change. N.Y.: CRC Press. 2016. 328 p.
- Kaplan R.D.* Central Stage of the XXI century // *Foreign Affairs*. 2009. Vol. 88—2. pp. 16—29.
- Kaplan R.D.* Monsoon The Indian Ocean and the Future of American Power. N.Y.: Random House. 2010. 400 p.
- Klare M.T.* Rising Powers, Shrinking Planet. The New Geopolitics of Energy. London: Metropolitan Books. 2008. 352 p.
- Klare M.T.* The Race for What's Left: The Global Scramble for the World's Last Resources. London: Metropolitan Books. 2012. 320 p.
- Krane C.* Imported oil and U.S. national security. Santa Monica: RAND Corp. 2009. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG838.pdf (date of access: 01.09.2012).
- Lubeck P.M., Watts M.J., Lipschutz R.* Convergent Interests: U.S. Energy Security and the "Securing" of Nigerian Democracy. Center for International Policy. 2007. Available at: http://www.ciponline.org/NIGERIA_FINAL.pdf (date of access: 01.09.2012).

¹ Clinton H.M. Remarks by Secretary of State Hillary Rodham Clinton on Energy Diplomacy in the 21st Century. Georgetown University, Washington, D.C. U.S. Department of State, Office of the Spokesperson, October 18, 2012. Available at: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2012/10/20121018137692.html#axzz3TuFAAczG> (date of access: 01.09.2014).

Song Y.-H. Regional Maritime Security Initiative (RMSI) and Enhancing Security in the Straits of Malacca: Littoral States and Regional Responses // *Maritime Security in the South China Sea. Regional Implications and International Cooperation.* Wu Sh., Zou K. (eds.). Farnham: Ashgate. 2009. pp. 109—135.

Stokes D., Raphael S. Global Energy Security and American Hegemony. Baltimore: The John Hopkins University Press. 2010. 280 p.

Дата поступления статьи: 21.02.2016

Для цитирования: *Пономарев Н.В.* Формирование глобальной энергетической стратегии США в 1991—2015 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения».* — 2016. — № 2. — С. 255—264.

FORMATION OF THE US GLOBAL ENERGY STRATEGY IN 1991—2015

N.V. Ponomarev

MGIMO-University, MFA of Russia, Moscow, Russia

The article explores the formation of US global energy strategy in the timeframe of 1991—2015 and shifting emphasis in strategic documents indicating new regional priorities.

Provisions concerning international energy interests of the United States can be traced back to the very first national security strategy and appear to be inherent core element of the American foreign policy. Due to domestic energy consumption patterns and cold war era strategic perception of fuel reserves US policy has been extensively centered on hydrocarbon resources. It proceeded from initial focus on the Persian Gulf to a global level commitment to ensure all-out output growth and transfer routes diversification for oil and gas exports in a number of key regions including the Caspian, and the Gulf of Guinea. By mid 2000s the US had become increasingly concerned with countering international influence and limiting regional clout of great powers that were pursuing independent policy and relying on state control of national energy companies and foreign energy assets, labeled as «resource nationalism». At the dawn of a new decade climate change in the Arctic and the rise of Indo-Asia-Pacific as a new global foremost transport and economic hub brought these rich in resources and critical in terms of resources shipping maritime domains to the forefront of US policy. Although the US prepares to assume the role of energy exporting country in the wake of shale oil and gas revolution that didn't cause revision of this strategy but is merely supplementing it with a new international leverage.

Revealed continuity rests on interpretation of unconstrained extraction and transit of hydrocarbon supplies to the world market and safety of the transit spaces as essential prerequisites for the stability of the US-centric global economy and entire postbipolar world order. Significant reliance on military instruments to maintain regional security regimes for international energy exports is a principal hallmark of US foreign policy.

Key words: energy security, US foreign policy, US global energy strategy

REFERENCES

Chatterjee P., 2009. *Halliburton's Army: How a Well-Connected Oil Company Revolutionized the Way America makes War*. NY.: Nation Books, 304 p.

Dmitriev S.S., 2014. *Energeticheskaya strategiya B. Obamy: opora na innovatsii i tekhnologicheskoe liderstvo* [Energy strategy of B. Obama: reliance on innovations and technological leadership]. Moscow, IMEMO, 162 p.

Gerl L.R., McNabb M.C., 2016. *Energy Policy in the U.S.: Politics, Challenges, and Prospects for Change*. N.Y.: CRC Press, 328 p.

Kaplan R.D., 2009. Central Stage of the XXI century. *Foreign Affairs*, Vol. 88—2, pp. 16—29.

Kaplan R.D., 2010. *Monsoon The Indian Ocean and the Future of American Power*. N.Y.: Random House, 400 p.

Klare M.T., 2008. *Rising Powers, Shrinking Planet. The New Geopolitics of Energy*. London: Metropolitan Books, 352 p.

Klare M.T., 2012. *The Race for What's Left: The Global Scramble for the World's Last Resources*. London: Metropolitan Books, 320 p.

Krane C., 2009. *Imported oil and U.S. national security*. Santa Monica: RAND Corp. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG838.pdf (date of access: 01.09.2012).

Lubeck P.M., Watts M.J., Lipschutz R., 2007. *Convergent Interests: U.S. Energy Security and the "Securing" of Nigerian Democracy*. Center for International Policy. Available at: http://www.ciponline.org/NIGERIA_FINAL.pdf (date of access: 01.09.2012).

Song Y.-H., 2009. Regional Maritime Security Initiative (RMSI) and Enhancing Security in the Straits of Malacca: Littoral States and Regional Responses. *Maritime Security in the South China Sea. Regional Implications and International Cooperation*. Wu Sh., Zou K. (eds.). Farnham: Ashgate, pp. 109—135.

Stokes D., Raphael S., 2010. *Global Energy Security and American Hegemony*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 280 p.

For citations: Ponomarev N.V. Formation of the US global energy strategy in 1991—2015. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 255—264.

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

A NETWORKS ANALYSIS OF TERRORISM IN AFRICA: IMPLICATIONS FOR KENYA

K. Morumbasi

The Technical University of Kenya, Nairobi, Kenya

C. Amuhaya

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

This paper highlights the challenges that the international community faces in responding to the terrorists and the need to change tactics to respond more effectively to an increasingly nebulous enemy. Terrorism can take different forms and is perpetrated by both state and non-state actors. This research looks into the network structure of terrorism and terrorist groups. In the contemporary setting, terrorist organizations operate transnationally hence the use of the term 'terrorism without borders'. An enabling factor of terrorism today is the network structure that it has adopted which gives it the ability to both project its reach and prevent easy infiltration. The network structure has also brought about renewed interests in Africa, where global terror networks such as al-Qaeda and the Islamic State compete for influence. Boko Haram in West Africa is an affiliate of the Islamic State and this provides possible linkages with the Islamic State in Libya. Boko Haram refers to itself as the Islamic State's Western Province. Al-Shabaab has dominated headlines by carrying out deadly attacks in East Africa. The al-Qaeda affiliate has however faced resistance from a section of its members who seek ties with the Islamic State. This resulted in the formation of Jabha East Africa, a group that aligns itself to the Islamic State. The Sinai Peninsula has also witnessed an upsurge of terror attacks perpetrated by the Sinai Province, which views itself as a province of the Islamic State. This surmounts to a complex network structure of terrorist networks in Africa and the growing threat to militant Islam. The special attention is paid to analysis of terrorist challenges in Kenya.

Key words: Terrorism, war, network analysis, radicalization

INTRODUCTION

Terrorism perpetrated by non-state actors has bedeviled the anarchic international system. Terror attacks have not been isolated to a specific region but affected states across the globe including the United States, France, the United Kingdom, Turkey, China, Afghanistan, Iraq, Syria, Somalia, Kenya, Uganda, Tanzania, Pakistan, just to name a few. The threat to terrorism is therefore global in nature. Technological advancement has created power diffusion from the state to non-state actors which have up-scaled their

level of interaction in areas of divergence. This research will look at the transnational nature of terrorism and the existing network affiliations with a focus on Africa. The difficulties at arriving at a conclusive definition of terrorism has caused divergent views and limited the extent to which collective action is employed.

Given the magnitude of the threat posed by violent extremism, it would be expected that states take the lead to create state-led linkages through which intelligence can be disseminated and shared between regional states through their security organs. Despite being the ideal, states often fail to carry out this all important task due to national interests in an anarchic international setting. Anarchy is the absence of a supreme above the state. This paper will seek to understand the linkages that exist involving terrorist groups in Africa and how this affects the international relations of terrorism in the region. The term ‘international relations of terrorism’ is used here in reference to the impact that terrorism has on the conduct of international politics and also to pinpoint that terrorist organizations operate at the global level. The increased military activities against terrorist groups have necessitated a succinct analysis on their effects on their survival and resolve to extend the terror campaign at the transnational level.

TOWARDS A DEFINITION OF TERRORISM AND NETWORKS

Terrorism is among different forms of violent extremism that are politically motivated. There is also no agreed upon definition of terrorism. Despite the absence of a consensus on the definition, there are some attributes which differentiate terrorism from other forms of violent extremism such as genocide, insurgency, and uprisings. The constant factor in these different forms of violence is aggression. A clear distinction is mired by the lack of a consensus on the definition of terrorism. One key characteristic of terrorism is its reliance on fear to communicate their motivation and intentions to the masses through the mass media. Terrorism can be viewed as a tool that uses “ethnic and religious fanatics to serve political ends, such as liberation from an alien occupying group, or simply to exact righteous vengeance against a group labeled as a threat or enemy” [Forst 2009: 3]. Fanaticism however is not unique to terrorism as it exists in other forms of violent extremism. One key feature of terrorism is the target. Those killed by terrorist attacks are not the main targets of terrorism. Attacks are used to cause fear among the general population who are not the direct victims of terrorist attacks. The other feature is that terrorism is carried out for political ends and uses an ideological underpinning for recruitment. Due to its disadvantage in terms of power in relation to the state, terrorists rely asymmetric tactics.

Like other forms of political violence, terrorism predated the Westphalian state system that was formed in 1648. Its nature has changed theatrically due to globalization and technological advancement. Terrorist groups such as al-Shabaab, Boko Haram, Sinai Province, and others, have defined the new frontier in war where the *jus in bello* (the laws that govern the conduct of war) has no influence. They go against the traditional norms regarding the conduct of war. The enemy is faceless and ever changing. Despite their status as non-state actors, their capabilities have expanded to areas that were pre-

dominantly reserved for the state. Technology has increased the capabilities of terrorist networks that have carried out successful attacks aimed at soft targets and well trained state security personnel. This has been made possible due to power diffusion, where non-state actors accrue capabilities that only states could have. In the past, the ability to cause mass casualties was a preserve of the state due to the monopoly of military power. Today, technology has broken the barriers and terrorist groups can make use of improvised explosive devices to cause large scale fatalities.

Terrorist groups have also adopted the strategy of coordinated attacks against multiple targets. The September 11 attack in the US is just one example among many. In 1998, al-Qaeda carried out simultaneous bombings on US embassies in Dar es Salaam, Tanzania and Nairobi, Kenya. In August 24, 2004, Chechen rebels hijacked two Russian passenger planes that took off from Moscow and caused them to crash within a span of three minutes. It is suspected the planes were brought down by hexogen explosives [Mickolous, Simmons 2014: 194]. On March 11, 2004, bombs exploded in four packed commuter trains in Spain's capital, Madrid. The attack was orchestrated by Islamist radicals who were affiliated to al-Qaeda [Mickolous, Simmons 2014: 189]. These few cases demonstrate how terrorist groups make use of coordinated attacks to maximize their impact and draw increased attention. One possible enabling factor is the formation of cell based networks. Networks may take different forms from channels of communication to those of collaboration and/or structural organization. Networks can also act as agents of socialization through reinforcing and promoting ideologies to create social capital [Stohl, Stohl 2007: 99]. Krebs notes that identifying terrorist cells (which tend to be covert in nature) is much more difficult than mapping social networks [Krebs 2002: 49]. According to him, terror cells are characterized by tight knit ties which remain dormant, making them difficult to detect. Their activation is based on necessity. The dormant cells are commonly referred to as sleeper cells. Within the state, sleeper cells often consist of members who feel marginalized from mainstream society due to various factors including poverty, political isolation, and perceived historical injustices. The next section will zero in on these factors and the regions that are most affected, with a focus on how al-Qaeda and the Islamic State have competed for influence in forging ties with jihadist groups in Africa. Despite identifying the overall regions, it is difficult to identify specific cells and their members due to the difficulty in infiltration. Members of the affected communities may also be reluctant to expose suspected cell members due to "passive support for their ideas, a fear of retaliation, or a combination of both [Kennedy, Homant, Barnes 2008: 329].

MAPPING RADICALIZATION PATTERNS IN AFRICA

Both al-Shabaab and the Islamic state have their tentacles in Africa. Al-Shabaab has continued to perpetrate their terrorist agenda in East Africa, Boko Haram in West Africa, and Sinai Province in the Sinai Peninsula. Al-Shabaab has been an affiliate of al-Qaeda while the other two have established ties with the Islamic State. How have these groups been able to project their influence transnationally? Al-Shabaab has adopted a strategy of radicalizing beyond Somalia into the neighboring countries of Kenya, Tan-

zania, and Uganda. In Kenya, Garissa town has experienced one of the worst terror attacks in the country's history. The town is in eastern Kenya and in close proximity to Kenya. On 2nd April, 2015, gunmen attacked Garissa University College in an ambush that killed 147 and injured over 79. It is believed that the attack was masterminded by a Kenyan al-Shabaab fighter Mohamed Mohamud, who was a former teacher in Garissa.

Terrorism is not new and is an ever changing phenomenon. Globally, terrorist networks have evolved over time and adopted new strategies to outsmart state counter-terrorism strategies. In East Africa, al-Shabaab has in the recent past succeeded in stretching its tentacles to neighboring countries. Al-Shabaab first emerged as a local terrorist group whose main preoccupation was to preserve political leverage in order to maximize their dominance in Somalia. Its initial existence was under the Islamic Courts Union (ICU), whose aim was to consolidate power in Somalia through territorial and administrative control. Its ambitions and motivations have since changed to include interests beyond its territory. Al-Shabaab has mounted attacks in neighboring countries especially Kenya. They have been able to launch successful attacks both in Somalia and beyond through carefully planned attacks. The group has evolved from a domestic political actor, to a desperate group whose main preoccupation is survival through sporadic and well-timed terror attacks both domestically and regionally. Therefore, the threat that Kenya is facing has also evolved from being external to being a mix of external and internal. External from al-Shabaab in Somalia while internally, al-Shabaab has recruited Kenyans into its ranks and set up terror cells. The line between domestic politics and the politics of Somalia is fading at an alarming rate.

Al-Shabaab can be traced to the Islamic Courts Union (ICU) which was a coalition of *sharia* courts. It formed the militant wing of the union. With the defeat of the Islamic Courts Union by Ethiopian forces, the group disintegrated and al-Shabaab re-grouped to wage a deadly insurgency against the foreign troops [Hansen 2013: 50]. Ever since, al-Shabaab has become a major threat to peace and security in Somalia and beyond. Terrorist networks have also succeeded in creating and maintaining international links with other extremist groups. Coupled with religion are the twin societal ills of corruption and marginalization that pervade most of Africa and which have become the leading precipitants to the emergence of local terrorist groups. At their initial stages where the group seeks to acquire membership and spread ideas, they are not treated with urgency. Over time, the groups begin to make demands that are often met by aggressive measures from the security arm of government.

In Mogadishu, al-Shabaab continue to launch deadly attacks. Car bombs seem to be the preferred weapon of choice. In February 2016, a car bomb was detonated at the entrance of a popular recreational park. A month prior, the terrorist group attacked a beach hotel in the capital using gunmen and suicide bombers. In April 2016, the terrorist group executed an attack that involved suicide bombing by using a vehicle borne improvised explosive device (VBIED). All these point towards a terrorist group that has the capability to attack in different ways. Security troops are facing a major challenge in the fight against terrorism due to its changing face. Beyond Somalia, the militant group has attacked various soft targets in Kenya including a shopping mall, university,

churches, and other social places. It has succeeded in recruiting Kenyan citizens to carry out the attacks, a move that changes the enemy and brings it close to Kenya's territory. Al-Shabaab is therefore involved in a hybrid warfare with targets both within and beyond Somalia, some of which are security installations.

In East Africa, various terror groups operate in affiliation to either al-Qaeda or ISIS. Smaller groups have emerged to align with either al-Qaeda affiliate al-Shabaab or ISIS linked Jahba East Africa. Among the members of Jahba East Africa are former al-Shabaab militants who were in support for alignment with the Islamic State. This places the region at the center in the battle for dominance between the two global jihadi movements, al-Qaeda and ISIS. This is part of the grand strategy of the two dominant groups, who were once closely affiliated to create an Islamic Caliphate. I will therefore demonstrate where Africa falls in the global fight for dominance by al-Qaeda and the Islamic State. Many commentators have propagated the idea that these groups are mere paper networks which portray strength but are weakened by counter terrorism strategies. To gauge this assertion, global links will be drawn to determine their global influence is diminishing or increasing, and the nature of their patterns.

Since its inception, al-Qaeda has established networks globally through affiliates. In West Africa, Boko Haram has continued to wage an insurgency against the Government in Northern Nigeria. The jihadist militant group is an affiliate of the Islamic State. This has enabled the group to also establish ties with the Islamic State in Libya. This elevates the level of influence that the Islamic State is achieving in Africa. These links defy the norms of sovereignty and create complex networks that transcend the globe. To the north, Algeria has faced major terrorist threats from al-Qaeda in the Islamic Maghreb (AQIM), which was established in 2007. Its genesis can be traced back to Algerian militants who travelled to Afghanistan to fight alongside the Taliban against Russian forces in the 1980s. AQIM is the North Africa branch of the global al-Qaeda network and has succeeded in perpetrating regional attacks including a brief overrun of a UN police base in Mali's city of Timbuktu. The group penetrated the defences of the base by exploding a vehicle-borne improvised explosive device (VBIED), a tactic that was also used to overrun the AMISOM base in El-Adde, Somalia. This shows capacity by the group to carry out transnational activities against citizens, state armies, and international institutions such as the UN. This ability has also been evident in al-Shabaab in East Africa, Sinai Province in North Africa, and Boko Haram in West Africa. The international relations of Africa is therefore being influenced by extremist terrorist groups, a trend that if not stopped will lead to re-shaping of the continents landscape in terms of sovereignty and national boundaries. Daesh (IS) has also established a footprint in the politically volatile Sinai Peninsula through its affiliate Sinai Province, formerly Ansar Bayt al-Maqdis (ABM).

Emergence of the Sinai Province as a formidable force in the region was occasioned by the collapse of the Mubarak regime in 2011, creating favorable political climate for the emergence of an insurgency terrorist group similar to al-Shabaab in Somalia. This has exposed the Egyptian forces and security agencies to deadly attacks by the Salafist militant group. The Sinai Province militant group predominantly comprises of the Bedouin

local population, whose grievances have made them vulnerable to radicalization. Under Israeli rule, the Bedouin people felt included in the decision making process of government through consultation and the provision of social services. The 1982 reclamation of the region by Mubarak changed the fate of the Bedouin who were treated with suspicion and marginalized from the decision making process as well as uneven resource allocation. The region contributed to the national budget through tourism. This provides a case where political events created societal cleavages through which extremist ideologies could germinate. Resentment towards government by the local population caused erosion of state nationalism and gave rise to supranationalism pegged on Islamic militancy.

Al-Qaeda has also access to the region through its affiliate Ansar al-Jihad (al-Qaeda in the Sinai Peninsula), founded in 2011. The terror group possesses advanced weapons and is led by a former personal physician of Osama Bin Laden, Ramzi Mohamoud al-Mowafi. This shows the dynamic nature of terrorist groups in the Sinai Peninsula, with competing loyalties to the global networks of al-Qaeda and al-Shabaab. At the non-state level, there is increasing competition in terms of global influence and power, similar to the power politics of states. This global competition amongst global militant networks complicates the security dynamics of African states, which have not succeeded much in formulating a common front against Islamic militancy

IMPLICATIONS FOR KENYA

Kenya has borne the brunt of the al-Shabaab militant attacks within its territory despite having ventured into Somalia in search of peace. Kenya launched “*Operation Linda Nchi*” (operation protect the country) on 14th October 2011 in pursuit of al-Shabaab within Somalia [Kenya Defence... 2014: 2]. The move was occasioned by continuous kidnappings of foreign tourists in Kenya who were taken to Somalia to be released on ransom or be killed. This marked the decline of the tourism industry, which promotes economic growth and development. Nevertheless, the terrorist threat in Kenya has evolved from being predominantly external to domestic due to increasing cases of recruitment of Kenyans into terrorist groups and infiltration of the Kenyan society by extremist ideologies. In the past, aggrieved sections of society resorted to violence in the pursuit of ‘justice’.

In Kenya, the local terrorist networks are slowly transforming from being local, to transnational through linkages with transnational groups aided by the media and internet, especially the social media. The al-Shabaab in Kenya has succeeded in establishing strong ties with the al-Hijra terrorist group, which has kept its operations secret. Despite being suspected to have taken part in the Westgate Mall attack in the Kenyan capital Nairobi, the group has desisted from taking responsibility of attacks publicly. This introduces yet another complex dimension of the group where it remains underground while avoiding publicity. Therefore, the groups’ danger to the national security of the country may be downplayed or misunderstood. Al-Hijra is also embarking on a mission to create links with a Tanzanian based radical group known as Ansar Muslim Youth Centre. The Islamist terrorist group has carried out low profile attacks in Tanzania

targeting restaurants, churches, and moderate Muslim clerics whose members have sought training from Somalia. However, these have received little attention in the international setting. Nonetheless, the existence of al-Shabaab, al-Hijra, and the Ansar Muslim Youth Centre pose a significant threat in the East Africa region. The Mombasa Republican Council (MRC) on the other hand is a local group in Kenya that has called for the secession of Mombasa, due to alleged marginalization of the indigenous population. The threat of Islamist militancy in Kenya has been reinforced by increased politicization of security which has greatly eroded nationalism. Al-Shabaab has launched a branch in Kenya headed by Sheikh Ahmad Iman Ali who previously served as the supreme leader of the Muslim Youth Center, a radical Islamist group in Kenya that transformed into al-Hijra.

The greatest threat to Kenya's national security lies both within and beyond its borders. The internal threat has been amplified by the participation and direct links with an external terrorist group, the al-Shabaab which has local, national and transnational networks. In the aftermath of the attack at Garissa University College in April 2015, it became evident that Kenyan youth were being radicalized at an alarming rate. One of the gunmen who attacked the learning institution was said to be a Kenyan citizen, a graduate of law from the University of Nairobi, who was the son to a local leader. Therefore, unlike in the past, al-Shabaab has crossed the economic divide to recruit the learned and well off. Their success greatly lays in their exploitation of the fault lines that have existed in the Kenyan society. Corruption within most sectors of society have taken root and replaced nationalism. One argument that this paper puts forth is that anti-terrorism strategies are bound to fail if not backed by increased efforts to entrench nationalism and decrease corruption.

The Islamist militants in Kenya stress on the corruption of state machinery, historical injustices, and marginalization as justification for war. Unlike state relations where *jus ad bellum* (the conditions for going to war) is recognized under international law, terrorist groups resort to radicalization which creates a "just-cause" theory of jihad within its ranks. Terrorist members are therefore convinced that jihad is a just war, fighting for perceived justice. Counter-terrorism measures should therefore address these three basic factors that have made society vulnerable for a long time: corruption, marginalization, and perceived historical injustices. These domestic factors create fertile ground for terrorists to infiltrate the state and exploit social problems to propagate their global influence. Both al-Qaeda and the Islamic State are seeking dominance in the region.

CONCLUSION

Today's terrorists operate under the framework of networks through affiliation and collaborations. Terrorism in Africa is therefore influenced by global currents created by the global terrorist networks. In the contemporary setting, it is neither a domestic or regional phenomenon, but one that exists in a global network structure. These global networks operate parallel to an anarchic international order whose main participants are states. States are formal political organizations based on hierarchy. Terrorist groups on the other hand adopt a mixture of hierarchical and non-hierarchical structures of

intertwined networks. These networks are both in terms of collaboration and affiliation amongst the terrorist groups, and also the structure of a specific terrorist group. The internal structure of a terrorist group consists of cells all of which are interconnected through a network structure. The nature of the linkages that connect terrorist groups affect its ability to survive.

In Africa one might say terrorist groups are succeeding because of issues like poverty which makes target groups for recruitment easier, corruption which aids in movement of arms from one region to another and also movement of people even without documents across borders and lastly lack of nationalism or patriotism which means citizens really do not care about protecting the rule of law. If these issues were to be addressed it could be a start even though not an end towards fighting the terrorist groups.

REFERENCES

- Kenya Defence Forces, 2014. Operation Linda Nchi: *Kenya's Military Experience in Somalia*. Nairobi: Kenya Literature Bureau.
- Forst B., 2009. *Terrorism, Crime, and Public Policy*. New York: Cambridge University Press.
- Hansen S., 2013. *Al-Shabaab in Somalia: The History of a Militant Islamist Group, 2005—2012*. London: C. Hurst & Co.
- Mickolous E. & Simmons S., 2014. *The 50 Worst Terrorist Attacks*. California: Praeger.
- Stohl C. & Stohl M., 2007. Networks of Terror: Theoretical Assumptions and Pragmatic Consequences. *Communication Theory*, Vol. 17, Iss. 2, pp. 93—124.
- Krebs V., 2002. Mapping Networks of Terror Cells. *Connections*, Vol. 24, no. 3, pp. 43—52.
- Kennedy D., Homant R., Barnes E., 2008. An Insider View of the Sleeper Cell Terrorist: A Face Validity Study. *Journal of Applied Security Research*, Vol. 3, pp. 325—350.

Дата поступления статьи: 17.02.2016

For citations: Morumbasi K., Amuhaya C. A networks analysis of terrorism in Africa: implications for Kenya. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 265—273.

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ТЕРРОРИЗМА В АФРИКЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КЕНИИ

К. Морумбаси

Технический университет Кении, Найроби, Кения

К. Амухайя

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В статье освещаются проблемы, с которыми сталкивается международное сообщество в борьбе с терроризмом, а также необходимость изменения тактики для более эффективного противодействия. Терроризм может принимать различные формы и совершается как государ-

ственными, так и негосударственными субъектами. В данном исследовании рассматривается сетевая структура терроризма и террористических групп. В современной обстановке террористические организации действуют транснационально, следовательно, актуально использование термина «терроризм без границ». Стимулирующим фактором распространения терроризма является его сетевая структура, которая дает возможность быстрой экспансии и предотвращения несанкционированного проникновения. Сетевая структура также особо касается Африки, где глобальные террористические сети, такие как Аль-Каида и т. наз. Исламское государство, соперничают за влияние. Боко Харам в Западной Африке является филиалом Исламского государства, и это обеспечивает возможные связи с ИГ в Ливии. Боко Харам рассматривается себя в качестве западной провинции ИГ. На Синайском полуострове также были зафиксированы всплески террористических нападений, совершенных так называемой провинцией Синай, которая рассматривает себя в качестве провинции Исламского государства. Это говорит о сложной сетевой структуре террористических сетей в Африке и растущей угрозе воинствующего ислама. Особый акцент в статье посвящен анализу террористической угрозы в Кении.

Ключевые слова: терроризм, война, сетевой анализ, радикализация

Для цитирования: *Морумбаси К., Амухайя К.* Сетевой анализ терроризма в Африке: последствия для Кении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 265—273.

© Morumbasi K., Amuhaya C., 2016

BOKO HARAM: A NEW PARADIGM TO WEST AFRICA SECURITY CHALLENGES

S.A. Bokeriya, D.O. Omo-Ogbebor

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Since 2010 Boko Haram uprising, it has transformed into a powerful regional terrorist group whose terrorist act of bombing and kidnapping had attracted the world attention. Rapidly Boko Haram has become the second most dreaded terrorist group in the world after Islamic States (ISIS) in Iraq and Syria. The group's tactics shifted and diversified from attacks on government installations to more damning quest through bombings, robberies, kidnappings, assaults on churches and mainstream Muslim targets, leading to occupation of villages and towns, indicating greater confidence and capacity to form a territory within the territory of Nigeria and declare an "Islamic Caliphate" in Nigeria which is their utmost objective.

This article reviews the activities of Boko Haram Islamic Militant terror group operating in the northern region of Nigeria, the result of its frequent attacks in the region, governance and economic activities had been brought to a halt. This article also analyses the roles played by international community and the efforts of the Nigeria government in resolving the crisis. The article further points out the continuous attacks of Boko Haram if unchecked its will threaten the relatively peace and security in the West Africa region.

Key words: Terrorist, Islamist, Boko Haram, Religious, Radical, International, Summit, Security, Peace

INTRODUCTION

Nigeria is the most populous country of the African continent with estimated population of 180 million people and one of the largest too in terms of land mass, is currently under threat of disintegration and loss of statehood. Meanwhile, even as recently as early 2014, the country ranked first in Africa's GDP growth, ahead of a successful South Africa. It would seem that the natural resources and geographic location (access to the Atlantic Ocean) could make Nigeria a leading country of the continent.

However, the high level of corruption, weakly developed industry and infrastructure, ethnic and religious confrontation, and as a consequence — the centrifugal tendencies, in contrast, is gradually turning republic in to "realm of chaos". And this is clearly the main component of "controlled chaos" was the main problem today in Nigeria — the proliferation and spread of the influence of radical group "Boko Haram".

The declaration of Boko Haram as a foreign terrorist group in the heart of Sub-Saharan Africa in 2013, by US Home Land Security drew the attention of world's leaders, though the activities of the group started long before now in Nigeria, but has operated underground. However, attained international status because its activities went on unchecked, spreading to other neighboring countries i.e. Chad, Cameroun, Niger, Benin and Mali, this development has endangered the relatively peace and security situation in the West Africa region.

The extensive threat of Boko Haram in the West Africa region resulting from the vicious and consistent attacks in villages, towns, cities and governmental institutions had brought economy activities in areas affected to a halt and insecure for inhabitants to go about their normal daily activities. Boko Haram has grown from extreme rag-tag religious group to full-fledged regional terrorist group with allegiance to Islamic States in Iraq and Syria (ISIS) thereby undermining the security in the Sub-region. The subject, objectives, goals and literature review are stated for easy understanding, comprehension and clarity.

The purpose and subject matter of this research article is to point out and review the activities of Boko Haram terrorist group and how it constitutes a modern security threat to West Africa region, also to examine the efforts and role played by Nigeria, Chad, Cameroon, Niger, Mali and the international community to confront this security challenges pose by Boko Haram. The scope of this article is restricted to activities of Boko Haram within Nigeria and West Africa axis. The relevance of this research article is the entirety of the work based on the in-depth analysis carried out in curbing the menace of terrorist group.

The literature reviews are works of experts, writers and international analysts on security, terrorism, and international relations, the data and information gathered formed the opinion and general conclusion of the researcher. According to Africa Centre for Strategic studies (2012), Boko Haram, a mainly local group in Nigeria, has become the second most dreaded terrorist group in the world after Islamic States (ISIS) in Iraq and Syria, the foremost players on the terror-front in the West African region [Pham 2012]. This assertion was buttressed as a result of the deadly attacks in Nigeria and thereby countries.

In the view of US Home Land Security Brief in 2014, through the US Secretary of State, John Kerry issued a press statement to denounce the activities of the sect, unspeakable violence and acts of terror like the ones committed by Boko Haram last week in northern region of Nigeria are horrific, wrong, and have no place in our world¹.

However, Council for Foreign Relations (2015) declared Boko Haram terrorist group as an armed revolt against government corruption, abusive security forces, and widening regional economic disparity. Though, as the council rightly pointed out, these are indicators for revolt in any society, not the case in this situation because Boko Haram lacks ideological base².

African Security Review (2010), a monthly Scientific Journal, viewed Boko Haram terrorist group as a militant sect whose ideology cannot be understood, in view of the social, religious, economic, and political setting of northern Nigeria. While murky, some

¹ Johnson B. White House Designates al-Qaeda-Linked Boko Haram as a Terrorist Group, USA, PJ Media, November 13, 2013. Available at: <http://pjmedia.com/tatler/2013/11/13/white-house-designates-al-qaeda-linked-boko-haram-as-a-terrorist-group> (date of access: 15.05.2015).

² Akinola W. Boko Haram is world leader in fatalities, Lagos, Vanguard News Publication, June 21, 2015. Available at: <http://www.vanguardngr.com/2015/06/boko-haram-is-world-leader-in-fatalities-us-report/#sthash.yrcjImyR.dpuf> (date of access: 21.06.2015).

accounts link the group's origins back to the "Maitatsine uprisings of the early 1980s¹. Political analyst agreed that societal degradation played a major role in the insurgent uprising.

БОКО ХАРАМ IN PERSPECTIVE

The declaration of Boko Haram as a terrorist group has added a new paradigm to Nigeria security challenges in particular, and West Africa region in general, like most insurgent groups in Nigeria, emerged from a background of an age-old conflict, which can be described as a conflict between different identities in the country. The movement for ethnic identity often leads to international conflict. The point that a country has numerous ethnic or religious groups does not make conflict unavoidable. "Boko Haram", which in the local Hausa language means "Western education is forbidden", officially calls itself "Jama'atul Alhul Sunnah Lidda'wati wal Jihad", which means "people committed to the propagation of the Prophet's teachings and jihad" [Freedom C. Onuoha 2010].

Although the backgrounds of Boko Haram are sketchy, the beginning of the militant sect cannot be understood without mention to the social, religious, economic, and political setting of northern Nigeria. While murky, some accounts link the group's origins back to the "Maitatsine uprisings of the early 1980s, which left thousands dead and cut a path of destruction across five northern Nigerian states"². The group was founded in the mid-1990s as a religious study group, Boko Haram did not begin to transform into the insurgent group it is today until a young and charismatic Nigerian civil service employee named Mohammed Yusuf assumed control. Calling themselves the Nigerian Taliban, Boko Haram adopted a "live-off-the land" lifestyle and established a camp in a remote area of northeast Nigeria, which the group dubbed "Afghanistan"³.

From 2002—2009, Boko Haram engaged in low-level conflict with local police forces and non-compliant villagers. In 2009, a crackdown on Boko Haram members from Nigerian police forces in Borno state erupted into fighting. On July 26, 2009, sect members launched an attack against a police station in Bauchi state, resulting in the death of 39 Boko Haram members, two police officers, and one soldier [Pham 2011]. This ignited a five day stand-off between Boko Haram and security personnel that saw violent attacks and battles spread across four northern Nigerian states: Bauchi, Kano, and Yobe, climaxing in a final battle in the city of Maiduguri in Borno state.

On July 30, 2009, the battle of Maiduguri ended when Nigerian security forces captured and killed Boko Haram's leader, Mohammed Yusuf, in what human rights groups have deemed an extrajudicial killing. Yusuf's execution was videotaped by soldiers and later broadcasted on television. In total, nearly 700 people were killed in the upris-

¹ Boyle. J. Nigeria's 'Taliban' Enigma". London, BBC News, July 31, 2009, Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/8172270.stm> (date of access: 15.05.2015).

² Ibid.

³ Basile J. Al Qaida Makes Move on Troubled Nigeria, USA, United Press International (UPI), June 17, 2010, Available at: http://www.upi.com/Top_News/Special/2010/06/17/Al-Qaida-makes-a-move-on-troubled-Nigeria/79021276792262 (date of access: 15.05.2015).

ing”¹. The death of Yusuf marked a turning point for the Boko Haram. It was forced underground and many of its leaders reportedly fled to other parts of Nigeria, including Bauchi state, as well as neighboring countries.

THE UPRISING SINCE 2010

Since the Boko Haram uprising in 2010, after the extra-judicial killing of the group’s leader, Mohammed Yusuf, which prompted the group to regroup after a year of undergoing dangerous transformation, under the new leadership of Abubakar Shekau with a more militant agenda and brutal tactics. The dreaded terrorist group has killed more 20,000 people and caused serious refugees crisis in the region, Nigeria is the worst affected, with more than 2 million Internally Displaced Persons (IDPs) living in Nigeria while thousands of others are living across the borders between Nigeria and its neighbors, Chad, Niger and Cameroon. This became apparent as a result of frequent suicidal bombing, kidnapping and killing by the terrorist group, made the people to flee their villages, towns and city to other safer place.

Though, the rate of bombing and killing are subsiding due to well-coordinated military response from Nigeria troops and multi nationals joint military task force, but in the height of Boko Haram vicious attacks in the northeast of Nigeria, Borno State became a de facto war zone, and were able to carried out attacks on governmental structures and taking over military installations i.e. military barracks, military armory and military armor vehicles, this led to the admission that “Boko Haram’s attacks are occurring at their greatest frequency since the sect emerged from hiding in 2010. The sophistication of its tactics, use of the Internet, and its attack on the U.N. headquarters in Abuja, and the Kidnapping in April, 2014 of over 200 school girls all point to a dangerously evolving organization”².

The group’s tactics shifted and diversified from attacks on government installations to more damning quest through bombings, robberies, kidnappings, assaults on churches and mainstream Muslim targets, leading to occupation of villages and towns, indicating greater confidence and capacity to form a territory within the territory of Nigeria and declare an “Islamic Caliphate” in Nigeria which is their utmost objective. “In May 2013, the government declared a state of emergency in the northeastern states of Borno, Yobe and Adamawa. In its current phase since July, the insurgency has mimicked the tactics of ISIS in Iraq and Syria, declaring a local caliphate and shifting approach from guerrilla-style attacks to the conventional capture and consolidation of territory” [Aly, Johnson 2015].

Appraising the activities of Boko Haram since the beginning of the uprising in 2010 till date, the intensity of it attacked in Nigeria and its neighboring countries was alarming,

¹ Ekpei, P. Nigerian Islamists Vow ‘Fiercer’ Attacks, Accra, MC Modern Ghana-AFP, June 15, 2011, Available at: <http://www.modernghana.com/news/334668/1/nigerian-islamists-vow-fiercer-attacks.html> (date of access: 15.05.2015).

² Tattersall N., and Maclean W. Nigerian Sect Lead, March 20, 2015, Available at: http://us.when.com/vertical?q=nick%20tattersall&type=content&s_pt=source2&s_it=content&s_chn=15 (date of access: 15.05.2015).

Nigeria's police and army barracks, politicians, schools, markets, religious buildings, public institutions, and civilians were not spared. The heinous crime against humanity by the Islamic sect was noted by international observers, "Many people have been killed in Boko Haram-related violence, and 1.5 million have been displaced. Some experts view the group as an armed revolt against government corruption, abusive security forces, and widening regional economic disparity"¹.

In the height of frequent Boko Haram attacks in 2014, the US Secretary of State, John Kerry issued a press statement to denounce the activities of the sect, "unspeakable violence and acts of terror like the ones committed by Boko Haram last week in northern region of Nigeria are horrific, wrong, and have no place in our world. Last Saturday, a brazen attack on the village of Izge, Nigeria, near the border with Cameroon took the lives of more than one hundred innocent people. Not less than a week had passed before Boko mounted another attack in Bama, setting 1,500 buildings ablaze, killing more than 115 people and leaving many others injured. We support Nigerian authorities' efforts to investigate these cowardly acts and to bring the perpetrators to justice"².

The rising scale of attacks by Boko Haram is alarming giving serious concern to international observers and security experts around the globe. This is clearly the most deadly battle that Nigeria has confronted in decades. It is being fought on a scale that is comparable to serious civil strife in other parts of the world. The levels of casualties, internal displacement, social disruption and government failure are fomenting a widespread crisis, spilling over the borders of neighboring states such as Niger, Cameroon and Chad. The Boko Haram ranks first among the world's terror groups in terms of the number of fatalities in 2014 according to the US Department of State annual terrorism report for last year. "Although ISIS was responsible for the greatest amount of attacks last year, it was a close second to Boko Haram in number of fatalities"³.

In furtherance of its core objective of turning the Nigeria territory to an Islamic state, the Boko Haram terrorist group recently launched its own radio station in order to spread its Islamic and anti-government propaganda messages to the people. The establishment of an FM radio station has added a new dimension to their mode of operation. This confirmation was made known by Hausa service of the Voice of America. "Residents in Tolkomari, which is in the far northern part of Cameroon, have confirmed receiving broadcast messages from the sect via the radio station on 96.8 frequency modulation. The VoA report said the station broadcast mainly propaganda materials to counter

¹ Akinola W. Boko Haram is world leader in fatalities, Lagos, Vanguard News Publication, June 21, 2015, Available at: <http://www.vanguardngr.com/2015/06/boko-haram-is-world-leader-in-fatalities-us-report/#sthash.yrcjImyR.dpuf> (date of access: 21.06.2015).

² Recent Attacks by Boko Haram, Washington D.C., Press Statement by Secretary of State, February 23, 2014, Available at: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221930.htm> (date of access: 15.05.2015).

³ Akinola W. Boko Haram is world leader in fatalities, Lagos, Vanguard News Publication, June 21, 2015, Available at: <http://www.vanguardngr.com/2015/06/boko-haram-is-world-leader-in-fatalities-us-report/#sthash.yrcjImyR.dpuf> (date of access: 21.06.2015).

media reports of victories by troops from Nigeria, Chad, Cameroon and Niger Republic against the Boko Haram militants”¹. Though, frantic efforts by the Nigerian and Cameroonian governments are ongoing to stop its broadcast and commenced investigations towards locating the radio station, which is said to be on the Nigeria-Cameroon border.

BOKO HARAM INTERNATIONAL CONNECTIONS

Boko Haram, a local radical Islamist Militant group in the northern Muslims dominated part of Nigeria has metamorphosed into international terrorist group having link with already established terrorist groups in other regions in the world. “In the aftermath of the United Nations (UN) Headquarters 2011 bombing in Abuja, Nigeria. According to Ambassador Anthony Holmes, Deputy to the Commander for Civil Military Activities (DCMA) of United States Africa Command (AFRICOM), stated that “members of Boko Haram are being trained by Al Qaeda in the Lands of the Islamic Maghreb (AQIM). They are also believed to have ties to the Somalian militant group al Shabaab”². This assertion was in line with the increased sophistication of attacks executed by Boko Haram, have led to concerns from the U.S. Intelligence Community and other stakeholders of the view of Boko Haram ties with other terrorist groups outside the region.

In furtherance of the conviction of Boko Haram links with Al Qaeda in the Lands of the Islamic Maghreb (AQIM) and Somalian militant group al Shabaab, the US declared Boko Haram as a foreign terrorist group in 2013, in her descriptions of the situation, Assistant to the US President for Homeland Security and Counterterrorism Lisa Monaco said: “In the last several years, Boko Haram and Ansaru have been responsible for thousands of deaths in northeast and central Nigeria, including dozens of attacks on churches and mosques, targeted killings of civilians, and the 2011 suicide bombing of the United Nations building in Abuja that killed 21 people and injured dozens more”³. This designation of Boko Haram as a terror group by the United States was to create extra security alerts to the activities of the sect in order to closely monitor its dealing with other terrorist group.

In continuation of its core objectives of making Nigeria an Islamic State and turning the group to a global brand, Boko Haram pledges allegiance to Islamic States (IS) terrorist group which took control of large swathes of territory in eastern Syria and across northern and western Iraq last year. The IS group aims to establish a “caliphate”, a state ruled by a single political and religious leader according to Islamic law, or Sharia. Its

¹ Boko Haram Opens Radio Station, June, 2016, USA, Sahara Reporters. Available at: <http://saharareporters.com/2016/06/16/boko-haram-opens-radio-station> (date of access: 21.06.2015).

² Johnson B. White House Designates al-Qaeda-Linked Boko Haram as a Terrorist Group, USA, PJ Media, November 13, 2013, Available at: <http://pjmedia.com/tatler/2013/11/13/white-house-designates-al-qaeda-linked-boko-haram-as-a-terrorist-group> (date of access: 15.05.2015).

³ Muir J. Nigeria's Boko Haram pledges allegiance to Islamic State, London, BBC News, March 7, 2015, Available at: <http://www.bbc.com/news/world-africa-31784538> (date of access: 15.05.2015).

leader, Abu Bakr al-Baghdadi, is known to his followers as Caliph Ibrahim. In his declaration message of allegiance to the Caliphate, the Boko Haram leader Abubakar Shekau said: “We announce our allegiance to the caliph... and will hear and obey in times of difficulty and prosperity. We call on Muslims everywhere to pledge allegiance to the caliph”¹.

CONFRONTING BOKO HARAM

The battle against Boko Haram launched by the current government led by President Buhari is yielding positive result, having decimated the activities of Boko Haram, reclaiming back territories once occupied by the Boko Haram group, his political will and determination to confront the activities of Boko Haram had restored confident and moral back to the military to fight the insurgent Boko Haram terrorist group. Previously, before now, Nigeria government had spent billions of dollars in the fight against the terrorist group to stop it from operating from its territory with no positive result. Also, the government of Nigeria had participated in numerous peace summits in order to find a lastly solution to the Boko Haram crisis. One of such security summit was held in France in 2014 tagged Security Summit on Nigeria and Boko Haram, agreement was reached on an action plan to share intelligence and surveillance “that the sect is a threat to West and Central Africa and alleged that the group has links to other militants including al-Qaeda's North African arm and in order to find those young girls”² in the words of French President François Hollande, host of the summit.

The summit has led partnering countries to take stronger measures to eradicate the Boko Haram terrorist group of abducting nearly 300 girls in Nigeria. In his submission at the summit Cameroon President, Paul Biya said, “We're here to declare war on Boko Haram”³. The summit was part of moves by Nigeria government's attempts at securing assistance from the international community to rescue the girls and end the Boko Haram insurgency, with United States, UK, France and Israel offering a helping hand. In pursuance of supports in the fight against Boko Haram terrorist group, the newly elected President of Nigeria, President Muhamadu Buhari attended the recent 41st G7 summit in Germany to discuss the region security issue with the G7 leaders, who in turn pledged to assist Nigeria in its fight against the insurgent. Specifically the Canadian leader at the summit Prime Minister Stephen Harper said: “Like other G7 members, Canada is concerned about the emergence of ISIS-affiliated groups elsewhere in the Middle East, in Afghanistan, Pakistan and Africa, including Boko Haram in Nigeria”⁴.

¹ Ibid.

² Bridge C. France Hosts Summit on Boko Haram, Stream Africa News, May 18, 2014, Available at: <http://streamafrica.com/news/france-hosts-summit-boko-haram> (date of access: 15.05.2015).

³ Francis S. African States ‘Declare War’ on Boko Haram, Israel, Haaretz Daily Newspaper, May 18, 2014, Available at: <http://www.haaretz.com/news/world/1.591226> (date of access: 15.05.2015).

⁴ Agande B., Marie-Therese. Nigeria: Boko Haram — France, Canada, and Germany Promise to Support, Capetown, All Africa News, June 9, 2015, Available at: <http://allafrica.com/stories/201506090160.html> (date of access: 15.06.2015).

The Nigeria's Military Forces had carried out series of military operations against the Boko Haram, in a bid to step up its military operations against the insurgent, the Nigeria government relocated its Military Command Headquarters from the seat of power Abuja to Maiduguri, capital of Borno State, the epicenter of the insurgence. In addition to enhance the regional joint military operations against the Boko Haram, the Nigeria government recently held a regional security summit under the Lake Chad Basin Commission in June in Abuja with affected countries i.e. Chad, Niger, Cameroon and Benin, whereby the Nigeria government pledged financial support of One Hundred Million US Dollars to aid the operation of the Military Joint Task Force (MJTF) put in place to fight the threat of Boko Haram, "the meeting is aimed at reviewing the current security situation arising from the activities of Boko Haram across their common borders and to agree on the adoption of a draft resolution by the African Union and the United Nations Security Council for establishment of an appropriate legal framework for cross border military operations against Boko Haram insurgency in the region"¹. Terrorism continues to pose a serious threat to peace and Security in Africa. It is one of stimulating factors of destabilization, increasingly in conflict situations. To solve various challenges associated with the activities of terroristic groups, strong measures in all directions to respond are needed: from the activation of the development process to ensure good governance and the rule of law, as well as the promotion of human rights to addressing the conditions conducive to terrorism.

In demonstration of its seriousness attached in the fight against terrorist groups in Africa by the US government, the US Assistant Secretary, Bureau of African Affairs, Linda Thomas-Greenfield, announced at news briefing at the African Union Summit in June, 2015, "We are having discussions with President Buhari on how we might bolster our support. We have already been working with them and providing information. We are providing some training and support and we'll love to work with the new administration to see how we might increase the level of support to Nigeria". She further stresses the financial commitment of the US government towards the fight against Boko Haram. "At the same time, we've just announced at the venue of the AU, five million dollars contribution to the Multinational Joint Task Force. We are also providing some equipment and support and we have a number of meetings with the countries who are members of the Multinational Joint Task Force to look at other areas we might support"².

In May 2014 the United States deployed a small group of military advisers to help find the kidnapped girls, and France sent soldiers to Niger to help coordinate military action in February 2015. The African Union authorized a joint force of 7,500 from Nigeria, Benin, Cameroon, Chad, and Niger to fight Boko Haram. The United Nations Or-

¹ Iluyemi V. Boko Haram: Nigeria, Cameroon, Niger, Benin, Chad meet on cross border operations, World Stage News, October 12, 2014, Available at: <http://worldstagegroup.com/index.php?active=news&newscid=18272&catid=3> (date of access: 15.05.2015).

² Mefor Ch., Ejike E. Insurgency: US Donates N985bn to MNJ, Nigeria, Leadership Newspaper, June 6, 2015, Available at: <http://leadership.ng/chibokgirls/440718/insurgency-usdonates-n985bn-to-mnjtf> (date of access: 15.06.2015).

ganization provides assistance in connection with all the four components of the Global Counter-Terrorism Strategy. The UN provided necessary measures to address the conditions conducive to the spread of terrorism, to prevent terrorism and counter-terrorism; strengthening state capacity to prevent terrorism and fight it and strengthen the role of the United Nations in this regard; and ensuring respect for human rights and the rule of law in the fight against terrorism. Agencies, funds and programs of the United Nations also provide technical and other assistance to implement the provisions of the various resolutions of the General Assembly and Security Council resolutions on counter-terrorism.

CONCLUSION

In conclusion, the motivations and strategic objectives of Boko Haram remain unclear, the increasing sophistication of the group's attacks and the acceleration in its lethality underline the importance of a strong, coherent response and the consequences of Nigeria's failure to mount such a response. The attack of Boko Haram continues to be unabated thereby creating other area of security concerns i.e. refugee's problem, economic crisis, and disease epidemic. Boko Haram, as it is understood, is a very small group of individuals who simply consider themselves to be the followers of their slain leader Mohammed Yusuf.

Despite our lack of understanding of Boko Haram, the movement appears to have significant sympathy among many Nigerian Muslims. Coupled with the grievances that plague the north, the environment is ripe for recruitment. Recent evidence alludes to the sect's potential desire to join the ranks of international jihadist organizations. American, Nigerian, other African, and European officials have all expressed concern over the sect's communication with AQIM and al Shabaab. An alliance, or at the very least cooperation between the groups, can prove costly for the stability of Africa, the Sahel, and American interests.

The coming on board of a new president in Nigeria and his vigor and determination to end the reign of terror unleashed by Boko Haram that has gone unabated as part of his campaign promises and in his inaugural speech. The Military Joint Task Forces (MJTF) put in place by the regional leaders to provide security and protect the lives and property of the people of north-eastern-central Nigeria and the sub region will go along to rebuild the regions, relocate the internally displaced persons back to their homes and restore normalcy to the affected states and countries.

It's not excluded, that "NGOs, which play the role of actors in public diplomacy and have a direct impact on the foreign policy process", could help to prevent the increasing group attacks and stabilize the situation in Nigeria [Bokerija 2013].

REFERENCES

Aly Sergie M., Johnson T., 2015. Boko Haram. USA, Council for Foreign Relations. Available at: <http://www.cfr.org/nigeria/boko-haram/p25739> (date of access: 15.05.2015).

Bokerija S.A., 2013. Nepravitel'stvennyye organizacii (NPO): osobennosti funkcionirovanija i razvitija v RF. [Non-governmental Organizations (NGOs): Peculiarities of Functioning and Development in the Russian Federation]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*, no. 2, pp. 33—44.

Freedom C. Onuoha, 2010. The Islamist Challenge: Nigeria's Boko Haram Crisis Explained. *African Security Review*, Lagos, Vol. 19, no. 1, Available at: http://www.academia.edu/606822/The_Islamist_challenge_Nigerias_Boko_Haram_crisis_explained (date of access: 15.05.2015).

Pham P. J, 2011. Foreign Influences and Shifting Horizons. *Science Direct Journal*, Vol. 55, Iss. 2, Available at: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S_003_0438711000068 (date of access: 15.05.2015).

Pham P., 2012. *Boko Haram's Evolving Threat*. The Africa Centre for Strategic Studies, Dakar, no. 20, Available at: http://africacenter.org/wpcontent/uploads/2012/04/AfricaBriefFinal_20.pdf (date of access: 15.05.2015).

Дата поступления статьи: 11.10.2015

For citations: Bokeriya S.A., Omo-Ogbebor D.O. Boko Haram: a new paradigm to West Africa security challenges. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 274—284.

БОКО ХАРАМ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ

С.А. Бокерия, Д.О. Обо-Огбебор

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Начиная с 2010 г. Бoko Харам превратился в мощную региональную террористическую группу, чьи террористические акты и похищение людей вызывают озабоченность во всем мире. Бoko Харам очень быстро стала второй самой страшной террористической группировкой в мире после т.н. Исламского государства (ИГИЛ). Тактика группы эволюционирует — от нападений на правительственные объекты она перешла к более смертоносным взрывам, грабежам, похищениям, нападениям на церкви и жилую инфраструктуру, что привело к оккупации деревень и городов. Все это свидетельствует о стремлении группы взять под контроль часть территории Нигерии, на которой объявить «исламский халифат».

В данной статье рассматривается деятельность террористической группировки Бoko Харам, действующей в северном регионе Нигерии. В результате частых нападений в регионе государственное управление и хозяйственная деятельность там практически парализованы. Авторы также анализируют роль, которую играют международное сообщество и усилия правительства Нигерии по разрешению кризиса.

Авторы в своем исследовании приходят к выводу, что в случае, если не прекратить непрерывные атаки Бoko Харам, то дальнейшее ее распространение может угрожать миру и безопасности во всем регионе Западной Африки.

Ключевые слова: террорист, исламизм, Бoko Харам, религия, радикализм, саммиты, безопасность, мир

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бокерия С.А. Неправительственные организации (НПО): особенности функционирования и развития в РФ // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 2. С. 33—44.

Aly Sergie M., Johnson T. Boko Haram. USA, Council for Foreign Relations. 2015 Available at: <http://www.cfr.org/nigeria/boko-haram/p25739> (date of access: 15.05.2015).

Freedom C. Onuoha The Islamist Challenge: Nigeria's Boko Haram Crisis Explained. African Security Review. Lagos. 2010. Vol. 19. № 1. Available at: http://www.academia.edu/606822/The_Islamist_challenge_Nigerias_Boko_Haram_crisis_explained (date of access: 15.05.2015).

Pham P.J. Foreign Influences and Shifting Horizons. Science Direct Journal. 2011. Vol. 55. Iss. 2. Available at: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S_003_0438711000068 (date of access: 15.05.2015).

Pham P. Boko Haram's Evolving Threat. The Africa Centre for Strategic Studies. Dakar. 2012. № 20. Available at: http://africacenter.org/wpcontent/uploads/2012/04/AfricaBriefFinal_20.pdf (date of access: 15.05.2015).

Для цитирования: Бокерия С.А., Омо-Огбебор Д.О. Боко Харам: новая парадигма угрозы безопасности в Западной Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 274—284.

© Bokeriya S.A., Omo-Ogbebor D.O., 2015

SOFT POWER AS A MEANS OF FIGHTING INTERNATIONAL TERRORISM: A CASE STUDY OF NIGERIA'S "BOKO HARAM"

I.A. Bakare

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

The recent rise in global terrorism is alarming, but it also reaffirms the failure of our purely hard military approach to counter the phenomenon. This paper analyzes soft power as a means to combating terrorism, with the role of education, religion and international cooperation. The case of Boko Haram, the militant Islamist group operating in Northern Nigeria, is analyzed. This group has been attracting increasing levels of attention. The group is becoming ever more daring and violent. It is unlikely that Boko Haram will be defeated totally through military means. "Soft Power" will play a crucial role in our ability to attract the moderates and deny the extremists new recruits. Islamic education is viewed as a key instrument of these "soft power" counter-terrorism strategy. Islamic education refers to the totality of the upbringing of an individual within the content and context of Islam. The Almajiri system of education in Nigeria is analyzed in the article. Besides education, international cooperation is analyzed with the special focus on Moroccan experience of learning of Sunni Maliki jurisprudence and Achaari theology. The author underlines that many African countries requested Morocco to share its experiences in the education of Imams and signed several cooperation agreements.

Key words: Soft power, terrorism, religion, Islamic education, Boko Haram, Nigeria

INTRODUCTION

The recent rise of international terrorism (Boko Haram) is alarming, but it also reaffirms the failure of our purely hard military approach to counter the phenomenon. The United States Department of Defense saw terrorism as "the calculated use of unlawful violence or threat of unlawful violence to inculcate fear; intended to coerce or intimidate governments or society in the pursuit of goals that are generally political, religious or ideological" [Owolade 2013]. Boko Haram activities in Nigeria fits into this definition of terrorism [Omoluwa Olusegun 2014]. From 2011 to 2014 series of deadly attacks were carried out by Boko Haram. And preliminary data from 2015 suggest that the unusual frequency of mass casualty of terrorist attacks in 2014 has continued. Between January and June 2015 there were 11 occasions in which terrorist attacks killed more than 100 people in a single country on a single day, e.g. Nigeria [Start 2015].

Boko Haram activities are multinational in nature as they extend to Cameroon, Niger, and Chad. The phenomenon has recently assumed a new and cruel phase of brutality, decapitations, assassinations, kidnapping, suicide operations, and even burning the "enemy" alive have all become the landmark of a gruesome thought that adopts extreme brutality and violence as a tactic.

Several analysts have advanced the view that poverty, longstanding economic disparities within Nigeria [Adesoji 2010], lack of education and structural violence [Walker 2012]¹, are key factors underlying the crisis [Akinola Olojo 2013]. The US Institute

³ Anayika Chopra Structural Violence. Available at: https://www.academia.edu/3615773/Structural_Violence?auto=download (date of access: 02.02.2016).

of Peace in her 2014 report stated that the above factor proved one of the critical reasons behind young people joining Boko Haram. A lack of education not only hinders a country's youth in pursuing a successful career path, but it also makes young people more inclined to radicalisation [Kruglova 2015]. Usable economic knowledge will economically engage youths, and thus provide alternative endeavours to terrorism [Omoluwa Olu-segun 2014].

There is no military solution to terrorism¹. As David Miliband, a former British Foreign Minister said, "the war on terror was wrong", and it brought "more harm than good". It has also undermined the search for alternative, more successful approaches to countering violent extremism by giving the impression that only a military solution exists to counter violent extremism². Hence, Soft Power as a means to fight International Terrorism through education and other means is also addressed in this paper.

BRIEF HISTORY OF BOKO HARAM IN NIGERIA

The sect that became known as Boko Haram was founded by Mohammed Yusuf, whose thinking was heavily influenced by Wahhabi theology³ in 2002 in Maiduguri, the capital of the north-eastern state of Borno. He established a religious complex and school that attracted poor Muslim families from across Nigeria and neighboring countries. Yusuf attracted followers from unemployed youths by denouncing the police and state corruption [Sergie, Johnson 2011]⁴. It has been speculated that the reason Boko Haram was founded by Yusuf appears to be that he saw an opportunity to exploit public outrage at government corruption by linking it to Western influence in governance [Owolade 2014] and warnings fell on deaf ear [Cook 2011]⁵. Stephen Davis, a former Anglican clergyman blames local Nigerian politicians who support local bandits like Boko Haram in order for them to make life difficult for their political opponents⁶.

¹ Moroccan soft power in the fight against radicalization. JTW Interview with Hassan Amillat by Büşra Nur Özgüler & Mehmet Hecan, 2015. Available at: <http://www.turkishweekly.net/2015/09/14/news/moroccan-soft-power-in-the-fight-against-radicalization> (date of access: 10.03.2016).

² Hamed El-Said In defence of soft power: why a "war" on terror will never win. Available at: <http://www.newstatesman.com/politics/2015/02/defence-soft-power-why-war-terror-will-never-win> (date of access: 02.02.2016).

³ Ford J. How a fanatical militant group grew to terrorize Africa's most-populated country, 2014. Available at: <http://nationalinterest.org/feature/the-origins-boko-haram-10609?page=show> (date of access: 02.02.2016).

⁴ Chothia F. Who are Nigeria's Boko Haram Islamists? BBC News. Retrieved January 2016. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-africa-13809501> (date of access: 10.05.2016); Whose faith, whose girls? *The Economist*. Available at: <http://www.economist.com/blogs/erasmus/2014/05/islam-west-and-nigeria> (date of access: 10.05.2016).

⁵ Nigeria accused of ignoring sect warnings before wave of killings. *The Guardian*, August 2, 2009. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2009/aug/02/nigeria-boko-haram-islamist-sect> (date of access: 13.05.2016).

⁶ Lamb Ch. A fight for the soul of the world. Sunday Times. Available at: <http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/public/magazine/article1680538.ece> (date of access: 13.05.2016).

Boko Haram emergence is a direct result of rising fundamentalism in the country. The threat it poses to the region today has existed for long. Unfortunately, it has taken the alleged connection with al-Qaeda¹ and the kidnapping of nearly 300 schoolgirls to get outsiders to take notice².

SOFT POWER AS A MEANS OF FIGHTING INTERNATIONAL TERRORISM

Soft power lies in the ability to attract and persuade rather than coerce. Soft power is about influence, example, credibility, and reputation. Hard power, the ability to coerce, grows out of a country's military and economic might³. Soft power arises from the attractiveness of a country's culture, political ideals, and policies [Nye 2004].

On terrorism Harvard Kennedy School Professor Joseph Nye in an interview on "Bloomberg Surveillance, defined Soft Power as the ability to attract and persuade revolutionary group and to prevent them from recruiting. One might ask what factors would make the Nigerian government want to pursue a policy of soft power, and what elements will constitute its soft power strategy. The answers are based on an analysis of the Nigerian environment. Such an examination requires a thorough look at what effects other factors such as Islamic education, religion and the role of international cooperation has to play in the fight against terrorism [Abdulahdi Alshehri 2010]. Power in counter-terrorism is either hard power or the soft power. But prioritizing them depends on the terrorism situation and a government's available capability [Abdulahdi Alshehri 2010: 16].

The strategy of the soft power approach should be composed of ends, ways and means. It may exist in many ways and means; such as rehabilitation programs [Kruglova 2015], financial aid, educational reform, and public information Campaigns. This strategy to be used can be in dimensions: short term and long term. The short term example is strategic communication, including discourse and the media, while the example of the long term is educational reform and the international cooperation [Abdulahdi Alshehri 2010].

The area of education should be with full participation of the Nigerian government, religious institutions, the private sector, and civil society groups in promoting peace education including reorientation programs, which should be integrated in the educational curriculum of schools, and the international collaboration for educational purpose of the imams. And the government partnering with Nigeria's film industry to produce movies and support radio and television programs in the three major languages (Hausa/Fulani, Igbo, and Yoruba) designed to specifically counter narratives and messages promoting youth radicalization [Freedom C. Onuoha 2014].

¹ Nigeria: Borno State Residents Not Yet Recovered From Boko Haram Violence. Wikileaks. Available at: https://www.wikileaks.org/plusd/cables/09ABUJA2014_a.html (date of access: 13.05.2016)

² Ford J. How a fanatical militant group grew to terrorize Africa's most-populated country, 2014. Available at: <http://nationalinterest.org/feature/the-origins-boko-haram-10609?page=show>. (date of access: 02.02.2016)

³ U.S. Terror Strategy: Hard and Soft Power. CBS NEWS, May 11th, 2014. Available at: <http://www.cbsnews.com/news/us-terror-strategy-hard-and-soft-power> (date of access: 02.02.2016).

THE ROLE OF RELIGION

Religion as a factor plays a defining role in the fault and features line of the Nigerian state, these has played a major role in underlining sectarian consciousness, tensions and radicalization [Alao 2010: 12]. More significantly, nearly every decade of Nigeria's contemporary history is replete with violence and conflicts that have religious undertones.

Religion in some cases thus appears to be the language of politics exploited by both state and non-state actors towards [Akinola Olojo 2013] a political or religious end that are essentially parochial.

However, in the assertion of Jeffrey Seul [Seul 1999] about the role of religion he posits that "religion is not the cause of 'religious conflict'". The aforementioned occurs and has a major impact in the Nigerian Boko Haram case: while religion is essentially a force for good, Boko Haram employs it as a machination to express high levels of negativity. It has thus been stage-managed by the group as an instrument for stereotyping and demonizing opponents, such that exhortations to violence in northern Nigeria have acquired great potency once framed in religious terms [Akinola Olojo 2013].

ISLAMIC EDUCATION IN NIGERIA

Education is viewed as a process by which individuals are assisted formally through proper direction and guidance to develop their capacities for their own benefit and that of the society. The quality of Education of a nation determines the quality of the people and the quality of the people determines the development level of the nation [Olugbeko, Odunayo, Asagha, Nkoro 2014].

The importance of education is repeatedly emphasized in the Koran with frequent injunctions, such as "God will exalt those of you who believe and those who have knowledge to high degrees" (58:11), "O my Lord! Increase me in knowledge" (20:114), and "As God has taught him, so let him write" (2:282). Such verses provide a forceful stimulus for the Islamic community to strive for education and learning [Cook].

Therefore, long term strategy of "Soft Power" involving socio-economic¹ [Adebawale 2015] and education reforms is essential if the government is hoping to win over the population of northern Nigeria, and correct the legacy of state neglect of the Northern region [Iro Aghedo, Oarhe Osumah 2012]. Improper education and misrepresentation in ideology and transfer of twister tenet of Islamic knowledge and education has led to radicalizing, which is the breeding ground for terrorism in Nigeria and whereas the Nigerian government needs to make a genuine effort to address inequality, retraining of religious leaders. Families can also play an essential role through education in tackling radical efforts by Boko Haram leaders [Hauschildt, Malik 2014]. Hence the need for Government and society to address causes rather than symptoms of terrorism in Nigeria.

Islamic education is not confined to ensuring the practice of the five pillars of Islam. The pillars only constitute the *Ibadah* aspect of the religion. Islamic education includes

¹ 40 Million Nigerian Youths Unemployed — NECA. Available at: http://www.nigeria70.com/nigerian_news_paper/40_million_nigerian_youths_unemployed_neca/717746 (date of access: 15.05.2016).

the doctrine and pragmatic set-up, which emanate from and premised on the ideological framework [Ajidagba 1998].

In Nigeria today, there are some people who adopt a confused approach to defining Islamic education. These people deliberately refer to Islamic education as being synonymous with Islamic studies, which is just a subject in the Nigerian western-oriented educational system". The basic discernible difference is that Islamic studies is an academic subject offered in a formal school setting, whereas, Islamic education refers to the totality of the upbringing of an individual within the content and context of Islam [Hauschildt, Malik 2014], [Kazeem, Balogun 2013].

The Holy Prophet Mohammed was reported to have said that, if Allah wants to do good to a person, he makes him to understand the religion [Kazeem, Balogun 2013]. Therefore, there is no pretense or cover-up about the objective of Islamic education¹.

A research carried out by Omoluwa Olusegun shows that "most Almajiris did not appreciate living outside their parents' home. The findings of the study also reveal that most Almajiris lacked natural affection 74% of them disagreed that they have feeling for family ties and affection for their parents. This corroborated the position expressed by Kumolu (2010) cited in Omoluwa (2014) that children were forced by their parents to leave home for the Almajirihood. 66% of the respondents agreed that they would have preferred to be raised by their parent [Omoluwa Olusegun 2014].

In the same vein the research shows that, 85% of Almajiris aspires for economic prosperity as they desired economic freedom. This buttress the position of Aljharem (2010) that most of them desire to become great men in the future, but that their poverty status inhibits their ability to achieve their aims. While 76% of the respondents agreed that monetary inducement (due to their poverty status) could make them join violent groups. As 92% of them agreed that, they scavenge for survival, and 67% agreed that the Almajiris were vulnerable to joining terrorist organizations. The position of Idris (2013) and Gabriel (2013) cited in Omoluwa (2014) that the Almajiris were vulnerable for recruitment into terrorist organizations was confirmed [Omoluwa Olusegun 2014].

The same research also pointed out that, the Aljamiris overwhelmingly supported Islamic system of education, 92% of the respondents agreed that they prefer Islamic education. In contrast, 48% of them agreed with the Boko Haram ideology that Western Education is evil. This showed that this category of street kid can easily be conscripted to carry out terrorist activities against educational institutions and Christian places of worship. This is in agreement with the report of Farouk (2014) cited in Omoluwa (2014) that the Boko Haram terrorists recruit the vulnerable youths, promote their ideology that western education is evil and corruptive. Alechenu (2013) reported that these vulnerable kids were offered N5000 (about \$20) to burn educational institutions, and to spy on soldiers. 86% of the kids agreed to learn trade/vocations, while 98% want to be prosperous and 79% of them did not want to scavenge for food and clothing or survival [Omoluwa Olusegun 2014].

¹ Sakariyau Alabi Aliyu. Transmission of Learning in Ilorin: A History of Islamic Education 1897—2012. Available at: <https://ies.hypotheses.org/252> (date of access: 15.05.2016).

From the aforementioned we can see the lack of natural affection and aspiration for economic prosperity [Hoechner 2015] as they desired economic freedom, monetary inducement etc. which supports the claims that the persons being recruited for radical activities are vulnerable to inducements of various forms.

EDUCATIONAL CURRICULUM IN NIGERIA

Educational development in Nigeria is guided by the National Policy on Education, which provides for both formal and non-formal education. The formal system prescribes enrollment in primary school at the age of six years and stipulates a 6-3-3-4 structure offering six years of primary, three years of junior secondary, three years of senior secondary and four years of higher education [Adamu 2010]. The structure of system as it operates in 2008 is presented in Fig. 1.

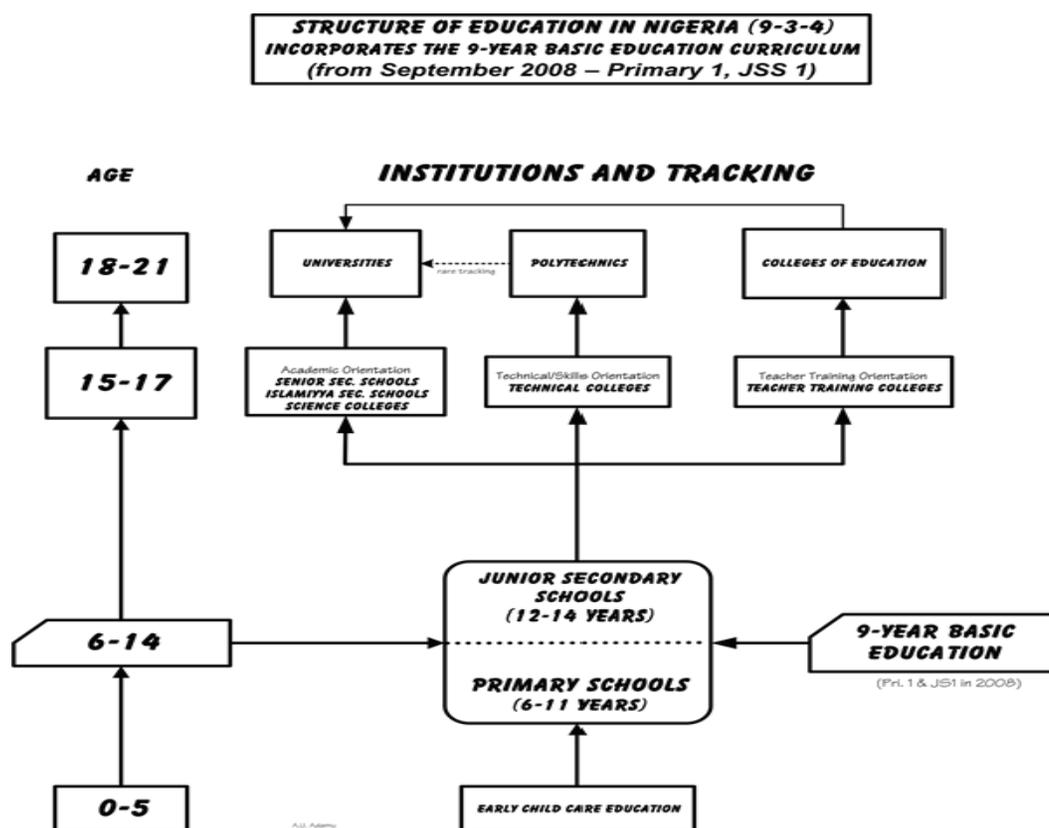

Figure 1. Schematic presentation of Nigeria's education system [Adamu 2010]

Within this structure of formal education for children are included specific curricular provisions for Islamic religious education. The National Commission for Colleges of Education took over the task of preparing and regulating the syllabus for religious education at the Colleges of Education; while the National Universities Commission performed the same task for Universities [Adamu 2010].

The syllabus covers three sections as follows [Adamu 2010]:

1 Hidayah (Guidance): Section [A]: The Qur'an, Section [B]: The Hadith, Section [C]: Tahdhib (Moral Education)

2 Fiqh (Islamic Jurisprudence): Section [A]: Tawhid (Belief, Section [B]: Ibadah (Worship), Section [C]: Mu'amalat (Human Transactions) This includes Shari'ah, Marriage, Divorce, Custody of Children, Inheritance etc.

3 Tarikh (Historical Development of Islam): Section [A]: Sirah (The Life of the Prophet Muhammad) plus the leadership of the four, righteous Caliphs, Section [B]: The Spread of Islam to Western Africa, Section [C]: Contributions of Muslims to World Civilization.

INTERNATIONAL COOPERATION

Religious extremism is responsible for terrorist activities in Nigeria and in other parts of the world. States like the United States of America, China, Iraq, Libya, Egypt, Syria, Israel just to mention a few had suffered from terrorist attack. Thus no nation could ensure the safety of her citizens without collaboration with the international community [Omoluwa Olusegun 2014]. Hence, we will be using Morocco as a case for International Cooperation in respect to Nigeria.

Morocco has a special approach in the fight against terrorism which work to drain terrorist networks' resources and reduce all non-physical impetuses that might motivate young people to adopt the doctrines of terrorist violence. These efforts in the religious field have been held in high esteem in countries in North and West Africa, and several bilateral agreements have been concluded¹.

The Moroccan authorities arranged the occasion for Imams to learn Sunni Maliki jurisprudence and Achaari theology, and also promoted a program arranging literacy classes in mosques nationwide in order to raise the general educational levels of the her people².

There are African and European countries calling on Morocco to export its experience attained throughout its fight against terrorism. Among countries that have signed agreement with Morocco are Mali (September 2013) for the education of 500 Malian Imams, Tunisia, Libya, Guinea. Burkina Faso has also requested Morocco to share its experiences in the education of Imams, and consequently, several cooperation agreements have been concluded with these countries. In Senegal, similar terms of cooperation were also initiated with the religious authorities of Morocco. The inter-state cooperation through training programs of Imams was also mentioned when the Moroccan King visited Côte d'Ivoire in March 2013³.

¹ Moroccan soft power in the fight against radicalization. JTW Interview with Hassan Amillat by Büşra Nur Özgüler & Mehmet Hecan, 2015. Available at: <http://www.turkishweekly.net/2015/09/14/news/moroccan-soft-power-in-the-fight-against-radicalization> (date of access: 10.03.2016).

² Ibid.

³ Ibid.

The objective of this reform and cooperation is to prevent the youth from developing a false “sympathy” toward extremism; if Imams preach moderate Islam in all mosques, then the young will understand that the “sympathy” directed toward the Islam of extremists is wrong and that moderate Islam is the correct path.

RECOMMENDATION

High levels of illiteracy in Nigeria contribute to young people becoming more easily susceptible to manipulation and recruitment into extremist groups. Although the right to education is one of the basic rights of every Nigerian, access to this right is hardly attained. The issue of free and compulsory primary and secondary education in Nigeria should transcend mere statement to practical delivery of this basic entitlement to Nigeria’s children. The Federal Government program aimed at re-modelling the (Quranic) Almajiri educational system is a step in the right direction but needs further overhauling of the curriculum. To reinforce the recommendations above, it must inculcate the training, skills, and scientific knowledge to make children competitive in the modern economy. Local and state governments need to deliver quality and accessible education to more children in northern Nigeria through enhanced allocation to, and judicious use of funds in, the educational sector [Freedom C. Onuoha 2014].

The Nigerian government, religious institutions, the private sector, and civil society groups should invest more resources in promoting peace education, including reorientation programs that will inculcate the value of peaceful coexistence. Peace education will help youth better appreciate the value of peace, making it more difficult for extremists to use them to foment trouble. Peace education should be integrated in the educational curriculum of schools, from primary to tertiary education. Youth radicalization and insidious ideologies that underpin violent extremism also can be curbed through enlightenment programs delivered through radio, television, jingles, and group discussions. The Nigerian government, civil society groups, and the private sector could partner with Nigeria’s film industry to produce movies and support radio and television programs in the three major languages (Hausa/Fulani, Igbo, and Yoruba) designed to specifically counter narratives and messages promoting youth radicalization [Freedom C. Onuoha 2014].

Finally, the development of infrastructure and creating employment to reduce poverty, increase literacy, and re-engineer socio-economic change.

CONCLUSION

In conclusion, from the aforementioned, ignorance of true religious teachings is the most important condition for youth to acquire radical views of religion, often propagated by roaming, independent preachers [Freedom C. Onuoha 2014]. One should conclude that as a result of the successes achieved by Morocco, a nation once bedevilled by terrorist activities, which has facilitated and effected the training and retraining of Imams that preach moderate Islam in all mosques, and in turn has resulted in the successful prevention of the youth from developing a false “sympathy” toward extremism. It is therefore imperative to propose that the Nigerian government, as well as nations that are affected by this heinous terrorists acts of Boko Haram endeavor to look towards this

inter-state/international cooperation to enable government's attention and regulation on what the youth and the public receives.

Finally, Nigeria adopting a multidimensional approach towards counter-terrorism should go beyond the security perspective, to include "Soft Power" through Islamic Education, training and retraining of teachers and guided schools' curriculum, successful religious and spiritual strategy meant to promote a version of Islam that extols the values of tolerance, order, and moderation, as well as a socio-economic aspect aimed at ensuring inclusive development which places the individual at the heart of all concerns, that the end result is the approach to combating extremism and in implementing concrete preventive and proactive measures to halt International Terrorism in Nigeria.

Finally, the cyclic loop of recruitment of members to perpetuate the insurgency will not end unless government and private organizations rise to the challenge of reducing poverty, creating employment, developing infrastructure, and increasing literacy in the country, especially in the north where Boko Haram recruiters have access to the mass of jobless youth [Solomon Effiong Udounwa 2013]. The conscious attempt to effectively put to effect the operations and implementation of soft power within the elements of national power and International cooperation would speed the defeat of Boko Haram and return Nigeria to the path of peace and development.

REFERENCES

Abdulhadi Alshehri, 2010. *Soft Power As An Alternative To Hard Power In Counterterrorism In Saudi Arabia*. USAWC Strategy Research Project.

Adamu A.U., 2010. Islamic Education in African Countries — The Evolution of Non-Formal Al-Muhajirun Education in Northern Nigeria. *Islamic Education in African Countries*, Istanbul, Republic of Turkey.

Adebowale O.T., 2015. Youth unemployment and poverty in Nigeria. *International Journal of Sociology and Anthropology Research*, Vol. 1, no. 2, pp. 23—39.

Adesoji A., 2010. The Boko Haram Uprising and Islamic Revivalism in Nigeria. *Africa Spectrum* 45, no. 2, pp. 95—108.

Ajidagba U.A., 1998. An overview of Islamic education system in Nigeria. *Journal Of Curriculum And Instruction*, Vol. 5, no. 1—2, pp. 87—92.

Akinola Olojo, 2013. *Nigeria's Troubled North: Interrogating the Drivers of Public Support for Boko Haram*, ICCT Research Paper.

Alao A., 2010. *Islamic Radicalisation and Violence in Nigeria*. Available at: <http://www.ideaageconsulting.com/support-files/0-irnavin.pdf> (date of access: 15.04.2016).

Cook B.J. *Islam — History of Islamic Education, Aims and Objectives of Islamic Education*. Available at: <http://education.stateuniversity.com/pages/2133/Islam.html#ixzz4D3SRwtdq> (date of access: 15.04.2016).

Cook D. *The Rise of Boko Haram in Nigeria*. Combating Terrorism Centre. Available at: <https://www.ctc.usma.edu/posts/the-rise-of-boko-haram-in-nigeria> (date of access: 10.05.2016).

Hauschildt T., Malik H., 2014. The fight against Boko Haram: Why hard power alone will not suffice. *Human Rights and Conflict Resolution*, Iss. 2, no. 3.

Hoehner H., 2015. Porridge, piety and patience: young Qur'anic students' experiences of poverty in Kano, Nigeria. *Africa*, Vol. 85, Iss. 2, pp. 269—288, doi: 10.1017/S0001972015000029. Available at: http://journals.cambridge.org/abstract_S0001972015000029 (date of access: 15.04.2016).

Freedom C. Onuoha., 2014. *Why Do Youth Join Boko Haram?* United State Institute of Peace. Special Report 348. Available at: www.usip.org (date of access: 15.04.2016).

- Iro Aghedo, Oarhe Osumah, 2012. The Boko Haram Uprising: How Should Nigeria Respond? *Third World Quarterly*, Vol. 33, Iss. 5, pp. 853—869.
- Kazeem S.A., Balogun K.Y., 2013. Problems Facing Islamic Education: Evidence from Nigeria. *Journal of Educational and Social Research*, Rome-Italy, MCSER Publishing, Vol. 3, no. 9.
- Kruglova A., 2015. Boko “Halal”? Western education should be used as a weapon against terror. *Foreign Affairs & Security*.
- Nye Joseph S., 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- Olugbeko, Smart Odunayo, Asagha, Nkoro E., 2014. Quality Education as a Panacea to Global Security Challenges: A Case Study of Nigeria. *International Conference on Arts, Economics and Management (ICAEM'14)*, Dubai.
- Omoluwa Olusegun, 2014. Functional education: a tool for combating terrorism in Nigeria. *International Journal of Technical Research and Applications*, Vol. 2, Sp. Iss. 7, pp. 35—39.
- Owolade F., 2014. *Boko Haram: How a Militant Islamist Group Emerged in Nigeria*. *Gatestone Institute*. Available at: <http://www.gatestoneinstitute.org/4232/boko-haram-nigeria> (date of access: 10.05.2015).
- Seul J., 1999. Ours is the Way of God: Religion, Identity, and Intergroup Conflict. *Journal of Peace Research*, Vol. 36, no. 5, pp. 553—569. <http://www.mcser.org/journal/index.php/jesr/article/viewFile/2342/2317> (date of access: 15.04.2016).
- Sergie M.A., Johnson T., 2011. *Backgrounder — Boko Haram*. Council of Foreign Relations. Available at: <http://www.cfr.org/nigeria/boko-haram/p25739> (date of access: 15.04.2016).
- Solomon Effiong Udounwa, 2013. *Boko Haram: Developing New Strategies to Combat Terrorism in Nigeria*. USAWC Strategy Research Project.
- “START” National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. Mass-Fatality, Coordinated Attacks Worldwide, and Terrorism in France. Available at: https://www.start.umd.edu/pubs/START_ParisMassCasualtyCoordinatedAttack_Nov2015.pdf (date of access: 15.04.2016).
- Walker A., 2012. What is Boko Haram? *USIP Special Report*, Washington: United States Institute of Peace. Available at: <http://www.usip.org/files/resources/SR308.pdf> (date of access: 15.04.2016).

Дата поступления статьи: 17.01.2016

For citations: Bakare I.A. Soft power as a means of fighting international terrorism: a case study of Nigeria’s “Boko Haram”. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 285—295.

МЯГКАЯ СИЛА КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ: НА ПРИМЕРЕ БОКО ХАРАМ (НИГЕРИЯ)

И.А. Бакаре

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Распространение международного терроризма вызывает возрастающую озабоченность международного сообщества. Вместе с тем все больше проявляется несостоятельность жесткого военного подхода к борьбе с этим глобальным злом. В данной статье анализируется мягкая

сила в качестве инструмента борьбы с терроризмом в контексте образования, религии и международного сотрудничества. Анализируется ситуация с Боко Харам, воинствующей исламистской группировкой, действующей в Северной Нигерии. Данная группировка вызывает все больше опасений и является наиболее серьезным вызовом региональной безопасности. Действия группировки становятся все более дерзкими и жестокими. При этом маловероятно, что Боко Харам можно искоренить исключительно военным путем. «Мягкая сила» будет играть решающую роль в способности привлечь на сторону правительства приверженцев умеренного ислама и остановить приток новых рекрутов для экстремистов. Исламское образование рассматривается в качестве ключевого инструмента стратегии «мягкой силы» для борьбы с терроризмом. Исламское образование подразумевает воспитание личности в духе ислама. В статье анализируется нигерийская система религиозного образования *Almajiri*. Помимо образования, разбираются также механизмы международного сотрудничества с особым акцентом на марокканский опыт обучения маликитской школы исламского права и ашаризма. Авторы подчеркивают, что многие африканские страны обратились с просьбой к Марокко поделиться своим опытом в области подготовки имамов и подписали ряд соглашений о сотрудничестве.

Ключевые слова: мягкая сила, терроризм, религия, исламское образование, Боко Харам, Нигерия

Для цитирования: *Бакаре И.А.* Мягкая сила как инструмент борьбы с международным терроризмом: на примере Боко Харам (Нигерия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 285—295.

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

RUSSIA-GHANA RELATIONS IN THE PAST AND THE PRESENT: A TIME-PROVEN PARTNERSHIP

O.S. Kulkova

Institute for African Studies of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

H.A. Sanusi

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

The article of Russian and Ghanaian authors describes the evolution of political and economic relations between Soviet Union/Russia and Ghana throughout different historical periods (starting from 1950s to present). Great attention is paid to the basis of the cooperation laid in Soviet period. The article also observes current tendencies of the bilateral relations, which are quite friendly and fruitful. Moscow regards the Republic of Ghana as a reliable, time-proven partner especially on international issues: the establishment of a more democratic polycentric world order, ensuring regional and strategic stability, disarmament, combating international terrorism and other global challenges and threats. Russia and Ghana provide each other mutual support in the election of representatives of the two countries in international organizations. Russia and Ghana also develop their cooperation in the field of security.

The participation of USSR/Russia in foreign trade of Ghana is analyzed. The significant increase in the number of Ghanaian trade partners is indicated while the share of Great Britain decreases and the share of Asian, African and other states increases. In recent years, the favorable conditions for the development of Russian-Ghanaian trade and economic relations were created. The cooperation of the two countries also develops in the field of nuclear energy.

The main bilateral visits between Ghana and Russia are examined in the article. The special attention is paid to the first meeting of the Russian-Ghanaian Inter-governmental commission on trade, economic, academic and technical cooperation took place in Moscow in October 2014.

Key words: Ghana; Soviet Union/USSR; Russia, anti-colonialism; development; trade and economic relations; political relations; educational ties; security partnership

THE HISTORY OF SOVIET-GHANA RELATIONS (1950S–1990S)

Ghana was the first Sub-Saharan African country to gain independence on 6 March 1957, and after it became an independent state, it began to build a new system of foreign policy relations. The new state soon found a strong ally — the USSR. Ghana's relations with the Soviet Union bore different character in different periods.

The Soviet delegation in 1957 headed by the minister of state I.A. Benediktov visited the festive ceremony of Ghana's independence declaration. The two countries established diplomatic relations on January 14, 1958. Soon after, in 1959, the Soviet embassy in Accra was established, and Ghanaian embassy in Moscow appeared in 1960.

The basis for mutually beneficial relations was laid in 1960, when the two countries signed agreements on trade, economic and cultural cooperation, with 5-year duration. In February 1961, the Soviet delegation headed by Leonid Brezhnev visited Ghana, and in summer of 1961 Ghanaian delegation led by Kwame Nkrumah visited the USSR (during the visit, the two countries adopted the agreement on cultural and academic ties) [Vinokurov 2001].

At that period, relations between the parties and public organizations of the two countries had developed; there was a lively exchange of artists, writers, sportsmen and academic workers. Soviet cultural Centre in Ghana was performing a great job — at its Russian language courses, several hundreds of students had studied the language.

Relations between the Khrushchev's government and the Ghanaian government headed by one of the leaders of the struggle for independence, Kwame Nkrumah, were not always easy. However, later they proved to be friendly and fruitful for both sides. As Canadian-Nigerian researcher O. Igho Natufe wrote in his book "Soviet policy in Africa: from Lenin to Brezhnev" (2011), "both Moscow and Accra seemed to have reasons to be cautious in the early days of Ghana's independence. The Soviet nonchalant attitude could be explained by the presence of George Padmore and British expatriates in Nkrumah's government, especially in the foreign ministry. Besides the presence of Padmore, it was obvious that the Soviet Government was still having ideological problems in dealing with Nkrumah, an African *bourgeois nationalist*...The Soviets perhaps could not reconcile Nkrumah's anti-colonialism with his expressed faith in Britain and the British Commonwealth, an institution which the Soviet Union regarded as a vehicle of British imperialism. Soviet scholars, especially Potekhin, the doyen of Soviet Africanists and the leading expert on Ghana, were yet to articulate a conceptual base for dealing with Ghana" [Natufe 2001].

Nkrumah affirmed the right of all colonial people to control their own affairs and the right of all colonies to be free from foreign imperialist control, be it political or economic. The books he wrote ("Towards Colonial Freedom" (1962), "Neo-colonialism, The Last Stage of Imperialism" (1965), and others) became a blueprint for many of the freedom fighters, especially in the Southern Africa, in Africa's decolonisation period. Many of Nkrumah's political initiatives were supported by the USSR. Nkrumah's government organised two major conferences devoted to decolonization efforts — the first Conference of Independent African States (CIAS) in Accra (1958), at which the Soviet Union was represented, and the first All-African People's Conference (AAPC) (1958), at which the USSR also sent a small delegation [Natufe 2001]. In 1962, Nkrumah organized an international conference "The World without Bombs" as a part of the initiatives for peace in the world in which the Soviet delegation also took part. In 1962, Nkrumah was awarded an International Lenin's Prize for his efforts in the struggle for peace.

The cooperation with the USSR was a significant driver of the development of Ghanaian industry. The Soviet Union helped Ghana in building the necessary infrastruc-

ture of the newly decolonized country: precious metals refinery in Tarkwa, integrated house-building factory in Accra, fishing fleet and fish-processing plant, etc. Soviet organizations performed project works for the construction of the Bui hydroelectric power plant. They also assisted in building houses, educational centers (for example, Legon University [Gana: 50-letie nezavisimosti... 2007]) and hospitals (for example, in Kumasi). Soviet geologists helped in finding the deposits of gold, limestone, manganese, and phosphorites.

In February 1961, Ghana and the USSR signed the agreement on cooperation in the peaceful exploration of nuclear energy, in accordance with which the USSR helped Ghana in creation of a nuclear reactor for research purposes and the isotope laboratory in Legon (University of Ghana), in preparing academic staff for nuclear research. Hundreds of Soviet specialists — geologists, engineers, doctors and teachers — worked in Ghana in the 1960s. There was an exchange of military delegations. In the 1970s, Soviet specialists carried out an exploration work searching for oil in the Volta region. The Soviet government also provided a substantial training assistance to Ghanaian national personnel since 1961. At that time, over 2,000 Ghanaians have been educated in the Soviet Union, and about a thousand students were taught in Soviet schools in more than forty cities of the USSR. To pay for the work of the Soviet specialists and provided materials, in the 1960s the USSR provided 23 loans for Ghana, amounting to 53 million dollars, and in 1982—1987 — loans and gifts amounting to 19 mln dollars. In 1961, the Soviet-Ghana Friendship Society was established. In 1962, the Soviet commercial and industrial exhibition took place in Accra [Potekhin 1965].

Chief Soviet expert on Ghana, first director of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Ivan Potekhin, noted in his last book about Ghana written in 1965, “the practical business cooperation with the socialist countries helps Ghana to achieve the main aim of the second stage of anti-imperialist revolution — the economic independence. The principal value of such cooperation is determined not by the amount of mutually beneficial deals, but by the fact that it takes the imperialist countries away from their monopolist positions and by this decreases their opportunity to dictate” [Potekhin 1965].

Unfortunately, cooperation between Ghana and the USSR literally came to a halt after a military coup in 1966 in Ghana, which saw the political demise of Dr. Kwame Nkrumah. The CIA-backed coup in Ghana was part of the Cold War conflict and happened because President Nkrumah was considered an ally of the Soviet Union and Eastern Europe. Geoffrey Bing, Attorney General and a former Labor MP of United Kingdom once said “whatever Nkrumah did, he nonetheless represented a challenge for the West, for it was this challenge that caused the West to mount such a powerful and sustained counter-offensive” against him¹. As British researcher Guy Arnold mentioned, “Nkrumah was derided after his fall and his enemies, who were many, proceeded to tear his reputation apart. His impact, nonetheless, had been profound: in Ghana as the

¹ Prince J.A., 2003: “Who killed Kwame Nrumah”. Available at: URL: <https://www.modernghana.com/news/112475/who-killed-dr-kwame-nkrumah.html> (accessed 20.01.2016).

architect of independence; in Africa as the (ultimately rejected) idealist; and in the West as a dangerous radical, not because he turned to the Communists but because he refused to be subservient to Western interests” [Arnold 2005: 222].

After the toppling of Nkrumah in Ghana, the transition period followed, with several consequent regimes (The National Liberation Council chaired by Lt. Gen. J.A. Ankrah (1966—1969). Dr. Kofi Abrefa Busia (1969—1972). Col. Acheampong, chairman of the National Redemption Council (NRC) (1972—1978). General Frederick Akuffo (1978—1979) and Dr. Hilla Limann — 1979—1981). These regimes almost isolated themselves from the Soviet Union and Eastern Europe. Their foreign policies were channeled towards the Western powers.

After the National Liberation Council came to power in 1966 (until 1969), the technical and economic cooperation was frozen, air links between Moscow and Accra were cut off, and trade decreased. The relations with the Socialist countries were also interrupted.

The government of Prime-Minister Busia (1969—1972) did not prevent the renewal of ties between the civil society organizations of the two countries, including the Society of Friendship between Ghana and the USSR. In 1970, the agreement on cultural cooperation was concluded.

Under the government of National Redemption Council (1972—1978), the technical-economic cooperation and trade relations between the two countries started to restore, and Ghana’s relations with the socialist countries normalized. On 28 October 1976, the new USSR — Ghana trade agreement was signed in Accra¹. In 1976, the direct air communication between Moscow and Accra was restored, and in June 1978, the sides signed the agreement on maritime navigation. Starting from 1973, Ghanaians again got the opportunity to study in the USSR. There was the creation of an Association of the Soviet higher education institutions alumni. In 1975, the activities of the Soviet cultural centre renewed. However, the relations in the second half of the 1970s were not as close as before. Under the government of General Akuffo the Soviet-Ghanaian ties were almost non-existent. The 1970s were probably Ghana’s worst decade during the latter half of the XXth century. They were marked by series of military coups and the economic downturn — by mid-1978 the economy of the country was practically in ruins [Arnold 2005: 374].

The situation changed only after the Provisional National Defence Council (PNDC), led by Jerry Rawlings, came to power in 1981. Jerry John Rawlings was Ghana’s military leader since the December 31, 1981 coup until the transition into a constitutional government in 1992. He led the coup on June 4, 1979, that overthrew the regime of General Frederick Akuffo, who had deposed his predecessor, General Acheampong in a palace coup.

¹ Torgovoe soglashenie mezhdru SSSR i Respublikoi Gana (zaklyucheno v g. Akkre 28.10.1976). [A trade agreement between the USSR and the Republic of Ghana (signed in Accra on 10.28.1976). This document was amended in November 2007] Tekst dokumenta s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na noyabr' 2007 goda. Available at: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_517/doc517a274x422.htm (date of access: 15.05.2016) (In Russian).

After the 1979 coup, Rawlings restored the country to a constitutional rule, which brought Limann's administration into power. However, Rawlings staged another coup to overthrow Limann in 1981 where the country was plunged into another military regime that lasted until the fourth republic of 1992. "Rawlings was a new phenomenon in West Africa: young and dashing, he achieved huge popularity when in 1979, he swept away the corrupt old order that had become a byword. He was highly critical of the political and economic bankruptcy of the old regime and he had emerged as the spokesman for the new radical populism" [Arnold 2005: 673].

The 1979 revolution led the country to an almost total foreign policy isolation, when the Western states and nearly all African states stopped their trade relations with Ghana. After Limann's government came into power, relations with Western and African states started to normalize. However, under the government of Provisional National Defence Council (1982—1983) they again deteriorated. In 1983, Ghana's relations with African states began to improve, because Ghana had started supporting the peaceful resolution of inter-African problems and showed support to the peaceful initiatives of the USSR [Vinokurov 2001: 72].

The new regime headed by Rawlings declared its desire to restore friendly relations and develop multilateral cooperation with the Soviet Union. The sides agreed to establish political contacts and to exchange views on major international issues and bilateral relations [Ostrovenko 2015]. In the 1980s, the USSR continued to assist in developing of Ghana's mining and manufacturing sectors.

After the Provisional National Defence Council (PNDC), led by Jerry Rawlings, came to power, in December of 1982 the Soviet and Ghana signed an agreement on technical and economic cooperation. In line with this agreement, the Soviet specialists conducted the research and prepared the technical-economic rationale for the construction of the Bui hydroelectric plant, provided assistance in creation of secondary vocational technical school in Teme [Ostrovenko 2015] and gold refinery in Tarkwa. The two states exchanged delegations of civil society organizations, exhibitions and artists. The parties relations also developed (CPSU delegations visited Ghana in 1985, 1986, in 1987-twice, 1988, 1989, and the delegation of PNDC visited the USSR in 1988). In April 1991, the Deputy Minister for Foreign Affairs of the USSR, A. Piotrovsky, visited Ghana. In October 1991, the protocol on cooperation was signed between the Soviet confectionery plant "Krasny Oktyabr" and the private Ghanaian firm in Sekondi-Takoradi.

Ghanaian trade is characterized by the significant increase in the number of trade partners while the share of Great Britain decreases and the share of Asian, African and other states increases. If in the 1960s Ghana's major trade partners were Great Britain, countries of the European Economic Community (EEC, later — EU), Socialist bloc countries, US and Japan, by the beginning of 1990s about a half of the Ghanaian import fell on the countries of the EU. Africa's share was around 15%, North America — 15%, Asia — 12%, and East European countries share fell from 10% in the beginning of the 70s to 1%.

Table 1

**Share of Soviet Union/Russia in the geographic distribution
of Ghana's export and import***

EXPORT							
Country	1975	1980	1985	1990	1993	1994	1995
Total, US\$ mln	807,2	1 205,9	635,2	1 239,2	1 203,0	1 614,0	1 662,0
Share, %							
USSR (Russia)	7,5	14,0	15,8	14,0	11,5	0,3	0,2
IMPORT							
Total, US\$ mln	790,7	1 129,5	726,3	1 614,0	2 029,0	2 073,0	2 490,0
USSR (Russia)	0,1	0,05	0,2	0,4	0,05	0,25	0,1

*Compiled from the materials of the handbook "Ghana", prepared by the Institute for African Studies of RAS. 2001. pp. 147–149.

Soviet-Ghanaian trade relations were regulated by the agreement on trade and economic cooperation signed in 1960, and afterwards by the agreement of 1976. The bilateral trade dynamics was as follows:

Table 2

Russian-Ghanaian bilateral trade, in million rubles*

Mln rubles	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995
Trade turnover	24,4	58,7	49,7	57,0	122,6	39,4	22,5	4,6
Export	19,5	27,6	39,8	46,3	122,3	38,4	21,9	4,5
Import	5,0	31,1	9,9	10,7	0,3	1,0	0,6	0,1

*Data taken from the handbook "Ghana", prepared by the Institute for African Studies of RAS, 2001. p. 149.

The Soviet Union was importing from Ghana the cocoa beans (the trade was carried through the London Stock Exchange), gold and timber, and exported equipment, petrochemicals, rolled ferrous metal products, pharmaceutical and chemical goods, fertilizers, consumer goods, fish and sugar.

Rawlings in his January 1990 speech to nation expressed careful optimism about the momentous events then taking place in Eastern Europe [Arnold 2005: 677]. After the collapse of the Soviet Union both political and economic relations between Ghana and Russia reduced significantly, the bilateral trade turnover decreased. However, in December 1991 Ghana acknowledged Russia to be the former USSR successor state. At the end of the 1990s — beginning of the 2000s the two countries signed the agreements on cultural and economic cooperation¹.

In the beginning of the 1990s Russia due to its internal political and economic reasons almost completely withdrew from Africa, but in the second half of the 1990s—beginning of 2000s Russian government found such policy inconsistent with the real Russian national interests, and Russia gradually started to regain its positions on the African continent.

¹ Prokopenko L. «Gana». Entsiklopediya Krugosvet. Available at: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/GANA.html?page=0,1 (date of access: 15.04.2016) (In Russian).

As for Ghana in 1990s, although economic recovery under Rawlings during 1980s was quite impressive, yet at the beginning of the 1990s Ghana still had a long way to go to achieve its true economic potential. Total external debts stood at 3,078 million dollars in 1989 which was equivalent to 59.9% of GNP while debt servicing was equivalent to 48.9 per cent of export earnings [Arnold 2005: 676]. By 1990, after eight years of recovery and macro-economic growth, the vast majority of Ghanaian populations were still very poor. In the beginning of 1990s, Ghana managed to switch smoothly from military to democratic regime and to start market economy reforms with the help of IMF and World Bank. A new Constitution of Ghana restoring multi-party system politics was promulgated in Ghanaian presidential election, 1992; Rawlings was elected as president of Ghana then, and again in Ghanaian general election, 1996.

CURRENT RUSSIA-GHANA RELATIONS (2000—2016)

Currently, Ghana has become a regional power in West Africa due to its growing economic prosperity and democratic political system. John Agyekum Kufuor of the New Patriotic Party (NPP) won the 2000 Ghanaian elections, and repeated his success in the 2004 Ghanaian elections, thus serving two terms of office. As a result of the 2008 election, John Atta Mills of the National Democratic Congress (NDC) won the presidency [Nemchenko 2009]. After he died, the then vice-president of Ghana John Dramani Mahama succeeded him on 24 July 2012. Following the Ghanaian presidential election in 2012, Mahama was inaugurated as 12th President of Ghana on 7 January 2013 to serve until 7 January 2017.

In the 1990s—2000s Ghana showed steady economic growth of 3—6% annually. In 2005, the country occupied the 9th place among 175 countries by its investment attractiveness and business development speed [Gana: 50-letie nezavisimosti... 2007]. Ghana is one of the world's largest gold and cocoa producers (second-largest world cocoa producer in 2016 [Ghana 2016]). The Ghanaian economy is strongly tied to such commodities as cocoa, gold and oil, which are the three main sources of income and foreign currency. Price swings for these three resources, increased spending on domestic public sector wages, an electricity shortage and other external factors have combined to slow the pace of development in recent years. However, according to provisional statistics, GDP for 2014 was estimated at \$33.4 bln, indicating year-on-year growth of 4% [Ghana 2016. Economy]. New offshore oil and gas fields are expected to accelerate economic growth starting in 2016, with energy set to contribute 2% to GDP in 2016 and 4.1% by 2017 [Ghana 2016. Economy]. Ghana is one of the so-called “African Lions”. Its growth rate from 2006 until 2015 averaged 2.11% reaching an all-time high of 8.10% in the first quarter of 2012¹. Ghana has one of the highest GDP per capita in West Africa. In 2007, an oil field which may contain up to 3 billion barrels of light oil

¹ Kwansah D. Ghana: Russia, Ghana to Deepen Economic Cooperation//Business Day Ghana (Accra), 15 March 2016. Available at: <http://allafrica.com/stories/201603161661.html> (date of access: 15.03.2016).

was discovered. Yet, in spite of abundance of natural resources, a quarter of the population (nation of 25 million people in 2015¹) are still poor.

Ghana is a member of the Non-Aligned Movement, the African Union, the Economic Community of West African States (ECOWAS) and the Group of 24 (G24).

Ghana and Russia support the traditionally friendly bilateral relations. Moreover, Ghana and Russia's approaches to the resolution of major global problems are similar or coincide. Russia and Ghana provide each other mutual support in the election of representatives of the two countries in international organizations. In 2006, Ghanaian President, John Agyekum Kufuor expressed satisfaction with the significant improvement in Ghana-Russia relations saying the two countries were co-operating well at the United Nations Security Council and on the bilateral and international fronts².

In June 2003, the delegation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation headed by the Deputy Chairman of the State Duma A. Chilingarov visited Ghana. In June 2004, the Ghana Parliament delegation headed by Speaker of Parliament P. Ajetey visited Russia. In order to promote the development of bilateral cooperation in the economic sector, the Ghanaian-Russian Chamber of Commerce was established in May 2003. In December 2003, the Ghanaian-Russian parliamentary group was established for the development of inter-parliamentary ties³. In January 2006, in connection with Ghana's election as a non-permanent member of the UN Security Council for 2006—2007, Russia and Ghana held consultations in Accra regarding UN's agenda [Razmyslov 2015]. In March 2007, Ghana celebrated its 50th anniversary of independence. Special representative of the Russian president V. Putin on ties with African leaders, corresponding member of the Russian Academy of Sciences Alexey Vasiliev attended the celebrations. He passed to Ghana's President G. Kufuor the congratulatory letter of Russian President Vladimir Putin [Nemchenko 2007]. In June 2007, during the G8 summit in Heiligendamm (Germany) the meeting of the President of Russia Vladimir Putin with the President of Ghana, John Kufuor, took place. In July 2007, the Minister for Foreign Affairs of Ghana, Nana Akufo-Addo was on a working visit to Moscow. Following talks with the Russian Foreign Minister Sergei Lavrov, a protocol on consultations between foreign ministries of the two countries was signed.

In September 2009, in New York during a working lunch on behalf of the UN Secretary General Ban Ki-moon, President of Ghana John Atta Mills invited Russian President Dmitry Medvedev to visit Ghana on an official visit. In turn, Russian President also invited his Ghanaian counterpart to Moscow. In February 2013, Russian Deputy

¹ Ghana population in 2016. World Population Review. Available at: <http://worldpopulationreview.com/countries/ghana-population/> (date of access: 15.03.2016).

² Kufuor Expresses Satisfaction with Ghana, Russia Relations. Modern Ghana, 20 July 2006. Available at: <https://www.modernghana.com/news/101464/kufuor-expresses-satisfaction-with-ghana-russia-relations.html> (date of access: 15.03.2016).

³ Ghana: Uchastie v mezhdunarodnykh organizatsiyakh i rezhimakh, osnovnye vneshnepoliticheskie kontragenty i partnery, otnosheniya s Rossiei. [Ghana's participation in international organizations and regimes, the main foreign contractors and partners, relations with Russia. Political Atlas] Politicheskii atlas sovremennosti. Available at: <http://www.hyno.ru/tom4/345.html> (date of access: 10.04.2016) (In Russian).

Minister of Foreign Affairs Mikhail Bogdanov arrived in Ghana with a working visit. He discussed with the President of Ghana John Mahama Dramani the state and prospects for promotion of the whole complex of Russian-Ghanaian relations. The Ghanaian side reiterated their interest in further enhancing trade, economic and humanitarian cooperation, in attracting Russian investments in the fields of transport, energy, agriculture and the mining sector. Consultations were also held with the Minister of Foreign Affairs of Ghana Hannah Tetteh on the improvement of the legal framework of the Russian-Ghanaian cooperation and implementation of trade-economic and investment cooperation projects. In August 2013, Ghanaian Minister of Foreign Affairs Hanna Tetteh visited Russia with a working visit and negotiated with her Russian counterpart Sergey Lavrov. They discussed the whole complex of bilateral ties, first, questions of cooperation in trade and economic sphere with the focus on fuel and energy sector. They also discussed the measures to strengthen the legal basis of the relations and the perspectives of extension of contacts in spheres of science and education. They also touched upon the problems of conflict resolution in Africa¹.

In recent years, the favorable conditions for the development of Russian-Ghanaian trade and economic relations were created. As of 2012, according to the Ghana Trade and Investment Chamber, there were 12 registered commercial structures in Ghana, which were managed and organized by Russian businesspersons. These companies operated primarily in gold mining and commerce². In October 2003, the presentation of Gorky Automobile Plant (GAZ) products was organized in Ghana. The plant opened its sales office in the city of Tema³.

However, as of 2008, Russia was not among the major trade partners of Ghana. The bilateral trade turnover in 2002 was over US\$22 mln [Afrika 2010: 679]. Russian export (US\$5 million) — paper for printing newspapers and cardboard, black metals, rolled steel, pipes, vehicles and equipment. Import (17.3 million dollars) — cocoa beans and cocoa preparations, cocoa butter and fruits [Afrika 2010: 679]. The bilateral trade turnover in 2010 amounted to US\$146 million (export — US\$28 million, import — US\$118)⁴. “The level of mutual trade between Russia and Africa, as the statistics show, is the lowest among Russia’s economic interactions with the rest of the world. The data of the United Nations Conference on Trade and Development for 2012 contain

¹ Diplomatic relations between Russia and Ghana. [Diplomatic relations between Russia and Ghana]. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/569812> (date of access: 06.07.2013) (In Russian).

² Statement at the conclusion of an IMF Mission to Ghana. Press Release No.12/64, March 2, 2012.

³ Ghana: Uchastie v mezhdunarodnykh organizatsiyakh i rezhimakh, osnovnye vneshnepoliticheskie kontragenty i partnery, otnosheniya s Rossiei.[Ghana's participation in international organizations and regimes, the main foreign contractors and partners, relations with Russia. Political Atlas] Politicheskii atlas sovremennosti. Available at: <http://www.hyno.ru/tom4/345.html> (date of access: 10.04.2016) (In Russian).

⁴ Rosciisko-ganskie otnosheniya (spravochnaya informatsiya). [Russian-Ghanaian relations (background information)]. Ofitsial'nyi sait Ministerstva inostrannykh del RF. Available at: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-rafr.nsf/89414576079db559432569d8002421fc/0f79117ae084c11dc3257332002acff5!OpenDocument> (date of access: 18.10.2011) (In Russian).

the following indicator for Russian trade with Africa: over \$7.2 billion for the combined foreign trade turnover, which was a fivefold increase from 2000. Out of this sum, \$2.1 billion were imports” [Nalbandov 2016: 443]. These figures of mutual trade are significant indicators of the low level of Russian participation in the African economies, writes researcher Robert Nalbandov, however, the picture is different with the Russian direct investments in Africa. Between 2004 and 2008, several leading Russian heavy industry companies, including “Nornikel”, “Rusal”, “Renova”, and “Alrosa”, invested more than \$5 billion in the industrial markets in Africa. Namely, “Lukoil Overseas”, a branch of Lukoil, entered Africa with over \$200 million for the sea oil extraction in Ghana and Côte d’Ivoire and has plans for twelve more mines in Ghana and Sierra Leone. The total amount of Lukoil’s investments in the region in 2011 amounted to \$700 to \$900 million” [Nalbandov 2016: 443—444]. The cooperation between Russia and Ghana in the energy and mining sectors is very active. Since 2007, “Lukoil Overseas” entered in the consortium of companies “Vanco Ghana Ltd.” and the “Ghana National Petroleum Corporation” (GNPC) for the implementation of a project to develop oil and gas deposits in the Cape Three Points Deep Water (CTPDW) of Ghana. In February 2010, president of “LUKOIL” V. Alekperov and the former President of Ghana J.E. A. Mills jointly announced the discovery of commercial hydrocarbon reserves in the Ghanaian capital Accra¹.

In October 2014, the first meeting of the Russian-Ghanaian Inter-governmental commission on trade, economic, academic and technical cooperation took place in Moscow. It was preceded by the expert negotiations of specialists from a range of interested ministries and government agencies of the two countries. The sides have reached agreements on the realization of joint projects in such spheres as energy, subsoil resources management, geological prospecting and exploration, transport, industry, agriculture, education, public health, etc.

Russian side of the Inter-governmental commission, headed by the Deputy Minister of natural resources and ecology of the Russian Federation V. Pak, was represented by the officials of federal ministries and agencies and companies interested in cooperation with Ghana. Ghana at the event was represented by a delegation headed by co-chair of the said Commission; the Deputy Minister for Foreign Affairs of Ghana, Kwasi Kwartey noted that Russia viewed Ghana as a reliable and perspective partner on the African continent. As a result of the meeting, the sides signed the Protocol of the Inter-governmental commission in which the main tasks of the cooperation between Russia and Ghana were stated. Partners decided to organize the next meeting of the commission in Accra in 2016. The mechanism of the Inter-governmental commission proved to be an effective instrument for the intensification of the cooperation in various fields².

¹ Press release by LUKOIL on a meeting in 2010 between: Vagit Alekperov, President of OAO LUKOIL, and John Mills, President of the Republic of Ghana. Available at http://www.lukoil.com/press.asp?div_id=1&id=3212 (date of access: 20.05.2015).

² Sostoyalos' Pervoe zasedanie Mezhravitel'stvennoi Rossiisko-Ganskoï komissii po torgovo-ekonomicheskomu i nauchno-tekhničeskomu sotrudničestvu [The first Intergovernmental meeting between Russian-Ghanaian Commission on Trade-Economic and Scientific-Technical Cooperation] Ofitsial'nyi vebsait Federal'nogo agentstva po nedropol'zovaniyu — Rosnedra. 17 oktyabrya 2014. Available at: <http://www.rosnedra.gov.ru/article/7583.html> (date of access: 10.04.2016) (In Russian).

In spring 2016, Ghana Embassy in Moscow organized a symposium, which was attended by the eminent group of diplomats, industry leaders, prominent international traders and analysts as well as Ghanaians resident in the Russian Federation. Symposium was part of the Independence Day celebration in Moscow. The meeting was chaired by the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Ghana to the Russian Federation, H.E. (Dr.) Kodzo Kpoku Alabo. The participants focused on the historical evolution of Russia and Ghana relations and their future perspectives. Ghana Cocoa Board's Chief Executive Dr. Stephen Kwabena Opuni also addressed the gathering on the role of the cocoa industry in Ghana. One of the key speakers, Dr. Leonid Fituni, Deputy Director of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences mentioned another important sector for possible broadening of cooperation between Russia and Ghana. It is grain: The price of wheat made the highest gain in February 2016 in Ghana. The government undertook serious steps to improve the situation. Cooperation with Russia may be one of the solutions here. Wheat exports from Russia are expected to set a new record this year. Starting from the beginning of the season Russia shipped 40.2 thousand tons with total cost \$ 6.845 mln¹. This makes about 8% of total requirements in wheat. What is important, Russia is able to supply wheat relatively cheaper than its main competitors. This opens the way for looking into ways of expanding the deliveries. Prof. Fituni called for a more decisive and effective action to mitigate eventual challenges and ensure stronger and sustainable growth in economic interaction between Russia and Ghana.

The cooperation of the two countries also developed in the field of nuclear energy. During the November 2011 talks in Moscow, a memorandum of understanding was signed between “Rosatom” and the Ministry of Energy and Petroleum of Ghana, in which the sides agreed on the construction of nuclear power plants for peaceful purposes in Ghana with the help of “Rosatom”. In September 2015, the agreement between Russian and Ghana on the cooperation in the sphere of nuclear energy for peaceful purposes entered into force².

The company “Techno-Nikol” — one of the largest manufacturers of construction materials in Russia — opened a temporary storage warehouse in Tema, of its products in the free economic zone in Ghana to supply the construction materials to the local market and across the West African region.

Russia and Ghana also develop their cooperation in the field of security. In early 2005, the Defence Ministry of Ghana bought four new helicopters from Russia, as part

¹ Kwansah D. Ghana: Russia, Ghana to Deepen Economic Cooperation//Business Day Ghana (Accra), 15 March 2016. Available at: <http://allafrica.com/stories/201603161661.html> (date of access: 15.03.2016).

² Vneshnepoliticheskaya i diplomaticheskaya deyatel'nost' Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu. Obzor MID Rossii. Afrika k yugu ot Sakhary [Russia's foreign policy and diplomatic activity in 2015. Review of the Russian Foreign Ministry. Africa south of the Sahara.]. Moscow, April, 2016. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624#%D0%90%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%BA%20%D1%8E%D0%B3%D1%83%20%D0%BE%D1%82%20%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D1%8B (date of access: 11/03/2016) (In Russian).

of measures to equip the Ghana Armed Forces (GAF) to enable them to defend the territorial integrity of the country. The two countries then developed a special joint venture negotiations which started in 2006. As a result, Russia has established a sub-regional aviation training and military helicopter service center in Ghana. Russian helicopters Mi-17 supplied to the Ghanaian army would be used to support peacekeeping operations, to perform medical evacuations, search and rescue operations, and movement of troops, and to support government agencies. Russian experts, who brought the helicopters, stayed in Ghana for six months to train their Ghanaian counterparts, and some officers of the Ghanaian Air Force had already been trained in Russia to operate and maintain the helicopters. Even before this initiative, Russia had always been an important partner providing the logistical services for the Ghana Armed Forces. There have been several appeals to the Russian government to assist the Ghana Air Force to upgrade its equipment, train its pilots, etc. Indeed, it has always been the Ghanaian government's desire that cordial relations between both armed forces were restored for the benefit of both countries. In 2013, Russian state company "Rosoboronexport" supplied another four helicopters of this type to Ghana¹. "Rosoboronexport" has been a major supplier of arms to Ghana, for the first time since 2012².

Ghana and Russia also develop fruitful cooperation in the sphere of education. University of Ghana (in Legon) now teaches Russian as a foreign language. In 2005, 300 students chose to study Russian [Nemchenko 2008]. In 2007, the Russian embassy in Accra first held a Russian language contest for students to test their knowledge of Russian language, history and culture. This contest was a part of the Russian government initiative. This contest has now become a tradition and annual ritual during which Russian diplomats give lectures, organize exhibitions, dedicated to historical and cultural events in Russia. Currently, there is also a partnership between the Institute of Russian Language named after Alexander Pushkin and the University of Ghana³. In general, by 2011 around 4000 Ghanaian specialists had received education in the USSR/Russia⁴ and were successfully employed in Ghana, including government structures⁵. Every

¹ Gana vooruzhilas' chetyr'mya vertoletami Mi-171Sh. [Ghana armed with four Mi-171SH], January 9, 2013. Available at: <https://lenta.ru/news/2013/01/09/mi171sh> (date of access: 09.08.2013) (In Russian).

² Smirnov S. Asadu nichego ne priletelo Rossiya natorgovala oruzhiem na \$12,9 mlrd, no Sirii pochti nichego ne dostalos', uveryaet «Rosoborneksport». [Assad did not come anything. Russia gain by selling arms to \$ 12.9 billion, but Syria almost got nothing] Available at: http://www.gazeta.ru/politics/2013/02/13_a_4965313.shtml (date of access: 13.02.2013) (In Russian).

³ Russian embassy in Accra website. Available at: www.ghana.mid.ru (date of access: 02.02.2016).

⁴ Remarks and Response to Media Questions by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov at Joint Press Conference Following Talks with Minister of Foreign Affairs of the Republic of Ghana H.Tette, Moscow, August 7, 2013 / The official website of the Ministry of Foreign Affairs. Available at: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-rafr.nsf/89414576079db559432569d8002421fc/44257b100055e32d44257bc0003fb2e6> (date of access: 29/08/2013).

⁵ O torzhestvakh po sluchayu 50-letiya nachala obucheniya grazhdan Gany v SSSR/Rossii. [On the 50th anniversary of the beginning of the training of Ghanaians in the USSR / Russia.] Vebsait Ministerstva inostrannykh del RF. Available at: http://www.mid.ru/maps/gh/-/asset_publisher/D27PRZN7dYaj/content/id/204418 (date of access: 06.06.11).

year around 100 Ghanaians go to Russia to receive higher education either thanks to Russian state funding or on commercial grounds¹. In 2013, Russia increased the number of state stipends for Ghanaian students by a half so it became 60².

In general, political stability and sustained economic growth in Ghana provide a good basis for the further development of bilateral cooperation between the two countries³.

Russia's policy in Ghana and Africa as a whole has intensified markedly in recent years. Russian cooperation with some countries like Angola, Uganda, and Ethiopia is remarkable, but its presence there cannot be compared to other countries, like China, France and the USA. However, for Russia to reclaim its role as a global power after long being seen as a “weak” by the West, it needs to be present in all parts of the world — and, Africa is indeed an increasingly important one. As economic sanctions affect negatively Russia's trade with the West, Africa is becoming an increasingly attractive trade partner and investment direction. Africa's 54 countries also represent a political opportunity to relieve Russia's isolation and to build support for its actions in the UN.

Moscow regards the Republic of Ghana as a reliable, time-proven partner. Moscow and Accra maintain an intensive political dialogue, successfully develop trade, economic, investment and military-technical cooperation, expand cultural and educational ties, and develop cooperation in the field of peaceful nuclear energy. Russia highly appreciates the identity or similarity of Russian and Ghanaian approaches to the major issues of the international agenda, including the establishment of a more democratic polycentric world order, ensuring regional and strategic stability, disarmament, combatting international terrorism and other global challenges and threats.

REFERENCES

Afrika [Africa]: in 2 Vol., 2010. Edit. by.: A.M. Vasilyev etc. Moscow, OOO «Izdateľ'stvo Entsiklopediya», Vol. 1: A—K.

Arnold G., 2005. *Africa: A Modern History*. London: Atlantic Books.

Ghana 2016. Economy. The Report. Oxford Business Group. Available at: <http://www.oxfordbusinessgroup.com/ghana-2016/economy> (date of access: 15.05.2016).

Ghana 2016. The Report. Oxford Business Group. Available at: <http://www.oxfordbusinessgroup.com/ghana-2016> (date of access: 15.05.2016).

Gana: 50-letie nezavisimosti, 2007. [Ghana: 50th Anniversary of Independence]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 6.

Nalbandov R., 2016. *Not by Bread Alone: Russian Foreign Policy under Putin*. Lincoln, NE: Potomac Books.

Natufe O.I., 2011. *Soviet policy in Africa: from Lenin to Brezhnev*. Bloomington: iUniverse, Inc.

¹ Ibid.

² Remarks and Response to Media Questions by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov at Joint Press Conference Following Talks with Minister of Foreign Affairs of the Republic of Ghana H. Tette, Moscow, August 7, 2013 / The official website of the Ministry of Foreign Affairs. Available at: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-rafr.nsf/89414576079db559432569d8002421fc/44257b100055e32d44257bc0003fb2e6> (date of access: 29/08/2013).

³ Mingle E. & Abdul-Rahaman S. We are making good progress. *The Ghanaian Times*. (17.02.2012.).

Nemchenko V., 2007. Zolotoi yubilei v Akkre [Golden Jubilee in Accra]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 6.

Nemchenko V., 2008. «God russkogo yazyka» v Universitete Gany [“Year of Russian Language” at the University of Ghana]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 6.

Nemchenko V., 2009. Gana. Prezidentskie vybory 2008—2009 [Presidential election in Ghana 2008—2009]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 5, pp. 37—40.

Ostrovenko E.D., 2015. Gana glazami posla SSSR (1989—1991) [Former Soviet ambassador’s reflection on Ghana]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 5.

Potekhin, I.I., 1965. *Stanovlenie novoi Gany*. [Formation of new Ghana]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka».

Razmyslov S.S., 2015. *Vneshnopoliticheskie priority SSSR/Rossiiskoi Federatsii v Afrike na primere Gany i Gvinei (1957—2015 gg.)*. [The foreign policy priorities of the USSR / Russian Federation in Africa. The example of Ghana and Guinea, 1957—2015]. Dissertatsiya na soiskanie uch. stepeni kand. ist. nauk. Spetsial'nost' 07.00.15 — Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki. Moscow, RUDN.

Vinokurov, Yu.N., 2001. *Gana. Spravochnik*. [Ghana Directory]. Moscow, Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 200 p.

Дата поступления статьи: 01.06.2016

For citations: Kulkova O.S., Sanusi H.A. Russia-Ghana relations in the past and the present: a time-proven partnership. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 296—310.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ РОССИЙСКО-ГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПАРТНЕРСТВО, ПРОВЕРЕННОЕ ВРЕМЕНЕМ

О.С. Кулькова

Институт Африки исследований РАН, Москва, Россия

Х.А. Сануси

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В совместной статье российского и ганского авторов рассматривается эволюция политических и экономических отношений между СССР/Россией и Ганой на протяжении различных исторических периодов (начиная с 1950-х гг. до настоящего времени). Большое внимание уделяется основе сотрудничества, заложенной в советский период. Авторы статьи отмечают и текущие тенденции двусторонних отношений, которые являются весьма дружественными и плодотворными. Москва считает Республику Гану надежным, проверенным временем партнером, особенно в области международных вопросов: создания более демократического политического мирового порядка, обеспечения региональной и стратегической стабильности, вопросов разоружения, борьбы с международным терроризмом и другими глобальными вызовами и угрозами. Россия и Гана оказывают друг другу взаимную поддержку в выборах представите-

лей своих стран в международных организациях. Россия и Гана также развивают сотрудничество в области безопасности.

В статье анализируется участие СССР/России во внешней торговле Ганы. Отмечается значительное увеличение числа ганских торговых партнеров, при этом доля Великобритании уменьшается, а доля стран Азии, Африки и других государств возрастает. В последние годы были созданы благоприятные условия для развития российско-ганского торгово-экономических отношений. Сотрудничество двух стран также развивается в области ядерной энергетики.

В статье дается анализ основных двусторонних визитов между Ганой и Россией. Особое внимание уделяется первому заседанию Межправительственной Российско-Ганской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которое состоялось в Москве в октябре 2014 г.

Ключевые слова: Гана; Советский Союз / СССР; Россия, антиколониализм, развитие, торгово-экономические отношения, политические отношения, образовательные связи, безопасность партнерства

Для цитирования: *Кулькова О.С., Сануси Х.А.* Прошлое и настоящее российско-ганских отношений: партнерство, проверенное временем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 296—310.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ГРУЗИИ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Б.В. Маилян

Российско-Армянский (Славянский) Университет, Ереван, Армения
Национальная академия наук, Ереван, Армения

Статья посвящена рассмотрению особенностей и ключевых аспектов сотрудничества Грузии и КНР. Отмечаются успехи этих стран в институционализации экономических контактов между ними, стержнем которых является инициатива официального Пекина по формированию пула стран вокруг его проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Вместе с тем подчеркивается, что потенциал взаимодействия между грузинской и китайской сторонами лишь только набирает свою положительную инерцию. Ее стремительное развитие в скором времени обещает несколько изменить конфигурацию внешнеполитической доктрины Грузии, в которой ныне закреплена ориентация исключительно на западное сообщество наций. Страна Золотого руна со всей очевидностью ищет для себя статуса главного партнера Поднебесной в южнокавказском регионе. Самое активное участие грузинской стороны в реализации китайских геоэкономических моделей в уже обозримом будущем сулит официальному Тбилиси сделать вопрос присоединения Грузии к НАТО и ЕС не столь актуальным, как сегодня. Важное влияние на внешнеполитическую стратегию Грузии будут иметь договоренности в рамках стратегического партнерства Китая и России о мультивекторной модели транспортировки товаров и ресурсов в рамках конвергенции Евразийского Экономического Союза и «Экономического пояса Шелкового пути».

Ключевые слова: Грузия, КНР, сотрудничество, транзитный коридор, альтернатива, проект, экономический пояс

Евразийское пространство, по всей видимости, сегодня находится в процессе формирования абсолютно новых гецивилизационных и геоэкономических моделей, что, несомненно, требует выхода на совершенно иные геополитические периметры и принципы взаимодействия. Отношения Китая со странами Южного Кавказа, в том числе и с Грузией, на протяжении столетий носили исключительно опосредованный характер, выражавшийся в крайне эпизодических торгово-экономических и культурных связях. В сферу же геополитических интересов Поднебесной данный регион никогда прежде не входил. Однако сказать, что ныне он уже стал одним из приоритетных направлений внешней политики КНР, было бы тоже не совсем верно. Тем не менее, стремительный рост грузино-китайских контактов заставляет взглянуть на их совокупность самым внимательным образом. Грузинский истеблишмент уже вполне понимает, что однозначная ориентированность на проекты НАТО и ЕС содержит достаточно серьезное противоречие с его новым трендом на развитие многостороннего сотрудничества с КНР.

ИМПЕРАТИВЫ ГРУЗИНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Анализ содержания основных аспектов внешней политики Грузии за последнее бурное десятилетие показывает, что главные политические убеждения

и приоритеты ее правящей элиты оставались неизменными на протяжении всего этого, достаточно уже немалого отрезка времени. В Тбилиси все еще по инерции связывают со своим прозападным курсом будущее развитие и безопасность Грузии, продолжают весьма критически относиться к политическим инициативам Москвы, вместе с этим не допускают какого-либо сближения с Россией в ущерб идее вступления своей страны в НАТО и ЕС.

Накануне Бухарестского саммита НАТО в апреле 2008 г. прежний президент М. Саакашвили уверенно заявил: «Когда мы говорим о европейском будущем Грузии, мы должны понимать, что это не только выбор сегодняшнего дня... Европейская и грузинская цивилизации настолько переплелись, что уже непросто определить, наши ли корни находятся в Европе или наоборот» [Де Ваал 2011: 44]. В послании же парламенту главы МИДа Грузии Г. Бежуашвили тогда особо было отмечено, что главная стратегия внешней политики этой страны в 2000-е гг. будет направлена на «превращение Грузии в европейское государство с сильными институтами, полностью интегрированными в европейские и евро-атлантические структуры»¹.

После смены караула в президентском дворце в Тбилиси каких-либо опровержений в отношении заявленного при прежнем руководстве курса от нынешнего главы страны Г. Маргвелашвили никак не последовало. Более того, в рамках «Восточного партнерства» Грузия, как известно, единственная из южнокавказских государств недавно заключила соглашение об ассоциации с ЕС. Как видим, в грузинских властных кругах однозначно решено рассматривать Грузию, прежде всего, как европейскую страну (и следовательно, не постсоветское государство). Там как можно скорее хотят отмежеваться не только от любого советского наследия, но даже и от неудавшегося проекта 1990-х гг. — государства «эпохи Шеварднадзе». Таким образом, основной концепт современной грузинской государственной идеологии заключается в повсеместной «вестернизации» своей страны, и этот посыл противопоставляется главным образом процессу реинтеграции постсоветских образований [Маилян 2012: 87].

В действующей концепции национальной безопасности Грузии особо отмечено, что эта страна «является частью европейского и евро-атлантического пространства. Таким образом, экспансия НАТО и Европейского Союза на восток имеет важное значение для Грузии»². Указанная концепция прямо говорит, что «интеграция в НАТО и Европейский Союз представляет собой высший приоритет грузинской внешней политики и безопасности»³. Она также включает как основополагающий элемент тезис об особо тесных отношениях Тбилиси и Вашингтона, которые опираются на заключенную в январе 2009 г. между обеими странами «Хартию стратегического партнерства». В той же концепции заявлено, что офици-

¹ Ministry of Foreign Affairs. Foreign Policy Strategy 2006—2009. P. 3. Available at: http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=562 (date of access: 12.01.2015).

² National Security Concept of Georgia. Available at: http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=12 (date of access: 12.01.2015).

³ Ibid.

альный Тбилиси также намерен «сделать все возможное для потенциального стратегического партнерства с Украиной»¹.

Таким образом, несмотря на значительные сдвиги в глобальной политике и мировой экономике, внешнеполитический курс Грузии, казалось бы, остается практически неизменным с 2004 г. Прозападный тренд, направленный на интеграцию в евроатлантические структуры, все еще доминирует во внешнеполитическом мышлении правящей элиты в Грузии не только после «революции роз», но даже после окончания «эры Саакашвили».

Суммируя, можно резюмировать вышесказанное тем, что основная и главная идея, завладевшая умами большей части грузинской политической элиты, остается прежней — ставшая уже бесспорной для них задача скорейшей интеграции в западное сообщество государств.

Но даже в этой, казалось бы, однозначной ситуации возможно различить достаточно близкие аспекты одной и той же парадигмы. Во-первых, Грузия хотя политически и не является полностью европейской страной, но она уже и не постсоветское государство. Во-вторых, наиболее важным проектом по-прежнему остается модернизация страны по западным стандартам. В-третьих, эта модернизация возможна только через тесную связь и интеграцию с европейскими и евроатлантическими военно-политическими институтами [Mailyan 2014:101—102].

Однако ныне Грузия во много раз в большей степени, чем еще несколько лет назад, сталкивается с реальными дилеммами, от правильного решения которых зависит характер будущего развития страны. Несмотря на все многообещающие заявления, дальнейшие «европейские» перспективы Грузии не столь однозначны и все еще покрыты густым туманом неопределенности. На саммите Североатлантического альянса в Бухаресте в 2008 г., как известно, некоторые страны: Германия, Португалия, Испания, Италия, Нидерланды, например, высказались за то, что с членством Грузии в НАТО надо подождать². Приходится констатировать, что с тех пор, как известно, мало что изменилось.

КОНЦЕПЦИЯ «НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ» И ГРУЗИЯ

В современном многообразии мира достаточно альтернативных проектов, которые вполне могут взаимно дополнять другие и даже становиться площадками для развития совершенно новых интеграционных процессов. Председатель КНР Си Цзиньпин в 2013 г. выдвинул новую стратегическую идею возрождения «Шелкового пути» и объединения расположенных вдоль него стран в единый экономический пояс — «Silk Road Economic Belt».

В основе этой инициативы заложена та идея, что у всемирно известного древнего торгового коридора до сих пор есть масса неиспользованных возможностей. Концепция «Экономического пояса Шелкового пути» опирается на ряд ключевых

¹ Ibid.

² Украине и Грузии придется подождать. На саммите НАТО не удалось достигнуть соглашения. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/23303> (дата обращения: 24.04.2015).

пунктов — политическое сотрудничество, совместное использование дорожной сети, свободное развитие торговли, неограниченное денежное обращение и объединение интересов разных народов.

Подчеркивается, что координация их действий будет происходить при безусловном сохранении имеющихся между ними естественных различий.

Накопленный опыт периода «реформ и открытости» позволил официальному Пекину сделать немаловажный вывод, что экономическое проникновение важнее непосредственного политического контроля. Древнейший принцип китайской стратегии — «побеждать, не сражаясь», действовать гибко, точно дозировать и направлять воздействие на ключевые точки разных регионов и стран. Метод осуществления этой стратегии — древнее учение «увэй». Ее суть — не диктат, а сотрудничество. Китайские лидеры утверждают, что Поднебесная обязуется развивать свои отношения на основе пяти принципов мирного сосуществования со всеми без исключения странами мирового сообщества¹. Для успешного осуществления своих грандиозных экономических реформ эта великая восточная страна нуждается в длительном и прочном мировом порядке, основанном на стабильности отношений. Если все это получится так, как задумали инициаторы проекта «Нового Шелкового пути», то одна из крупнейших экономик мира, возможно, превратит пояс стран вдоль него в центр притяжения глобальных мировых инвестиций.

Эта инициатива достаточно удачно совпала с некоторыми проектами, нашедшими ранее поддержку официального Тбилиси. Как отметил еще в феврале 2007 г. прежний грузинский лидер М. Саакашвили, строительство магистрали Карс—Тбилиси—Баку является «современной версией Великого Шелкового пути», так как она позволит связать регион Южного Кавказа и государства Центральной Азии с Европой². В концепции же национальной безопасности, выдвинутой еще в 2011 г., было особо отмечено, что «Грузия считает укрепление ее транзитной роли особенно важным»³.

Действующее ныне правительство также согласно с мнением о необходимости большего усиления роли своей страны как государства-транзитера, что также указано в качестве одного из основных приоритетов в национальной стратегии экономического развития «Грузия-2020»⁴.

Таким образом, прежнее представление о грузинском коридоре как предназначенного исключительно для транзита энергоносителей на Запад сегодня уже получает совершенно иное звучание.

¹ Посол КНР в Грузии выступил с лекцией «Внешняя политика Китая». URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7760357.html> (дата обращения: 24.04.2015).

² Грузия, Турция и Азербайджан договорились строить «новый Шелковый путь». URL: <http://lenta.ru/news/2007/02/07/railways> (дата обращения: 12.01.2015).

³ National Security Concept of Georgia. Available at: http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=12 (date of access: 12.01.2015).

⁴ Новый великий шелковый путь — какую он пользу принесет Грузии? URL: <http://commerzant.ge/old1/?menuid=91&id=14365&lang=3> (дата обращения: 12.01.2015).

Нынешнее руководство Грузии стало всемерно поддерживать новое — китайское направление в своей внешней политике, что неизбежно усиливает курс на укрепление многосторонних связей с КНР.

Готовность Грузии к участию в проекте, выдвинутом руководством Поднебесной, по-видимому, подтверждает официальный визит вице-преьера и министра экономики Георгия Квирикашили в КНР в марте 2015 г. Официальные лица двух стран заключили соглашение о совместной работе в претворении в жизнь проекта «Экономический пояс — новый Шелковый путь». Грузинский министр посетил также учрежденный в 2015 г. «Фонд Шелкового пути». В непосредственном распоряжении этой структуры находятся 40 млрд долларов. Из этих средств Поднебесная намерена финансировать те государства, которые уже выразили свое желание стать участниками китайского проекта. Таким образом, прибывшая из Тбилиси делегация стала первой из стран Южного Кавказа, которая имела деловую встречу непосредственно с руководителем этого фонда Ванг Янцзы. В ходе продолжительной беседы обе стороны обсудили вопрос значения этого проекта не только конкретно для стран-участниц, а его будущее влияние в целом на международные процессы в глобальном масштабе. Г. Квирикашвили сообщил об учреждении в Грузии международного саммита — «Форума Великого шелкового пути», который будет ежегодно проводиться в Тбилиси с участием всех стран, вошедших в этот пул¹. Кроме того, в рамках указанного визита обе стороны оформили соглашение, которое подтверждает желание сторон как можно скорее начать переговоры о свободной торговле между Грузией и Китаем.

Глава правительства Иракий Гарибашвили в мае 2015 г. вновь отметил, что между Китаем и Грузией начинается совершенно новый этап отношений, который вернет его стране, по мнению премьера, историческую функцию быть связующим звеном между Европой и Азией. «Стратегическое расположение, которое есть у Грузии, получит еще большее применение, и именно поэтому мы также намерены развивать новый Великий Шелковый путь. В осуществлении этого проекта проявил заинтересованность Китай... Мы уже начинаем строительство глубоководного порта в Анаклия, который даст нам возможность принимать крупные суда, а это позволит более шире использовать имеющийся потенциал, который несомненно есть у нашей страны»², — сказал премьер-министр.

Похоже, что грузинские официальные лица потратили достаточно много усилий, чтобы убедить китайскую сторону в серьезности своих намерений. Об этом свидетельствует недавнее заявление посла КНР в Тбилиси Юэ Бина, по мнению которого эта кавказская страна имеет очевидные географические преимущества. «Я не раз беседовал о концепции “экономического пояса Шелкового пути” с гру-

¹ Министр экономики и устойчивого развития Грузии Георгий Квирикашвили в рамках рабочего визита в Китай встретился с руководителем Фонда шелкового пути Вангом Янцзы. URL: <http://sputnik-georgia.ru/economy/20150309/217434851.html> (дата обращения: 24.06.2015).

² Шелковый путь Грузии. URL: <http://newcaucasus.com/?newsid=7267> (дата обращения: 24.06.2015).

зинскими политиками, и их настрой всегда был положительным»¹, — утверждает китайский дипломат. Однако контуры пула тех стран, которые согласны присоединиться к китайской инициативе, все еще крайне аморфны и концептуально не обозначены, и о них пока можно лишь догадываться по официальным визитам, ряду уже подписанных торгово-экономических соглашений и совместных деклараций.

ГРУЗИНО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Китай был в числе тех государств, которые первыми признали независимость Грузии и установили с ней дипломатические отношения. Официально между КНР и Грузией они были установлены в июне 1992 г. подписанием соответствующего протокола. Все последующие годы политические связи этих двух стран стабильно развивались. Оба государства в рамках ООН и других международных организаций стараются по возможности наладить тесные контакты и проводить взаимные консультации. Грузия безусловно поддерживает политику «одного Китая» и позицию КНР по вопросам Тайваня, Тибета, «Восточного Туркестана». В Китае же, в свою очередь, выступают за целостность Грузии, а отношения с Абхазией и Южной Осетией считают ее внутренним делом [Ван, Ван 2008: 208]. В статье «Традиционная дружба между Китаем и Грузией укрепляется» глава МИДа КНР Ян Цзэчи особо подчеркнул, что китайская сторона намерена и в дальнейшем прилагать постоянные усилия для развития стабильного сотрудничества между Пекином и Тбилиси².

На фоне действительно безоблачных грузино-китайских политических отношений в 1999 г. в Тбилиси была создана Китайско-грузинская торгово-экономическая комиссия. В 2005 г. стороны уже зафиксировали достаточно высокий уровень взаимных контактов, что выразилось в подписании соглашения об отмене двойного налогообложения. Постепенно, но уверенно стал увеличиваться двусторонний торговый оборот. В 2010 г. обе стороны подписали межправительственное соглашение о технико-экономическом сотрудничестве.

Объем прямых китайских инвестиций в Грузию еще относительно невелик, однако он имеет постоянную и стабильную тенденцию к своему увеличению.

Важнейшим аспектом, который в корне отличает предоставляемую КНР донорскую помощь, является то, что страны-реципиенты для Китая — равноправные партнеры. При этом он никогда не вмешивается во внутренние дела получателей своей помощи и уважает выбранный ими путь развития [Потапенко 2014: 23].

Безусловно, это делает Пекин во всех отношениях привлекательным партнером.

¹ Юэ Бин: Концепция экономического пояса Шелкового пути Китая совпадает с национальной стратегией развития Грузии. URL: <http://newcaucasus.com/index.php?newsid=6895> (дата обращения: 24.06.2015).

² Традиционная дружба между Китаем и Грузией укрепляется — 15-я годовщина установления дипломатических отношений между странами. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/5840911.html> (дата обращения: 24.06.2015).

За первые три квартала 2014 г. Китай осуществил прямые инвестиции в Грузию на сумму 157 млн долларов¹. В результате Поднебесная стала главным инвестором в этой стране. Китайские компании осуществляют ряд важных строительных проектов. К числу наиболее успешных из них относят построенную в 2004 г. в Панкисском ущелье ГЭС «Кадули», а также деревоперерабатывающий завод возле Зугдиди [Доклады Российского...].

Грузинские бизнесмены приняли успешное участие в международной ярмарке «Китай—Евразия», которая открылась в сентябре 2012 г. в Урумчи (СУАР). Президент Торгово-промышленной палаты Грузии К. Баиндурашвили отметил, что для грузинских экспортеров китайский рынок приобретает все большее значение, и необходимо сделать еще очень многое, чтобы иметь возможность впредь работать на нем².

Советник посольства КНР в Грузии Лю Бо в интервью изданию «The Financial» сообщил, что в течение ближайших нескольких лет Китай предполагает инвестировать в Грузию порядка 1,7 млрд долларов. По его словам, «грузинское вино имеет огромный потенциал в Китае. В 2011 г. было экспортировано 580 тыс. бутылок вина, растет количество грузинских компаний, желающих освоить китайский рынок»³.

В декабре 2013 г. между правительствами Грузии и Китая было оформлено соглашение «Об экономическом и техническом сотрудничестве». Документ от лица Грузии подписал министр финансов Нодар Хадури, а от имени КНР посол этой страны Юэ Бинь. В частности, в рамках соглашения правительство Китая обязалось выделить около 4,9 млн долларов⁴. «Динамика двустороннего сотрудничества между Китаем и Грузией, — как утверждает посол Грузии в КНР Давид Апциаури, — развивается стремительно. Очень важно отметить визит министра сельского хозяйства КНР Хань Чанфу в Грузию в мае текущего (2015) года. Это был первый визит представителя правительства Китая такого ранга не только в Грузию, но и на Южный Кавказ. Был подписан документ по совместному плану действий в сфере сельского хозяйства. В настоящее время именно китайское направление является одним из приоритетных для грузинских виноделов. Так, продажи грузинского вина в КНР за 2014 г. выросли на 34%.

Важным событием стало и то, что в этом г. Грузия стала одним из учредителей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, который был создан в Китае в 2014 г. Его уставной капитал составляет 100 млрд долларов»⁵.

¹ Грузино-китайские отношения развиваются стабильно. URL: http://svobodnaya.info/index.php?option=com_content&view=article&id=6485:lr&catid=42:politics&Itemid=85VVzEQbmqqo#.V2xn7cd0PgI (дата обращения: 24.06.2015).

² В Тбилиси состоялся грузино-китайский бизнес-форум. URL: <http://russian.cri.cn/841/2012/05/10/1s426634.htm> (дата обращения: 24.06.2015).

³ Китай инвестирует в Грузию на сумму почти в 2 миллиарда долларов? URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/04/16/kitaj-investiruet-v-gruziju-na-summu-pochti-v2milliarda.html>. (дата обращения: 24.06.2015).

⁴ Правительство Китая выделит Грузии в виде гранта \$4.9 миллионов. URL: <http://www.apsny.ge/2013/pol/1387246130.php>.

⁵ Шелковый путь Грузии. URL: <http://newcaucasus.com/?newsid=7267> (дата обращения: 24.06.2015).

Действительно, как не без гордости сообщил Статистический департамент Грузии, за январь—июль 2014 г. объем экспорта из Грузии в Китай превысил сумму в 43 млн долларов, что на 11% больше, чем за январь—июль 2013 г.¹ В январе—феврале же 2015 г. объем экспорта из Грузии в КНР уже повысился на 271% и составил 4,5% от общего объема экспорта Грузии. Внешнеторговый оборот между этими странами за указанный период достиг более 112,2 млн долларов, что на 5,4% больше, чем в январе—феврале 2014 г.² Таким образом, Китай теперь уж твердо занял свое место среди основных торговых партнеров «Страны золотого руна», и едва ли впредь сдаст здесь свои позиции.

Однако одной из наиболее перспективных областей грузино-китайского сотрудничества все же представляется транспортная сфера. В 2010 г. китайская компания «China Sino-Hydro Corporation» и «China Railway 23rd Bureau Group» взяли на себя реконструкцию Рикотского тоннеля — стратегически важного для транспортной инфраструктуры Грузии узла, соединяющего восточную и западную части страны [Бабаян 2011: 86].

По некоторым данным, КНР также проявляет интерес к железнодорожному проекту Баку—Тбилиси—Карс, хотя до конкретных инвестиционных шагов с китайской стороны дело пока еще не дошло. Китай готов вложить еще многие сотни миллионов на развитие необходимых ему транспортных маршрутов. Его бизнесмены уже предпочитают работать сразу на двух основных направлениях. Первый путь лежит через Россию, второй же — через Казахстан, Азербайджан и Грузию.

Эксперты в Тбилиси полагают, что грузинские и азербайджанские ведомства должны работать более согласованно и синхронно, чтобы уже сегодня предложить Китаю наиболее выгодные для него условия сотрудничества. Как намечено, железнодорожная магистраль Баку—Тбилиси—Карс будет открыта уже в 2017 г., и этот маршрут сможет на 20—25 суток сократить время транспортировки китайских грузов в Европу. В Астане в 2014 г. было подписано важное соглашение о создании координационного комитета по организации маршрута Актау (Казахстан) — Баку (Азербайджан) — Батуми (Грузия)³. Таким образом, концепция «экономического пояса — нового Шелкового пути» как нельзя лучше совпадает с национальной стратегией правительства Грузии — сделать свою страну торговым перекрестком Евразии.

Как можно убедиться, грузинская сторона не сидит на месте и уже сегодня усердно трудится над скорейшим внедрением этих проектов. Тем более, что существует второй, альтернативный маршрут из Китая по направлению Европы через Казахстан и Россию. Если уж этот маршрут заработает много раньше, то Грузия рискует потерять свой уникальный шанс.

¹ Китай заинтересовался Грузией. URL: <http://www.politrus.com/2014/09/09/georgia-china-2> (дата обращения: 24.06.2015).

² В январе-феврале 2015 года объем экспорта из Грузии в Китай повысился на 271%. URL: <http://sputnik-georgia.ru/economy/20150331/217493960.html> (дата обращения: 24.06.2015).

³ Новый великий шелковый путь — какую он пользу принесет Грузии? URL: <http://kommersant.ge/old1/?menuid=91&id=14365&lang=3> (дата обращения: 12.01.2015).

В феврале 2015 г. в Тбилиси встретили первый товарный состав из Поднебесной. Его прибытие грузинская пресса уже поспешила назвать историческим событием. Почти 6 тысяч километров пути грузовой поезд преодолел всего за 9 суток. «Грузия станет своеобразным транзитным узлом. Именно с грузинских портов контейнеры будут продолжать путь в страны Европы. На первом этапе ожидается, что этим путем ежегодно из Грузии будет вывозиться 50—60 тысяч контейнеров, что безусловно положительно отразится на нашей экономике»¹, — заявил Мамука Бахтадзе, генеральный директор АО «Грузинская железная дорога».

В мае 2015 г. глава консорциума «Anaklia Eco Park and Port» Теймураз Карчава с рабочим визитом отправился в Пекин, где он заключил соглашение о стратегическом партнерстве с корпорацией «POWERCHINA». Прошли совместные консультации также с руководством «Фонда Шелковый путь», где были обговорены вопросы финансирования китайской стороной порта Анаклия, промышленного Эко-Парка, аэропорта и свободной экономической зоны, а также другой транспортной инфраструктуры².

Премьер-министр Грузии И. Гарибашвили в июне 2015 г. встретился с главой ПК ВСНП Ченг Чангчи. Визита представителей КНР на столь высоком уровне за последнее десятилетие в Грузии еще не наблюдалось. Обе стороны вновь особо подчеркнули значение для них стратегического проекта «Нового Шелкового пути». Представители КНР выразили готовность самого активного участия в «Форуме Шелкового пути», который намечено провести в октябре 2015 г. в Тбилиси³. Таким образом, уже невозможно обойти вниманием тот факт, что официальный Тбилиси со всей очевидностью добивается для себя статуса главного партнера Поднебесной на Южном Кавказе.

Подводя итоги исследования, вполне можно констатировать, что властям Грузии еще долго придется обращать свое особое внимание на развитие транзитно-сервисной функции своей страны. В связи с этим, видимо, им предстоит несколько переосмыслить и приоритеты внешней политики. Перед Тбилиси стоит нелегкая задача найти приемлемый модус-вивенди между прежней однозначной внешнеполитической ориентацией на ЕС и США и нынешним чрезвычайно активным своим участием в коммуникационных и геоэкономических проектах КНР. Кроме того, нынешние грузинские лидеры, в отличие от предыдущего руководства страны, уже пошли на некоторую модификацию своей внешнеполитической тактики. Прежняя стратегическая доктрина — вступление в НАТО и в ЕС — ныне видится

¹ Грузия встретила первый грузовой поезд из Китая. URL: <http://mir24.tv/news/economy/12137548> (дата обращения: 12.05.2015).

² Глава Anaklia Eco Park ведет переговоры в Китае по вопросу порта Анаклия. URL: <http://sputnik-georgia.ru/economy/20150530/227732058.html#ixzz3fzG6SVq2> (дата обращения: 24.06.2015).

³ Выросли китайские инвестиции в Грузию и экспорт грузинского вина в Китай. URL: <http://regnum.ru/news/1931696.html> (дата обращения: 24.06.2015).

им отнодь не через лобовую конфронтацию с Кремлем. Втягивание Грузии в новую фазу напряженного противостояния с северным соседом не позволит надеяться на стабильное выполнение этой страной взятых на себя важных функций транзитного коридора. Все это открывает перспективу сделать внешнюю политику Грузии более созвучной актуальным международным процессам.

В ближайшее десятилетие для нее наступает ответственный период, когда должны быть более отчетливо определены международные императивы этой кавказской страны. Тем более что есть некоторые основания предполагать, что в рамках стратегического партнерства Китая и России в обозримом будущем вполне может быть достигнуто паритетное соглашение между этими двумя державами о мультивекторной модели транспортировки товаров и ресурсов в рамках конвергенции Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) и «Экономического пояса Шелкового пути».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабаян Д. Некоторые аспекты политики КНР на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. Т. 14. Вып. 1. 2011. С. 82—93.

Ван Цзиньго, Ван Чжицзунь. ГУАМ и КНР // Центральная Азия и Кавказ (специальный выпуск). 2008. № 3—4. С. 196—210.

Де Ваал Т. Выбор Грузии: какой курс избрать в период неопределенности? / пер. с англ. яз. М. Коробочкина. М.: Центр Карнеги. 2011. 67 с.

Доклады Российского Института Стратегических Исследований (РИСИ). URL: http://www.riss.ru/upload/news/554/Reports%20of%20RISS_2012_1.pdf (дата обращения: 26.06.2015).

Маилян Б.В. Российско-грузинские отношения и вопрос членства Грузии в СНГ // Историко-культурные основы социально-политической модернизации. Сборник научных статей. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) Университет. 2012. С. 73—88.

Потапенко В.М. КНР как новый международный донор: особенности политики содействия международному развитию // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2014. № 1. С. 19—31.

Mailyan B. From the history of the formation of the post-Soviet foreign policy orientations of the ruling elite of Georgia: a retrospective look // Contemporary Eurasia: clash of political interests / ed. by professor R.A. Safrastyan. Vol. III (1). Institute of Oriental Studies Armenian National Academy of Sciences. Yerevan, 2014. P. 90—102.

Дата поступления статьи: 19.08.2015

Благодарности: Данная статья подготовлена при финансовой поддержке Российско-Армянского (Славянского) Университета в рамках проекта «Армяно-Китайских исследований».

Для цитирования: *Маилян Б.В.* Основные тенденции внешнеполитического курса Грузии и некоторые аспекты ее сотрудничества с Китайской Народной Республикой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 311—322.

MAIN TRENDS OF FOREIGN POLICY OF GEORGIA AND SOME ASPECTS OF ITS COOPERATION WITH THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

B.V. Mailyan

Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan, Armenia
National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia

The article considers the characteristics and key aspects of cooperation between Georgia and China. It celebrates the success of these countries in the institutionalization of economic contacts, which is the core of Beijing's initiative to form a pool of around his project «Economic Zone — the new Silk Road». At the same time it emphasizes that the potential for cooperation between the Georgian and Chinese sides only just gaining a positive momentum. Its rapid development in the near future promises to change the configuration of some of Georgia's foreign policy doctrine, which is now fixed focus exclusively on the Western community of nations. The country of the Golden Fleece clearly looking for themselves the status of the main partner of China in the South Caucasus region. The most active participation of the Georgian side in the implementation of China's geo-economic models in the already foreseeable future promises to the official Tbilisi to make the issue of accession of Georgia to NATO and the EU is not as relevant as it is today. Georgia's foreign policy strategy will be influenced by agreements signed in the framework of the strategic partnership between China and Russia on the multi-vector model of transportation of goods and resources within the framework of the convergence of the Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt.

Key words: Georgia, China, cooperation, transit corridor, alternative project, economic zone

REFERENCES

Babayan D., 2011. Nekotore aspekti politiki KNR na Kavkaze. *Central'naya Azia i Kavkaz*. [Some aspects of China's policies in the Caucasus. Central Asia and Caucasus]. Vol. 14. Iss. 1, pp. 82—93.

Doklady Rossiyskogo Instituta Strategicheskikh Issledovaniy (RISI) [Reports of the Russian Institute of Strategic Studies (RISS)] Available at: http://www.riss.ru/upload/news/554/Reports%20of%20RISS_2012_1.pdf (date of access: 26.06.2015).

De Waal T., 2011. *Vibor Gruzii: kakoy kurs izbrat' v period neopredelyonnosti?* [Georgia's Choices: Charting a Future for Georgia in Uncertain Times] / perevod s angl. yaz. M. Korobochkina. Moscow, Centre Carnegie, 67 p.

Mailyan B.V., 2012. Rossiysko-gruzinskiye otnosheniya i vopros chlenstva Gruzii v SNG. *Istoriko-kul'turniye osnovi social'no-politicheskoy modernizacii. Sbornik nauchnikh statey*. [Russian-Georgian relations and the issue of Georgia's membership in the CIS. Historical and cultural bases of social and political modernization. Collection of scientific articles]. Yerevan, Rossiysko-Armianskiy (Slavianskiy) Universitet, pp. 73—88.

Mailyan B., 2014. From the history of the formation of the post-Soviet foreign policy orientations of the ruling elite of Georgia: a retrospective look. *Contemporary Eurasia: clash of political interests* / ed. by professor R.A. Safrastyan, Vol. III (1), Institute of Oriental Studies Armenian National Academy of Sciences, Yerevan, pp. 90—102.

Potapenko V.M., 2014. KNR kak noviy meshdunarodniy donor: osobennosti politiki sodeystviya meshdunarodnomu razvitiyu. *Vestnik RUDN. Seriya Meshdunarodnie otnosheniya*. [China as a new international donor: features of the policy of international development assistance]. No. 1, pp. 19—31.

Van Czingo, Van Chshiczun, 2008. GUAM i KNR. *Central'naya Azia i Kavkaz* (special'niy vipusk). [GUAM and China. Central Asia and Caucasus (special issue)] no. 3—4, pp. 196—210.

Acknowledgments: This article was prepared with the financial support of the Russian-Armenian (Slavonic) University in the framework of the project “Armenian-Chinese studies”.

For citations: Mailyan B.V. Main trends of foreign policy of Georgia and some aspects of its cooperation with the People's Republic of China. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 311—322.

© Маилян Б.В., 2015

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КОСМОДРОМА «БАЙКОНУР»

Р.Е. Сагиндиков

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В данной статье анализируются приоритетные направления сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан в области исследований космического пространства. В частности, особое внимание уделяется совместному использованию уникального комплекса «Байконур». Показана ведущая роль России в подготовке собственной казахстанской космической программы. Все эти вопросы рассматриваются на основе анализа нормативно-правовой базы сотрудничества двух государств в области использования космодрома «Байконур». Одновременно исследуются проблемы, возникающие при реализации российско-казахстанского сотрудничества в освоении космического пространства, которые имеют практическое значение для освоения космоса как Российской Федерацией, так и Республикой Казахстан.

Особое внимание уделено проблеме экологической безопасности территории Республики Казахстан, связанной с эксплуатацией космодрома «Байконур». Отмечается, что Россия несет ответственность как запускающее государство в соответствии с Конвенцией о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г.

Анализируются также планы руководства России о возможном переносе запусков ракет на новые космодромы на российской территории, в частности на космодром Свободный («Восточный»), г. Плесецк Архангельской области и Капустин Яр Астраханской области. Указываются основные предложения казахстанской стороны в этой связи.

Ключевые слова: договор, сотрудничество в области использования «Байконура», космическое пространство, космодром «Байконур», космодром Плесецк, космические аппараты, ракета-носители, космический объект, Россия, космос, стратегическое назначение

Актуальность проблемы международного значения сотрудничества России и Казахстана по использованию космодрома «Байконур» неоднократно подчеркивалась в выступлениях Президента Российской Федерации и Президента Республики Казахстан, так как данный космодром имеет большое практическое значение для развития не только космоса, но и народного хозяйства обеих стран. В этой связи изучение ключевых проблем развития космодрома «Байконур» имеет, безусловно, актуальное значение.

Методологическими основами статьи являются принципы исторической науки: историзм, объективность, всесторонность изучения, достоверность, которые позволили видеть международные процессы в их реальном развитии и взаимосвязи, проводить всесторонний анализ и оценку конкретных фактов.

Были также использованы проблемно-хронологический, сравнительно-сопоставительный, компаративный и др. методы.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В настоящее время проблемы совместной деятельности Казахстана и России в использовании космодрома «Байконур» освещается в ряде работ отечественных исследователей, среди которых можно выделить работы: В.В. Тимофеева [Тимо-

феев 2011:148—151], М.П. Ненашева [Ненашев 2010:64—66], С.А. Герасютина [Герасютин 2015:92—92], Е.Д. Ареновой [Аренова 2012:67—76], Е.М. Крюковой [Крюкова 2014:32—43] и др.

Тема взаимоотношений России и Казахстана в разработке и реализации программ запуска космических аппаратов с космодрома «Байконур» разрабатывается также в работах: И.А. Баскаковой [Баскакова 2014:214—226], Т.Б. Андрусовой [Андрусова 2012:325—326], Л.Н. Сидоровой [2012:325—326], Е.Л. Фарафоновой [2012:325—326], В.А. Некрасовым [Некрасов 2007:137—158], В.Н. Сарапуловым [Сарапулов 2006].

Ряд работ посвящен совместной деятельности России и Казахстана в области экологической безопасности космодрома «Байконур». К ним можно отнести работы авторов: Т.В. Королева [Королева 2013:221—234], П.П. Кречетов [Кречетов 2013:221—234], В.Н. Сарапулов [Сарапулов 2006], О.В. Черницова [Черницова 2013:221—234], А.В. Шарапова [Шарапова 2013:221—234].

Цель статьи: на основе анализа и имеющихся российских и казахстанских источников обобщить международный опыт сотрудничества двух государств по использованию космодрома «Байконур».

Задачами исследования являются:

- выявить и проанализировать предпосылки сотрудничества России и Казахстана в области освоения космоса;
- вскрыть и исследовать имеющиеся трудности в использовании космодрома «Байконур» Россией и Казахстаном после распада СССР;
- рассмотреть экологическую безопасность в процессе освоения космического пространства и сделать соответствующие выводы;
- проследить и обосновать основные этапы сотрудничества России и Казахстана в области космоса.

ПРЕДПОСЫЛКИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В ОБЛАСТИ ОСВОЕНИЯ КОСМОСА

Как известно, в подписанном договоре между Российской Федерацией и Республикой Казахстан от 25 мая 1992 г. стороны договорились о сотрудничестве в области фундаментальных научных исследований, в которых приоритетная роль отводилась совместному использованию космического пространства на основе научно-технического потенциала космодрома «Байконур». Это было важным решением, так как после распада СССР и образования нового суверенного государства Казахстан изменилась ситуация и на космодроме. В частности, фактически подчиняясь военно-космическим войскам Российской Федерации, он юридически явился собственностью Казахстана [Герасютин 2015:92—92].

В этой связи между двумя государствами возникли проблемы, связанные прежде всего с тем, что у республики не было собственной космической программы, научно-технического персонала, необходимого финансирования для содержания уникального комплекса и т.д. Вследствие этих проблем Казахстан был вынужден сдать космодром в аренду Российской Федерации на 20 лет, которая в свою очередь, исходя из непростых переговоров с республикой, приняла решение

о строительстве собственного космодрома в районе города Плесецк. Однако реализация этой программы требовала длительного временного периода, больших финансовых вливаний и подготовки высококвалифицированных кадров [Аренова 2012:67—76]. А уникальность космодрома «Байконур» состояла в том, что с него можно было запускать все существующие типы ракет-носителей, да и по всем своим научно-техническим характеристикам он являлся единственным космодромом в мире [Баскакова 2014:214—226].

В свою очередь руководство Республики Казахстан начало подготовку с помощью Российской Федерации по созданию собственной космической программы. В частности, начал осуществляться договор от 25 мая 1992 г., в котором статья третья гласила, что «координацию научно-производственной деятельности по подготовке и реализации космических программ, а также использованию космических технологий в интересах науки и народного хозяйства осуществляют агентства космических исследований Республики Казахстан и Российское космическое агентство» [Мансуров 2001:466—467]. Этим самым был сохранен уникальный космодром, имеющий большое международное значение, с учетом того факта, что в современном мире космической проблеме придается исключительно важное значение.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что в настоящее время космическая отрасль является одной из наиболее приоритетных и наукоемких областей человеческой деятельности. Участие в космической деятельности в значительной мере определяет международный престиж любого государства, его экономическую и научно-техническую мощь. Многие важнейшие направления народного хозяйства, не говоря об экономических и военно-стратегических, становится уже немислимым без использования специальных космических систем. Их применение во многих случаях становится экономически значительно выгодным.

Современное развитие космической деятельности свидетельствует о стремлении большинства государств по усилению своего космического потенциала. Среди них почетное место занимают Российская Федерация и Республика Казахстан, которые имеют приоритетное значение в международной космической сфере. В частности, одним из важнейших приоритетов, например, для Казахстана является развитие сотрудничества с Российской Федерацией, предполагающее реализацию совместных космических проектов. Это позволило Казахстану совместно с Россией выйти на мировой рынок услуг по запускам космических аппаратов, создать технологическую базу для проектирования и изготовления элементов космических аппаратов и целевой бортовой аппаратуры, расширить эффективное участие казахстанских специалистов в эксплуатации объектов крупнейшего в мире космодрома «Байконур» [Сарапулов 2006].

В этой связи необходимо отметить, что в мировой практике отсутствует опыт аренды одним государством части территории другого государства, аналогичный практике аренды Российской Федерацией комплекса «Байконур». Россия и Казахстан создали необходимую правовую базу для эффективного развития международного космического права. Как отмечалось выше, в мае 1992 г. Российской Федерацией и Республикой Казахстан было заключено Соглашение о порядке ис-

пользования космодрома Байконур, а в 1994 г. подписано Соглашение об основных принципах и условиях использования этого космодрома. Позднее, 9 января 2004 г., было подписано в Астане Соглашение между двумя государствами о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур», в котором было зафиксировано продление срока его аренды. По соглашению от 23 декабря 1995 г. на период аренды казахстанский город Байконур был наделен статусом, соответствующим статусу российского города федерального значения, но с особым режимом функционирования объектов, предприятий и организаций, а также проживания граждан. Все вышеназванные соглашения явились началом формирования международно-правовой базы по космическому комплексу Байконур.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Актуальной остается проблема экологической безопасности территории Республики Казахстан, связанная с эксплуатацией данного космодрома, особенно с учетом того факта, что с «Байконура» осуществляется около 70% всех запусков российских космических аппаратов. В результате площадь районов падения отдельных частей занимает около 4 млн га, что чревато возможными взрывами и заражениями значительных территорий республики экологически вредными отходами ракетных двигателей. В частности, после заражения местности горючим несимметричным диметилгидразином (гептилом), используемым в ракета-носителях «Протон», их следы сохраняются в течение 80—100 лет [Кречетов 2013: 221—234].

В соответствии с Соглашением между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о порядке взаимодействия в случае возникновения аварий при пусках ракет с космодрома Байконур, подписанного в Астане 18 ноября 1999 г., стороны признали необходимость повышения уровня экологической безопасности ракетно-космической деятельности на территории Республики Казахстан с использованием, во-первых, модернизации эксплуатируемых и создания новых экологически более безопасных ракетно-космических комплексов на космодроме Байконур для последующего поэтапного сокращения эксплуатации ракет-носителей, использующих высокотоксичные компоненты ракетного топлива (амил, гептил); во-вторых, проведения совместных работ по обеспечению экологической безопасности и решению проблем охраны окружающей среды, связанных с осуществлением ракетно-космической деятельности и т.д.

Данное соглашение также устанавливало, что в случае аварии российская сторона приостанавливает пуски этих ракет до выяснения причин аварии, выясняет эти причины и разрабатывает мероприятия по обеспечению безопасности последующих пусков ракет этого типа. Дальнейшие их запуски согласовываются с казахстанской стороной. В результате этих мер начиная с 1999 г. Казахстан периодически приостанавливал полеты ракет типа «Протон» по причине аварий, повлекших серьезные экологические последствия. В частности, старты происходили: 1) 5 июля 1999 г. при запуске с космодрома «Байконур» военного спутника

«Радуга 1». Его запуск дважды переносился 6 и 7 мая из-за отклонения в работе системы управления нового разгонного блока «Бриз-М». Ракета со спутниками упала на территорию Казахстана, при этом произошел частичный разлив ракетного топлива. Казахстану российской стороной в счет компенсации ущерба от аварии было выплачено 270 тыс. долларов; 2) 7 октября 1999 г. во время пуска с Байконура ракеты-носителя «Протон-К» со спутником связи «Экспресс-А». На четвертой минуте полета произошло возгорание ракеты. Обломки носителя упали на территорию Казахстана; 3) 6 сентября 2007 г. ракета-носитель «Протон-М» с японским спутником связи стартовала с Байконура и на 139-й секунде полета на высоте 76 километров произошло возгорание ракеты и т.д. [Сарапулов 2006].

При этом необходимо отметить, что все вышеназванные аварии космических аппаратов не повлекли за собой жертв как со стороны Казахстана, так и со стороны России. Тем не менее, российская сторона, несмотря на это, строго придерживается выполнения договора аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 10 декабря 1994 г., в котором говорится, что в случае нанесения ущерба, связанного с деятельностью космодрома «Байконур» при выполнении российских космических программ, предусмотрено, что Россия несет ответственность как запускающее государство в соответствии с Конвенцией о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что данной конвенции 29 марта 2007 г. исполнилось 35 лет со дня ее подписания СССР, Великобританией и США. С ее принятием государства взяли на себя обязательства по возмещению материального ущерба, нанесенного территориям, имуществу или здоровью граждан той или иной страны в результате своей космической деятельности. Кроме этого, необходимость международного сотрудничества в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, желание разработать в отдельном международном документе права и обязательства, относящиеся к ответственности за ущерб, причиненных космическими объектами, и вызвали принятие данной Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами.

Конвенция состоит из 28 статей, в которых раскрывается содержание принципов международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. В ст. 1 раскрываются основные понятия, используемые в конвенции. Сравнивая ее с другими конвенциями, следует отметить, что понятийный аппарат рассматриваемой конвенции небольшой. Он включает всего четыре понятия: «запуск», «запускающее государство», «космический объект» и «ущерб».

Это обуславливается прежде всего основным принципом конвенции: во-первых, запускающее государство несет абсолютную ответственность за выплату компенсации за ущерб; во-вторых, оно ответственно также за причиненный космическим объектом ущерб на поверхности Земли или в полете. Так, статья 12 гласит, что компенсация, которую запускающее государство обязано выплатить на основании настоящей Конвенции за причиненный ущерб, определяется в соответствии с международным правом и принципами справедливости, с тем, чтобы

обеспечить возмещение ущерба физическому или юридическому лицу, государству или международной организации, от имени которых предъявляется претензия, положение, которое существовало бы, если бы ущерб не был причинен.

Конвенцией также подробно урегулированы условия ответственности запускающих космические объекты сторон. Государство, которому причинен вред, может предъявить претензию к запускающему государству.

В случае если вред нанесен запуском (или космическим объектом) международной организации, то государства — члены такой организации несут солидарную ответственность. Согласно нормам конвенции (ст. 5), когда два государства или более совместно производят запуск космического объекта, они несут солидарную ответственность за причиненный вред. В случаях материальной ответственности международных организаций следует исходить из того, что их средства складываются из взносов государств-членов. В практике наметилась тенденция сочетания материальной ответственности международной организации и государств. Здесь возможны два варианта: 1) установление солидарной ответственности организации и государств-членов; 2) установление ответственности самой организации.

В первом случае претензии об ответственности могут быть предъявлены как государствам-членам, так и организации. Во втором случае претензии предъявляются только организации, которая сама решает вопрос о распределении бремени ответственности между своими членами.

В Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, была установлена также солидарная ответственность, однако при соблюдении следующих условий: во-первых, любая претензия о компенсации за ущерб предъявляется в первую очередь международной организации, осуществляющей запуск объекта; во-вторых, если организация в течение шести месяцев не компенсировала суммы причиненного ущерба, то государство-истец может поставить вопрос об ответственности государств — членов организации.

Одним из важных моментов в конвенции явилось урегулирование рассмотрения споров. Так, в случае если стороны не пришли к договоренности через переговоры, то спор рассматривается специальной комиссией. В соответствии с конвенцией комиссия по рассмотрению споров состоит из трех членов: члена, назначаемого истцом, члена, назначаемого ответчиком, и председателя, которого стороны избирают совместно. В случае если сторона-ответчик будет уклоняться от назначения члена комиссии или председателя, то истец может обратиться к генеральному секретарю ООН с просьбой о назначении председателя.

Основываясь на нормах конвенции, комиссия определяет степень вины ответчика и размер причиненного ущерба. Решение комиссии является окончательным и пересмотру не подлежит.

Подводя итог по содержательной части Конвенции, следует отметить, что ее нормы отражают современные требования международного права и в настоящее время, и в будущем направлены на защиту потерпевших от ущерба в результате использования космических объектов, что в первую очередь касается Российской

Федерации и Республики Казахстан. В целом, Конвенция предусматривает эффективные правила и процедуры относительно ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами.

В последнее время в средствах массовой информации обсуждаются планы руководства России о возможном переносе запусков ракет на свои вводимые в действие новые космодромы, в частности на космодром Свободный («Восточный»), г. Плесецк Архангельской области и Капустин Яр Астраханской области. А «Байконур» еще какое-то время останется основным российским космодромом. В этой связи казахстанская сторона предлагает: во-первых, внести соответствующие изменения в двусторонние российско-казахстанские соглашения (договоры), основанные на принципах Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 1972 г.; во-вторых, требовать компенсации за фактически причиненный ущерб Казахстану не только от России, но и от любого из запускающих международных организаций и иностранных государств, которые несут солидарную ответственность на основании Конвенции о международной ответственности; в-третьих, для создания системы экологической безопасности территории Казахстана при эксплуатации ракетно-космических комплексов и для получения полной картины воздействия на экологическую систему Казахстана создать республиканский фонд «Экокосмос», в который направить средства от аренды космодрома Байконур, страховых поступлений, компенсации и т.д. Средства фонда прежде всего необходимо направлять на компенсационные выплаты жителям соответствующих проблемных территорий, проведение всесторонних химико-биологических, почвоведческих и санитарно-гигиенических исследований. Это позволит получить экологические данные территорий Казахстана, подверженных воздействию деятельности ракетно-космических комплексов, разработать программы постоянного экологического мониторинга исследуемых районов, выработать меры по реабилитации загрязненных территорий, разработать и утвердить макет экологических паспортов районов падения отделяющихся частей ракет-носителей.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В ОБЛАСТИ КОСМОСА

Кроме этого, Российской Федерации совместно с международными организациями и иностранными государствами, которые несут солидарную ответственность, рекомендуется предусмотреть меры по страхованию рисков и ответственности в пользу Казахстана в международных страховых организациях, таких как Международный союз авиастроителей, Британский институт страхования, Российская ассоциация авиационных и космических страховщиков, Мировой рынок перестрахования, Страховая корпорация и т.д. на сумму не менее 500 млн долларов США по каждому страховому случаю, связанных с осуществлением Российской Федерацией космической деятельности на любом из ее этапов, в том числе:

— на этапе доставки космической техники на территорию космодрома Байконур;

- на этапе предполетной подготовки космической техники, включая проведение проверок и испытаний на территории Байконура;
- на этапе запуска и выведения космической техники на орбиту, включая период ввода ее в эксплуатацию на территории Байконура и территории, отведенной под районы падения отделяющихся частей ракет-носителей;
- на этапе эксплуатации космической техники по целевому назначению;
- на этапе спуска космического аппарата или его элементов после завершения орбитального полета на территорию РК, отведенную под районы спуска космического аппарата, и т.д.

В соответствии с Законом США «О коммерческих запусках» лицензиат, т.е. сторона, имеющая лицензию на проведение запуска, должен представить документы — сведения о денежных средствах, депонированных в банке, или страховой полис, гарантирующие возмещение ущерба перед третьими лицами в размере от 164 до 215 млн долларов в зависимости от используемого средства старта ракеты. Если ущерб превышает размер данного обеспечения, Правительство США гарантирует возмещение ущерба до 1,5 млрд долларов сверх него. Кроме того, лицензиат обязан застраховать объекты и оборудование стартового комплекса, являющиеся федеральной собственностью Правительства США, на сумму порядка 80 млн долларов. Размеры страховых сумм при страховании запуска колеблются в пределах 80—250 млн долларов в зависимости от орбитального аппарата и средств выведения [Некрасов 2007:137—158]. Страхование космических рисков при орбитальном функционировании космических аппаратов проводится в основном сроком на один год. В объем покрытия может быть включен предпринимательский риск собственника космического проекта (финансовые потери в случае гибели, повреждения спутника на орбите, повлекшего за собой невозможность функционирования по целевому назначению).

Сотрудничество России и Казахстана в области использования космодрома «Байконур» развивалось позитивно и после распада СССР. Об этом свидетельствует ряд основополагающих документов о развитии космического сотрудничества двух государств не только в настоящее время, но и в перспективе, о чем неоднократно также отмечалось в выступлении Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андрусова Т.Б., Сидорова Л.Н., Фарафонтowa Е.Л. Проблемы правового статуса комплекса «БАЙКОНУР» // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. Т. 2. № 8, сс. 325—326.

Андрющенко С.Н. От «Байконура» до «Восточного» (Космодромы России: историко-политический аспект) // Космодром «Восточный» — будущее космической отрасли России материалы II всероссийской научно-практической конференции. Редакционная коллегия: Сергиенко Ю.П., Чмаров К.В., Пузанов А.В. 2013, сс. 23—29.

Аренова Е.Д. Особый правовой статус комплекса «Байконур» в свете сотрудничества Казахстана и России в сфере космической деятельности // Международно-правовые вопросы освоения космоса материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. М., 2012, сс. 67—76.

Баскакова И.А. Байконур: проблемы и перспективы российско-казахстанского сотрудничества в космической сфере // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 18 (140), сс. 214—226.

Герасютин С.А. Вехи истории Байконура (К 60-летию космодрома) // К.Э. Циолковский и этапы развития космонавтики. Материалы 50-х Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Ответственные за выпуск: Н.А. Абакумова, Г.А. Сергеева, Л.Н. Канунова. Калуга, 2015, сс. 92—95.

Королева Т.В., Кречетов П.П., Черницова О.В., Шаранова А.В. Экологический мониторинг космодрома Байконур // Естественные и технические науки. 2013. № 6 (68), сс. 221—224.

Космодром Плесецк. Экологические проблемы космодрома Плесецк. М., 2010.

Крюкова Е.М. Особенности финансирования инфраструктуры моногорода Байконур (Республика Казахстан) из федерального бюджета Российской Федерации // Социальная политика и социология. 2014. № 4 (105), сс. 32—43.

Любецкий А.В., Сафронов В.В. Космодром «Байконур» в системе международного права // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2010. Т. 2. № 6, сс. 337—338.

Мансуров Т.А. Казахстанско-российские отношения в эпоху перемен 1991—2001. М.: Реал-Пресс, 2001, сс. 466—467.

Некрасов В.А. Правовое регулирование на комплексе «Байконур» и территориях, имеющих особый режим функционирования // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2007. № 3 (29). сс. 137—158.

Ненашев М.П. Россия заинтересована в Байконуре // Вестник актуальных прогнозов. Россия: третье тысячелетие. 2010. № 23, сс. 64—66.

Порошков В.В. Ракетно-космический подвиг Байконура (хронологическое, документальное, иллюстрированное историческое исследование). М., 2007.

Сарапулов В.Н. Вопросы Взаимодействия между федеральным космическим агентством, администрацией города Байконур и Министерством обороны РФ. Набережные Челны. 2006.

Сарапулов В.Н. Правовые основы развития космодрома «Байконур». Набережные Челны, 2006.

Сарапулов В.Н. Проблемы обеспечения безопасного функционирования космодрома «Байконур». Набережные Челны, 2006.

Сарапулов В.Н. Угрозы экологической безопасности комплекса «Байконур». Набережные Челны, 2006.

Тертышников А.В. Результаты эксперимента по диагностике состояния ионосферы над Байконуром по сигналам глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС/GPS // Гелиогеофизические исследования. 2012. № 1, сс. 61—68.

Тимофеев В.В. Проблемы правового регулирования деятельности администрации города Байконура в условиях аренды Российской Федерацией комплекса «Байконур» // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3, сс. 148—151.

Дата поступления статьи: 19.08.2015

Для цитирования: Сагиндигов Р.Е. Международное значение сотрудничества России и Казахстана по использованию космодрома «Байконур» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 323—333.

INTERNATIONAL IMPORTANCE OF COOPERATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN USE OF “BAIKONUR” COSMODROME

R.E. Sagindikov

Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia

This article analyzes the priority directions of cooperation between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the field of space exploration. In particular, special attention is paid to the sharing of the unique complex “Baikonur”. Shown the leading role of Russia in the training of Kazakhstan's own space program. All these issues are discussed on the basis of normative-legal base of cooperation between the two countries in the field of use of cosmodrome “Baikonur”. Simultaneously analyzes the problems arising in the implementation of the Russian-Kazakh cooperation in space exploration which have practical importance for space exploration as the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Particular attention is paid to the problem of ecological safety in the Republic of Kazakhstan related to the operation of the cosmodrome “Baikonur”. It is noted that Russia is responsible as the launching State, in accordance with the The Convention on International Liability for Damage Caused by Space Objects of 1972.

Russian plans about the possible transfer of missile launches for new spaceports in the Russian territory, in particular to the launch site Vostochniy, to Plesetsk in Arkhangelsk region and to Kapustin Yar, Astrakhan Region are analyzed. The main proposals of the Kazakh side in this regard are also discussed.

Key words: contract, cooperation in the field of “Baikonur” space, “Baikonur” cosmodrome, Plesetsk, spacecraft, launch vehicles, space object.

REFERENCES

- Andrusova T.B., Sidorova L.N., Farafontova E.L., 2002. Problemy pravovogo statusa kompleksa «BAJKONUR» [The legal status of BAIKONUR complex]. *Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavтики*, no. 8, pp. 325—326.
- Andrjushhenko S.N., 2013. Ot «Bajkonura» do «Vostochnogo» (Kosmodromy Rossii: istoriko-politicheskij aspekt) [From the "Baikonur" to "East" (Spaceports of Russia: historical and political aspect)]. *Kosmodrom «Vostochnyj» — budushhee kosmicheskoy otrasli Rossii materialy II vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ed. by: Sergienko Ju.P., Chmarov K.V., Puzanov A.V., pp. 23—29.
- Arenova E.D., 2012. Osobyj pravovoj status kompleksa «Bajkonur» v svete sotrudnichestva Kazahstana i Rossii v sfere kosmicheskoy dejatel'nosti» [Special legal status of the complex “Baikonur” in light of cooperation of Kazakhstan and Russia in the field of space activities]. *Mezhdunarodno-pravovye voprosy osvoenija kosmosa materialy kruglogo stola X ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava», posvjashhennoj pamjati professora I.P. Blishhenko*, Moscow, pp. 67—76.
- Baskakova I.A., 2014. Bajkonur: problemy i perspektivy rossijsko-kazahstanskogo sotrudnichestva v kosmicheskoy sfere [Baikonur: problems and prospects for Russian-Kazakh cooperation in the space sphere]. *Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, Moscow, no. 18 (140), pp. 214—226.
- Gerasjutin S.A., 2015. Vehi istorii Bajkonura (K 60-letiju kosmodroma) [History of Baikonur]. *K.Je. Ciolkovskij i jetapy razvitiya kosmonavтики. Materialy 50-h Nauchnyh chtenij pamjati K.Je. Ciolkovskogo*. Ed.: N.A. Abakumova, G.A. Sergeeva, L.N. Kanunova, Kaluga, pp. 92—95.

Koroleva T.V., Krechetov P.P., Chernicova O.V., Sharapova A.V., 2013. Jekologicheskij monitoring kosmodroma Bajkonur [Ecological monitoring of Baikonur cosmodrome]. *Estestvennyye i tehniicheskie nauki*, Moscow, no. 6 (68), pp. 221—224.

Kosmodrom Pleseck. Jekologicheskie problemy kosmodroma Pleseck [The Plesetsk Cosmodrome. Environmental problems of the cosmodrome Plesetsk]. Moscow, 2010.

Krjukova E.M., 2014. Osobennosti finansirovaniya infrastruktury monogoroda Bajkonur (Respublika Kazahstan) iz federal'nogo bjudzhetta Rossijskoj Federacii [Features of infrastructure financing company towns Baikonur (Republic of Kazakhstan) from the Federal budget of the Russian Federation]. *Social'naja politika i sociologija*, Moscow, no. 4 (105), pp. 32—43.

Ljubeckij A.V., Safronov V.V., 2010. Kosmodrom «Bajkonur» v sisteme mezhdunarodnogo prava [The cosmodrome “Baikonur” in the system of international law]. *Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavtiki*. Vol. 2, no. 6, pp. 337—338.

Mansurov T.A., 2011. *Kazahstansko-rossijskie otnoshenija v jepohu peremen 1991—2001* [Kazakhstan-Russia relations in an era of change 1991—2001]. Moscow, pp. 466—467.

Nekrasov V.A., 2007. Pravovoe regulirovanie na komplekse «Bajkonur» i territorijah, imejushhiih osobyj rezhim funkcionirovaniya [Legal regulation of the complex “Baikonur” and the territories with special regime of functioning]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii*, St. Petersburg, no. 3 (29), pp. 137—158.

Nenashev M.P., 2010. Rossiya zainteresovana v Bajkonure [Russia is interested in Baikonur]. *Vestnik aktual'nyh prognozov. Rossiya: tret'e tysjacheletie*, Moscow, no. 23, pp. 64—66.

Poroshkov V.V., 2007. *Raketno-kosmicheskij podvig Bajkonura» (hronologicheskoe, dokumental'noe, illjustrirovannoe istoricheskoe issledovanie)* [Rocket and space feat Baikonur (chronological, documentary, illustrated historical study)]. Moscow.

Sarapulov V.N., 2006. *Voprosy Vzaimodejstvija mezhdu federal'nym kosmicheskim agentstvom, administraciej goroda Bajkonur I Ministerstvom oborony RF* [Issues of cooperation between the Federal space Agency, administration of Baikonur and the Ministry of Defence of the Russian Federation]. Naberezhnye Chelny.

Sarapulov V.N., 2006. *Pravovye osnovy razvitiya kosmodroma “Bajkonur”* [The legal basis for the development of the cosmodrome “Baikonur”]. Naberezhnye Chelny.

Sarapulov V.N., 2006. *Problemy obespechenija bezopasnogo funkcionirovaniya kosmodroma “Bajkonur”* [Problems of ensuring safe operation of the cosmodrome “Baikonur”]. Naberezhnye Chelny.

Sarapulov V.N., 2006. *Ugrozy jekologicheskoy bezopasnosti kompleksa “Bajkonur”* [Threats to environmental safety of the Baikonur complex]. Naberezhnye Chelny.

Tertyshnikov A.V., 2012. Rezul'taty jeksperimenta po diagnostike sostojanija ionosfery nad Bajkonurom po signalam global'nyh navigacionnyh sputnikovyh sistem GLONASS/GPS [The results of the experiment on diagnostics of the ionosphere over the region of signals of global navigation satellite systems GLONASS/GPS]. *Geliogeofizicheskie issledovanija*, Moscow, no. 1, pp. 61—68.

Timofeev V.V., 2011. Problemy pravovogo regulirovaniya dejatel'nosti administracii goroda Bajkonura v uslovijah arendy Rossijskoj Federaciej kompleksa «Bajkonur» [Problems of legal regulation of activity of a city administration of Baikonur in terms of the lease by the Russian Federation of the Baikonur complex]. *Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta*, Vladimir, no. 3, pp. 148—151.

For citations: Sagindikov R.E. International importance of cooperation of Russia and Kazakhstan in use of “Baikonur” cosmodrome. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 323—333.

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

РОССИЯ — АФРИКА: КЛОНДАЙК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Интервью с доктором экономических наук, профессором, заместителем директора по научной работе Института Африки РАН, заведующим Центром глобальных и стратегических исследований Л.Л. Фитуни

Фитуни Леонид Леонидович родился 27 сентября 1953 г.; окончил МГИМО МИД СССР в 1975 г., доктор экономических наук, профессор. Возглавляет Центр стратегических и глобальных исследований Института Африки РАН. Автор 18 книг и около 300 статей, владеет английским, французским, арабским языками. Интервью с доктором экономических наук, профессором Л.Л. Фитуни посвящено наиболее актуальным вопросам российско-африканских отношений, а также ключевым особенностям взаимодействия в исторической ретроспективе.

По мнению Леонида Леонидовича, нельзя сказать, что эти отношения находятся на пике своего развития, тем не менее в последнее десятилетие можно проследить определенный подъем.

В интервью с профессором также затрагиваются темы списания Россией африканским странам их долгов и присутствие отечественного бизнеса на континенте. Л.Л. Фитуни подробно останавливается на экономическом потенциале африканских государств и перспективах сотрудничества с Россией.

Особое внимание уделяется мировым научным школам африканских исследований и подготовке кадров в этой области, в том числе отечественной школе африканистики.

Ключевые слова: Африка, африканистика, российско-африканские отношения, Институт Африки РАН

Отношения между Россией и Африкой насчитывают несколько веков. Например, с такими государствами, как Эфиопия, Марокко, ЮАР, Россия поддерживает отношения еще с XIX в. На каком этапе находятся эти отношения в настоящее время? И как эти отношения сказываются на развитии сотрудничества России со странами Африки?

Л.Ф.: Конечно, приятно рассуждать о «многовековой» истории российско-африканских политических, экономических и культурных связей, но на самом деле в XVIII—XIX вв. имели место главным образом эпизодические контакты. Африка традиционно пребывала вне плоскости основных интересов Державы Рос-

сийской. Сведения о контактах той поры скудны и переплетены с мифами, а историки в угоду политической моде или собственным идейным установкам нередко весьма произвольно интерпретируют мотивы и даже реальные факты — будь то история так и не реализованной экспедиции вице-адмирала Вильстера, посланной в 1723 г. Петром I на Мадагаскар, или куда более близкие современному россиянину загадки африканских корней А.С. Пушкина.

Что касается сегодняшнего этапа, то нельзя сказать, что в наши дни российско-африканские отношения находятся на высшей точке своего развития. Она была пройдена где-то в промежутке между 1975 и 1985 г. Советский Союз был тогда одним из двух наиболее могущественных государств в мире. Он и США именовались сверхдержавами. Считалось, что у них по определению должны были быть интересы во всех регионах мира. И действительно, эти интересы были не просто номинальными, но и вполне реальными: и экономические, и геополитические.

В тот период Африка была нашим активным партнером, сферой распространения наших идей, регионом, где умело сочетались экономическое сотрудничество, поставки вооружений, идеологическая экспансия и реальная побеждающая в конкуренции с Западом советская «мягкая сила». С тех пор, к сожалению, ситуация несколько перешла в неблагоприятную плоскость, поскольку, начиная с 1990 г. почти до начала 2000 г., в России наступило затишье в международных отношениях с африканскими странами. Причем «затишье» — это мягкое слово. По сути, тогдашнее внешнеполитическое руководство (речь идет прежде всего о конце 1980-х и большей части 1990-х гг.) исходило из того, что «Африка нам не нужна». И мы ушли оттуда. Утратили многие свои довольно сильные позиции, фактически бросив своих верных союзников, которые могли бы продвигать наши экономические и стратегически важные интересы по сей день.

Сегодня мы видим, что внешняя политика лидеров той поры была недалеконезримой. Ссылки на то, что наши возможности были ограничены, не вполне корректны, поскольку и при ограниченных возможностях у нас были благоприятные перспективы для сохранения пусть не всего достигнутого, но хотя бы ключевых и значимых завоеваний. Однако и эти позиции были сданы.

Снова интерес проснулся только к началу 2000-х гг. Мощными стимулами к развитию связей послужили официальные визиты в страны Африканского континента Президентов РФ — В.В. Путина в 2005, 2006, 2013, 2015 г., Д.А. Медведева в 2009 и 2010 г. Сегодня мы видим определенный подъем этих отношений. Более того, я бы даже сказал, что после определенного глобального переформатирования геополитической ситуации в последние несколько лет интерес к Африке наблюдается все активнее. И наблюдается даже в тех кругах, которые не так давно скептически смотрели на этот континент.

Здесь я имею в виду наш российский частный бизнес. На сегодняшний день африканский континент — это регион, который дает самую высокую норму прибыли на вложенный капитал в сравнении со всеми другими регионами мира. Хотя, с другой стороны, понятно, что высокая норма прибыли — это и высокие риски. Видимо, поэтому наш бизнес туда особо не стремился.

Сейчас в этом направлении произошли определенные сдвиги, которые прежде всего проявились в позитивной и стимулирующей роли государства. Но этого недостаточно. Хотя Россия и продекларировала политический интерес к развитию отношений с африканскими странами, и в скором времени, я думаю, мы увидим определенный подъем, до возвращения к позициям Советского Союза 1975—1985 гг. идти еще очень долго и сложно. Потому что успехи на внешних рынках возможны только при условии достижений в области внутренней экономики нашей страны.

Большие споры в российском обществе вызывает тема списания долгов развивающимся странам, в том числе африканским. Скажите, пожалуйста, в каких случаях возможен перевод долгов в инвестиции, и можно ли привести такого рода примеры?

Л.Ф.: В России и журналисты, и политики довольно часто говорят о списании долгов, и вопрос этот вызывает у них, так сказать, противоречивые, чаще негативные, эмоции. Но давайте смотреть на проблему реально: действительно, Российская Федерация списала значительную часть долгов, однако это было уже давно, более 10 лет тому назад.

К настоящему времени нами уже списана основная задолженность африканских государств — это более 20 млрд долларов США. В рамках схемы «долг в обмен на развитие» подписаны двусторонние межправительственные соглашения с Замбией и Танзанией об использовании задолженности на финансирование проектов развития. Ведется подготовка к подписанию соответствующих документов с Бенином, Мозамбиком и Эфиопией.

Основной долг африканским странам на сумму более \$20 млрд Россия списала в рамках Инициативы по беднейшим странам с большой задолженностью (НПС). Здесь, конечно, было проявление нашей доброй воли, естественно, без нее ничего бы не произошло. Но это не только вопрос щедрости и, так сказать, альтруистического поведения. В определенной степени это было ценой за вступление в Парижский и в Лондонский клубы кредиторов, ценой участия в группе G-8, по сей день позиционирующей себя в качестве элитного клуба ведущих стран мира. Сегодня позолота этого идола несколько «пооблупилась», появились альтернативные влиятельные объединения. Но дело сделано.

Второй момент — надо признать, что к 1998 г. большая часть африканского долга, да и долга многих других развивающихся стран, Советскому Союзу была уже утрачена. По независимым оценкам, в 1960—1980-е гг. СССР оказал Африке помощь на \$60—150 млрд. Однако в 90-е гг. дружественные отношения между Россией и африканскими странами были подорваны. В то смутное время значительная часть национального богатства России перетекла за рубеж по непрозрачным схемам. Судьба российских долговых требований (не только на страны Африки) не стала исключением. Значительная их часть «усохла», часть была конвертирована в частные состояния через сомнительные схемы при посредничестве еще более сомнительных личностей. Не секрет, что в этом принимали участие даже отдельные высокопоставленные чиновники.

Африканские долги СССР продавались за гроши на вторичных финансовых рынках. Чиновники получали откаты, предприниматели конвертировали национальные валютные требования в свой доход через залоговые и другие инструменты. В ряде случаев в рамках таких схем за один доллар наших требований на африканскую страну платили 3—5 центов. И это при том, что в этот же период, если посмотреть на публикации котировок тех лет, то средние цифры, даже по кризисным странам, были вдвое, а то и втрое выше.

Понятное дело, что в условиях хаотичного становления рыночной экономики в России 90-х гг., действительно, какая-то «скидка» на российские требования делалась. Видимо, реальные платежи за долг были и повыше, чем фигурировало в официальных бумагах, а разница шла в чей-то карман, и кто-то потом становился крупным предпринимателем, банкиром или кем-то еще очень уважаемым.

Даже если считать, что напрямую украли лишь небольшую часть долга (а были случаи, когда соответствующая документация просто исчезала), все равно разворовывание нанесло куда больший ущерб, чем списание долгов. От списания был толк в обретаемом политическом капитале, в укреплении отношений с африканскими странами, в открытии новых перспектив сотрудничества. От воровства — только рост коррупции и экономической преступности.

Важный момент — списание долгов на самом деле открывало определенные возможности для наших новых экономических предприятий, инвестиций и сотрудничества с государствами африканского континента, но опять-таки придется оговориться, что многое из того, что задумывалось, в жизни реализовано все равно не было. В политическом смысле у России очень большая инерция, и не только в чиновничьем аппарате, но и в нашем предпринимательском классе. Очень большое стремление быстрой выгоды — получить сегодня все сразу. Все это тормозит нормальный ход экономических отношений. Наш предприниматель ленив и неповоротлив, он все время чего-то требует от государства, правительства, но если благодаря такой поддержке чего-то заработает, забывает поделиться с обществом.

Тогда, может быть, выход кроется в разработке конверсионных схем перевода долгов в инвестиции?

Л.Ф.: К сожалению, на сегодняшний день я пока не могу привести полноценных позитивных примеров эффективности этих соглашений, хотя у нас такие схемы уже обкатывались и формально существуют в отношениях с Эфиопией, Мозамбиком, Бенином.

Да, мы готовы, да, мы предлагаем, мы что-то подписываем, но тут выясняется, что наши собственные возможности не столь широки — у нас очень высокая степень рассогласованности основных составляющих экономического сотрудничества. В развивающейся стране, как правило, острая нехватка свободных инвестиционных средств. Африканская сторона, допустим, предлагает: «Давайте вы, например, поставьте нам трактора или постройте завод по производству какого-нибудь оборудования, а мы в обмен дадим возможность добывать платину, уран, ну или что-то попроще — медь, марганец или что-нибудь еще». На что российский частный предприниматель, который продает трактора, говорит: «А зачем мне ваша

шахта? Мне нужны „живые“ деньги в обмен на поставленный товар. Я бизнесмен, продавец товара, но не добытчик сырья». В советское время этот вопрос решался довольно просто: у нас была такая вещь, как монополия внешней торговли и банковская монополия. На внешний рынок выходить могло только государство или юридические лица, уполномоченные на то государством.

Вполне возможно, что в этой ситуации государство могло сказать: «Да! Очень просто — давайте я на государственном заводе „Х“ возьму трактора, а отечественным предприятиям, которым нужны бокситы или что-то еще, в обмен поставлю нужное, полученное от африканских партнеров сырье. Вопрос урегулирования отношений между ними я возьму на себя».

Сегодня этого нет. После распада Советского Союза была провозглашена общая тенденция — «меньше участия государства в экономике». Любая попытка вмешательства государства как регулятора рыночных отношений вызывает негативную реакцию общественности и средств массовой информации. Пока что эта ситуация почти что неразрешима, сейчас на африканском рынке работают только крупные российские предприятия, такие как ГК «РУСАЛ», группа предприятий «Ренова», «Лукойл», «Газпром» и «Роснефть». О малом, среднем бизнесе и индивидуальных предпринимателях, которые там масштабно развернули свою деятельность, говорить несерьезно. Поэтому я бы сказал, что в экономической сфере у нас проблем достаточно много. Все это так, но нельзя и принижать роль названных гигантов отечественной экономики в хозяйственном освоении Африки в национальных интересах России. Они на практике делают очень много для развития российско-африканских связей.

Говоря об истории успешного взаимодействия СССР—Африка, давайте поговорим о перспективе «прорывных моментов» российско-африканского сотрудничества. На чем оно основано сегодня?

Л.Ф.: В первой половине текущего года было создано объединение «Российско-Африканская Инициатива»¹, одним из создателей ее является Институт Африки РАН. В ней участвуют не только академические структуры, но и в первую очередь участвует российский капитал — компании, которые имеют или собираются иметь экономические интересы на африканском континенте. Это начинание приобретает звучание. Данная инициатива разработана совместно Институтом Африки РАН и московским офисом SPB при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации. Целью инициативы является объединение ключевых представителей крупных российских корпораций, правительства и академических сообществ в рабочей группе, которая сосредоточится на оказании помощи российским компаниям в работе на африканском континенте, как в эксклюзивном порядке, так и в комплексных проектах международного уровня.

В этом году на Петербургском экономическом форуме, который недавно завершился, была специальная секция по Африке, и в ее работе принял участие

¹ Африканская деловая инициатива. — URL: <http://www.inafran.ru/node/1102>.

Президент Гвинеи Альфа Конде. Владимир Путин встретился с ним. Российский Президент отметил, что отношения между нашими странами развиваются весьма позитивно и контакты между нашими ведомствами иностранных дел показывают, что «наши мнения по ситуации в Африке, на международной арене в значительной степени совпадают». Также Президент России Владимир Путин отметил: «Мы будем поддерживать и содействовать реализации этих планов»¹.

В целом он отметил позитивный характер российско-гвинейских отношений, а также указал на тенденцию роста двусторонних экономических связей. По словам Путина, в минувшем году российско-гвинейский товарооборот увеличился в 2,2 раза. Кроме того, Путин назвал Гвинею давним и надежным партнером России в Африке. Главы государств озвучили сходную идею создания российско-африканского форума.

Пока мы не будем говорить о его наполнении, но какие-то идеи уже видны, очевидно, что такая структура необходима. В свое время, в том числе и наш институт под эгидой МИДа и других организаций Советского Союза, проводил раз в два года крупные российско-африканские конференции, на которые приезжали и президенты, и премьер-министры, и просто министры африканских государств. Это тоже был элемент воздействия нашей «мягкой силы» на континент, на развитие российско-африканского сотрудничества. И главное, — это встречало понимание и интерес среди африканцев. Сейчас, встречаясь с послами африканских стран, мы слышим, что они в один голос говорят: «Когда вы вернетесь в Африку? Африке нужна Россия! Нужна по многим причинам. Она нужна как демократическая альтернатива в современном развитии геополитического и экономического мироустройства, потому что уже невозможно существовать только в условиях, соизмеряемых с желаниями и требованиями крупных экономик США или Китая. Нужна третья опора, „тренога“. Это, в конце концов, более устойчивая конструкция, чем табуретки с двумя ножками. Нам нужен еще один крупный партнер — Россия, с которым Африка могла бы сотрудничать».

Среди прочих условий для этого у нас есть очень важный момент — во многих африканских странах на высоких должностях государственного управления сохраняется большое число выпускников советских вузов. В том числе и Российского университета дружбы народов. Сегодня эти люди достигли пика своей карьеры, они обладают колоссальным опытом и фундаментальными знаниями, у них хорошие воспоминания о Советском Союзе, у них в основном, как у любого зрелого человека, радужные воспоминания о своей юности. Они открыты. Они готовы общаться.

Не так давно я был на деловой встрече в посольстве Ганы. Президент Ганы заканчивал МГУ. Посол Ганы в Москве учился на Украине, когда Украина была еще Советской республикой. Рядом был представитель «Ghana Cocoa Board», ком-

¹ Президент отметил позитивный характер российско-гвинейских отношений. URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3371326> (дата обращения: 16.06.2016).

пании, можно сказать, по значимости для ганской экономики — аналога российского Газпрома. Он окончил Витебский технологический институт. Они все говорят по-русски, они хотят развивать отношения. Они удивляются и не понимают, как Россия, являясь третьей страной по ежегодному подушевому потреблению шоколада (который делается из плодов какао), имеет всего одного импортера сырья в Гане, стране, которая является одним из главных мировых производителей этой культуры? Все остальные российские производители покупают сырье через посредников в Швейцарии либо в Голландии вместо того, чтобы напрямую более дешевое и более качественное сырье для своих производств закупать в африканской стране. Эти проблемы надо преодолевать, несмотря на то, что здесь есть много субъективных моментов, которые сдерживают наших предпринимателей.

Когда все-таки Россия перейдет к долговременному сотрудничеству с Африкой?

Л.Ф.: Думаю, долговременное сотрудничество уже началось, просто мы сейчас находимся в начале пути. К сожалению, есть много внешних факторов, которые этому препятствуют, когда порой решение того или иного вопроса зависит от конкретного человека. У россиян сохраняется определенный стереотип в отношении Африки, что это дикий и отсталый регион, он никому не нужен. Кто-то возвеличивает Западную Европу, кто-то Америку, кто-то Китай, а Африку списывают со счетов. Она выпадает из поля приоритетов. Но это на самом деле не так.

Африка — самый быстрорастущий континент. Если смотреть на реальные цифры, то начиная с 2000-х гг., начиная с нынешнего тысячелетия, нынешнего века, это континент с самыми высокими годовыми темпами роста ВВП. Если брать ежегодный прирост, то он превышает даже страны с быстрорастущими экономиками дальневосточного региона, такими как Китай. Но, понятное дело, не все африканские страны находятся в этом положении, и понятно, что здесь действует так называемый эффект низкой базы, потому что когда экономика маленькая, то каждый следующий прирост будет очень большим.

Так или иначе, но Африка достаточно успешно преодолела мировой экономический кризис 2008—2010 гг., когда почти все развитые экономики мира пережили падение. Африканская экономика в среднем сохранила прирост на уровне 4 процентов ВВП. Это колоссальный рост в сравнении с другими регионами мира.

Африка — это будущее мировой экономики еще и потому, что это единственный континент, где сохраняются высокие темпы прироста населения. Именно в этом регионе мы ожидаем самый большой прирост нового числа потребителей, а учитывая, что экономики африканских стран развиваются и растут, то это будут уже более состоятельные потребители. В ближайшее десятилетие стоит ожидать, что основная часть населения уже не будет абсолютно нищей, бедной массой. Конечно, она не встанет по уровню доходов в один ряд с люксембуржцами и швейцарцами. Но многие уже станут представителями среднего класса. Через полтора-два десятилетия число африканцев будет равняться полутора миллиардам. Это означает ежегодный прирост значительного числа новых потребителей.

Что это даст в итоге мировой экономике? Будет возможность (особенно для таких экономик, как наша) производить и продавать сравнительно недорогие,

простые товары, необходимые именно такому типу потребления. И здесь открываются очень большие возможности для тех, кто правильно оценит ситуацию. По сути, я бы провел аналогию: сегодня Африка — это то, чем в XIX в. в Америке был Клондайк. Кто первым забил колышки, закрепил за собой золотonosный участок, начал разрабатывать, тот и обогатился. Кто-то замешкался, пришел позже, и остался ни с чем.

По оценкам экспертов ООН, целый ряд стран Африки демонстрируют в XXI в. серьезный экономический рост. На ваш взгляд, возможно ли появление африканских «львов» — по аналогии с азиатскими «тиграми», что некоторые политологи предсказывали еще в 1990-е гг.?

Л.Ф.: Они уже сегодня появляются. В мировой экономике, конечно, успех стран на сто процентов тождественно повторяться не может. Экономическая ситуация в Юго-Восточной Азии и ситуация с «экономическим чудом Китая». Хотя бы потому, что для того чтобы история была бы повторена стопроцентно, таким же образом, необходимо, чтобы и Запад, инвестиционная активность которого сыграла большую роль в подъеме азиатских тигров, оставался таким же сильным и динамичным, как почти четыре десятилетия назад. А Запад сегодня уже не такой — он более слаб, у него свои острые проблемы. Он осознал, что, по крайней мере, часть доминирующих позиций в мировой экономике приходится уступить новым поднимающимся гигантам, таким как Китай, Индия, Россия, Бразилия, Индонезия, Южная Корея и др. Запад старается не поступиться лидерством, более опасливо относится к сообществу развивающихся государств. Сотрудничество с ними строит на более жестких условиях, позволяющих ему сохранять их зависимость от развитых экономик [Фитуни, 2012].

Поэтому вряд ли стоит ожидать в Африке тождественно такой же траектории успешного развития. Да и исходные экономические рубежи на континенте намного слабее. Но если говорить о тенденции, если говорить о каких-то параллелях, то сходные по типу с «азиатскими тиграми» модели ускоренного экономического взлета на сегодняшний день в Африке уже существуют. Это такие страны, как Гана, Ботсвана, Маврикий, — они являют примеры если не мощных львов, то лвят уж точно. Маврикий, например, просто пытается копировать индийский опыт. Здесь во многом, конечно, есть и опять-таки специфические для страны причины: значительная часть населения Маврикия этнически связана с индийским субконтинентом, с полуостровом Индостан, с территорией бывшей Британской Индии. Сегодня в основном с Пакистаном и Индией.

Маврикий показал за последние десятилетия достаточно высокие темпы роста ВВП. Страна пытается диверсифицировать свою экономику, которая раньше была основана почти исключительно на производстве сахарного тростника. Конечно, роль последнего в обеспечении экспортных доходов все еще весьма велика, но сегодня имеется и достаточно эффективное экспортное производство простой электроники, пускай несложной, но тем не менее. Создано конкурентоспособное текстильное производство, маврикийцы торгуют по всему миру качественной

одеждой, которая произведена не из химического сырья, а из натурального продукта, из натуральных волокон. Если пройтись по магазинам Соединенных Штатов, очень часто можно встретить одежду с этикеткой «Сделано в Маврикии». И, как правило, это очень хорошего качества рубашки, штаны и даже джинсы.

Школа российской африканистики традиционно считается одной из самых сильных в мире. Насколько востребованы сегодня исследования российских ученых со стороны представителей органов власти, политических кругов и насколько они оказывают влияние на общественное мнение нашей страны?

Л.Ф.: Я бы предложил быть несколько скромнее в оценках наших достижений. Наверное, школа российской африканистики не самая сильная в мире, хотя и занимает достаточно серьезные позиции. Исторические условия развития, длительная физическая оторванность большинства исследователей от континента, ограниченность интереса к нему со стороны российского бизнеса и политических элит привели к тому, что российским африканистам довольно трудно конкурировать со школами тех стран, которые взаимодействуют с Африкой на протяжении веков, то есть Великобританией и Францией. Многие англичане и французы на протяжении нескольких поколений живут в Африке, другие имеют возможность постоянно находиться в этих государствах. В Европе и Америке живет много выходцев из африканских стран, часть из них работает в науке по этой проблематике.

Нет, российская африканистика, наверное, все-таки не самая главная, не самая сильная в мире, хотя, я еще раз повторю, у нас мощная, развитая и явно конкурентоспособная школа. По отдельным направлениям, в основном касающимся современной проблематики, мы действительно на одних из первых позиций. Но многие исторические исследования, работы по социальной антропологии нередко базируются на воспроизведении и творческой переработке западных разработок.

По ряду специфических направлений у России особенно крепкие позиции — например, в исследованиях проблем международных отношений и безопасности, связанных с африканским континентом. Исследование проблематики борьбы с терроризмом на континенте — здесь у нас позиции более крепкие, чем у наших западных коллег.

По вопросу востребованности я отмечу, что, к счастью или к сожалению, ученые никогда не бывают довольны уровнем востребованности их интеллектуальной продукции. Скажем, в советские времена, когда ученых было куда больше, чем сегодня, с нас правительственные и партийные органы регулярно требовали каких-то советов, справок и так далее. Но мы все равно были недовольны, считали, что к нам мало прислушиваются. Сегодня обращений за советом и нашими мнениями куда меньше, и конечно, нам бы хотелось, чтобы нас слышали лучше. Проблема даже не в том, что бизнесмен или политик считает, что и без советов ученых прекрасно разбирается в Африке. Большинство просто считает африканское направление работы слишком сложным и требующим затрат многих сил и энергии.

Но это не значит, что нас вовсе не слышат и не хотят слышать.

Вернусь снова к «Российско-Африканской инициативе». Очень важно, что нас поддержал российский МИД. Там считают, что это правильное начинание, и готовы всеми своими ресурсами помочь в реализации этого начинания, воспользоваться нашей экспертизой по многим вопросам. Я бы сказал, что движение на сегодняшний день идет в положительном направлении, а уж если говорить о последнем времени, то я могу сказать, что я почти счастлив уровнем востребованности за последние года два-три. Здесь надо просто еще иметь в виду, что мы все-таки работаем не только по Тропической Африке, у нас в институте одна из мощнейших в мире школ арабистики.

Востребованность наших специальных знаний велика, поскольку актуальны события последних нескольких лет, начиная со времен «арабской весны». Это и север Африканского континента, но и шире Большой Ближний Восток, а сейчас особенно — Сирия (лично я — арабист по образованию; у меня арабский язык — первый язык, и учил меня еще сам профессор Х.К. Баранов, я — последний его выпуск). Поэтому мы работаем и по проблематике Сирии, хотя это географически не Африка, но это арабский мир, и его проблемы известны и близки. И спрос есть, нас привлекают в основном к аналитической работе. Но мы стараемся быть социально активными — и в последнее время это удается — вести пропагандистскую, просветительскую работу (часто приглашают на радио и телевидение). В общем, я считаю, тренд очень позитивный.

И еще я хочу сказать студентам (и это очень важно), что, африканистика — это очень перспективное направление. Я уже сказал, что Африка — это континент будущего. Востребованность кадров уже велика, но будет еще более расти. Просто так в африканистику войти сложно.

Конечно, в большинстве африканских стран владеют английским и французским языками, и это существенно облегчает ситуацию. А уж если вы знаете какой-нибудь африканский язык, вы тем более оказываетесь в выигрышном положении. Но, не зная специфики, социально-экономических, этнографических вопросов каких-то, вопросов социальной антропологии, истории этого континента, с Африкой вы будете работать недостаточно эффективно. Я уверен, что где-то начиная с 2025-го — 30-х гг. очень резко обострится спрос на специалистов-африканистов, просто в силу тех экономических факторов, которые я описал. Это будет новый Клондайк, это будет новая сфера предложений и экономических интересов всего мира.

Уже и Китай новый игрок, и Индия новый мировой игрок. Обе страны очень активно вторгаются в африканские экономические отношения, в позитивном смысле этого слова вторгаются. Они торгуют, осуществляют экономические проекты различного рода, настолько эффективно и привлекательно, что это вызывает опасения на Западе. Мы неизбежно столкнемся с тем, что нужно «идти в Африку».

Сегодня — это начальный этап, а к 2025—2030 гг. это все реализуется в полной мере. Это будет континент, дающий гарантированно высокую отдачу, требующий многих специалистов. А если есть спрос на специалистов, значит, у них высокие зарплаты, значит, открываются интересные перспективы работы.

Поэтому у студентов, которые выбирают в качестве специализации это направление, будут, как мне кажется, очень хорошие перспективы. Сейчас нужно учиться, затем в течение 5—10 лет создать солидную базу знаний, умений, навыков в своей области с тем, что как раз к пику, к 2025-му г. примерно, подойти уже как знающий, серьезный специалист, обладающий не только знаниями, но и позицией определенной.

Какие еще существуют перспективные центры изучения африканистики в мире?

Л.Ф.: В мире довольно много центров африканистики. Их сравнивать довольно трудно. В Кембриджском университете Центр африканских исследований состоит примерно из 15 человек. Студентов там очень много, но постоянных работников всего около 15 человек (кстати, с неплохими зарплатами), включая их секретаря. Возрастной состав — от 80-летних профессоров до двадцати «с небольшим»-летних ассистентов.

Кембриджский университет всемирно известен, знаменит. Это большой, мировой центр науки. В Англии, Франции, США почти каждый уважающий себя университет считает обязательным иметь центр африканских исследований. Вот такого рода центров тысячи и тысячи в мире. Я думаю, что значимых, по меньшей мере, тысячи полторы, разной величины. Не все сравнимы по влиятельности с Кембриджским университетом, парижской Сорбонной или Центром африканских исследований в Экс-ан-Прованс.

Но не только крупные империалистические державы интересуются Африкой. Всемирно известен пекинский Институт Африки и Западной Азии. Много научных центров африканистики в Индии и Бразилии. Как минимум 5 центров африканских исследований я знаю в Турции. Они совершенно несравнимы по знаниям и вкладу в мировую науку, хотя тоже ведут довольно интенсивный научный обмен с Африканским континентом.

Во многих странах 2—3 исследователя плюс 2 ассистента и секретарь, и вот вроде тоже центр. В английском языке есть такое понятие *Top heavy*, то есть это некая конструкция, когда центр тяжести находится вверху. В этом смысле наша наука, к сожалению, сильно отличается от западной системы тем, что на Западе, как правило, 1—3 великих профессора, специалиста, но зато много помощников, молодой *junior staff*, которые помогают, ведут рутинную работу, собирают материалы и т.д. Почти всегда их имена даже не упоминаются в научных работах. В некоторых случаях, если они внесли серьезный вклад и к ним очень хорошо относится руководитель, им выражают благодарность в предисловии книги. И на одного профессора там может приходиться 3—4 таких помощника.

У нас ситуация такова (в том числе и в нашем институте), что у нас много специалистов высшей категории. Это доктора наук, это кандидаты наук. А вот, например, младших научных сотрудников значительно меньше, чем таковых требуется. А люди без степени не очень задерживаются, потому что зарплаты маленькие, перспективы они здесь особо не видят. А перспектива следующая: либо войти в элиту, тоже стать кандидатом наук и пополнить ряды вот этих *Top heavy*, либо оставаться на таких мало оплачиваемых и незаметных должностях. А этого никто не хочет.

В данной ситуации у ответственных по должности, но не по уму чиновников появляются прожекты: «А давайте поувольняем основную массу профессоров, и баланс между кадрами высшей и меньшей квалификации сам собой отладится». И невдомек им, неразумным, что так можно под корень подрубить отечественную науку, а потом долго еще сожалеть о том, что собственных кадров уже нет, а научные разработки надо за огромные деньги закупать за рубежом, а часто ведь и за деньги не продают нам наши зарубежные партнеры то, от чего мы когда-то бездумно отказались.

Какой вуз, специализирующийся на подготовке российских африканистов, сейчас имеет наиболее сильные позиции? Насколько мы конкурентоспособны в сравнении с мировыми центрами изучения Африки?

Л.Ф.: Не буду во имя скромности грешить против истины. В России это Институт Африки РАН. Это уникальный институт, и у нас конкурентов нет. Даже близкий нам Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, к которому я с большим уважением отношусь и где сам преподаю, является лидером только по филологическому направлению, связанному с преподаванием африканских языков. Конечно, отдельные сильные исследователи-африканисты имеются, наверное, в полутора десятке вузов и НИИ России.

В Институте Африки РАН на сегодняшний день работает около 100 человек, из которых 87 — это научные сотрудники. И по мировым понятиям, если это не самый большой, то один из самых больших по численности научных центров, специально посвященных проблематике Африки. К примеру, если говорить о мировых центрах, то я с большим уважением отношусь к Центру африканских исследований Оксфордского университета¹. На сегодняшний день, на мой взгляд, они выпускают самый влиятельный в мире журнал по африканистике. Он так и называется «*African Affairs*». В Кембриджском университете очень сильная английская школа африканистики. И на самом деле в Англии практически в каждом из университетов, особенно в так называемых старых университетах, есть свой центр африканских исследований.

Конечно же, нельзя не упомянуть в Великобритании «*School of Oriental and African Studies*» (SOAS) Лондонского университета. Это образовательное учреждение по своей специализации не только африканистское, но по количеству научных сотрудников, конечно, могло бы с нами конкурировать. В 2012 г. на SOAS на постоянной основе трудилось 1150 человек. Африканистов там чуть менее 100 человек, это крупнейший мировой центр по изучению африканского континента.

В США в университете Калифорнии в Беркли (UC Berkeley) очень мощный центр африканских исследований. Существуют и просто институты, вот, скажем, в ФРГ знаменитый «*Institut für Afrika-Kunde*» (IAK), который в меньшей степени занимается экономической проблематикой и больше ориентирован на этнологию,

¹ Путин в рамках ПМЭФ встретится с представителями бизнеса и генсеком ООН. — URL: <http://ria.ru/economy/20160616/1448404397.html> (дата обращения: 16.06.2016).

социальную антропологию. Традиционно в нашем институте более сильные политические, экономические исследования, проблематика глобальных проблем и Африки. Здесь мы конкуренты. Конечно, существуют международные ассоциации африканских исследований, например, европейская ассоциация африканских исследований, куда входят почти 50 достаточно крупных учреждений. Так что в мире очень много этих центров, но я считаю, что Институт Африки РАН — один из лидирующих.

Какие темы для африканистов сейчас наиболее важные?

Л.Ф.: Здесь надо понимать, что есть африканисты-экономисты, социальные антропологи, этнографы, лингвисты. Если для последнего важны проблемы суффиксов в каком-то африканском языке, и он считает, что ничего более актуального нет, то кто-то другой скажет, что сейчас наиболее важна проблема по политическим исследованиям, социологии или, например, коррупции в Африке.

На мой взгляд, с точки зрения именно будущего молодого специалиста, то есть человека, который сегодня определился и ему интересна Африка, думает, на чем специализироваться внутри африканистского направления, я бы выбрал стык двух специальностей, возможностей, может, немного повторяя свой собственный опыт. Я экономист и считаю, что знание экономики (в данном случае африканской экономики) вооружает человека конкретными знаниями фундаментальных первопричин общественных отношений. А с другой стороны, для африканиста очень важно знание или понимание африканского общества.

Поэтому познание социальных проблем должно начинаться с вопросов взаимоотношений внутри общины, семьи и выходить дальше за отношения между различными странами и общественными группами в обществе, за которыми стоят, например, этнические проблемы и т.д. На сегодняшний день это то, что придаст молодому экономисту особые специальные знания, которыми люди, чуждые африканистике, обычно не владеют. Такой специалист станет особенно востребованным. На мой взгляд, описанное сочетание оптимально.

Африканисты как-то взаимодействуют с бизнесом?

Л.Ф.: Безусловно, но, как я уже говорил, деловой сегмент наших отношений с Африкой необходимо развивать активнее. На сегодняшний день российский бизнес проявляет недостаточное внимание к африканскому рынку, но это не значит, что не проявляет совсем. Например, покупателями и добытчиками тех же бокситов на Африканском континенте являются наши российские компании. В нефтяной и алмазной отрасли мы достаточно активно работаем, пытаемся строить инфраструктурные объекты. При умном ведении дела, естественно, возникает потребность в научном консультировании, возникает спрос на те знания, которыми обладают российские африканисты. У нашего института бывают заказы, в том числе и от крупного бизнеса, на выполнение исследовательских работ. Чаще всего это обоснование каких-то исследований, анализ рынков или специфика знаний об инвестиционном климате в той или иной стране, о страновых рисках и т.д. и т.п. Это то, что бизнес хочет знать и о чем может получить и получает информацию от Института Африки РАН.

С какими зарубежными центрами у Института Африки РАН наибольшие контакты?

Л.Ф.: У нас достаточно обширные контакты с Американской ассоциацией африканских исследований. Если говорить о западных центрах, то я уже упомянул Кембриджский университет, но нужно особо выделить исследовательские центры Египта, Марокко, ЮАР, Нигерии, Эфиопии. Ежегодно я и директор нашего института профессор И.О. Абрамова участвуем в проводимых этими центрами мероприятиях.

Все-таки важнее всего контакты с африканскими центрами. У нас есть соглашение о сотрудничестве с 5-ю университетами в ЮАР, с Институтом международных отношений в Нигерии, с НИИ и университетами в Танзании, Эфиопии, Египте, и вот в последнее время активно развиваются связи с Марокко, с которым у нас сложилась удачная система отношений, потому что у нас есть возможность вести полевые исследования по достаточно чувствительным вопросам, касающимся, например, джихадизма, исламизма. Мы благодарны марокканской стороне за готовность сотрудничать с нами. Здесь есть поддержка на самом высоком уровне. Мы участвуем в научных мероприятиях, которые проводятся под эгидой короля Марокко. Это международная конференция по африканской безопасности. И здесь у нас очень тесные связи, есть соглашение с Марокканским центром стратегических исследований, который является главным организатором.

Россия начала оказывать гуманитарную помощь странам Африки, в том числе в области медицины, еще в XIX в., и сегодня Россия играет ключевую роль в борьбе с эпидемией лихорадки «Эбола» в Западной Африке. Будут ли закреплены эти успехи и каковы перспективы российских медиков и производителей медикаментов в сотрудничестве со Всемирной организацией здравоохранения и африканскими странами на этом направлении?

Л.Ф.: Я не зря упомянул ГК «РУСАЛ», который давно работает в Гвинее, и не упомянул, хотя надо было упомянуть, его социальные программы. Эта корпорация строит школы, больницы в районе Кении, там, где ведется добыча. И в принципе не только они, но и российские медики были серьезно озабочены этой проблемой, связанной с Эболой. Наши ученые разработали вакцину, эта вакцина действующая, и мы готовы передать ее гвинейской стороне, а также вести медицинскую работу. На этом вопросе Президент Гвинеи Альфа Конде во время своего выступления на Петербургском экономическом форуме 2016 г. очень подробно остановился, выразил благодарность российской стороне¹, и, на мой взгляд, здесь существуют довольно серьезные перспективы, большие возможности для практического использования этой вакцины.

Проблема заключается в том, что это не только вопрос человеческого здоровья, с каких позиций сейчас подходит РФ, это политическая ситуация, с которой нужно помочь африканским странам преодолеть проблему. Дело в том, что та

¹ Путин в рамках ПМЭФ встретится с представителями бизнеса и генсеком ООН. — URL: <http://ria.ru/economy/20160616/1448404397.html> (дата обращения: 16.06.2016).

или иная вакцина — это еще и огромный рынок для медицинских корпораций. Поэтому французские, швейцарские, американские корпорации конкурируют с нами и пытаются доказать свой приоритет в этом направлении. И хотя сейчас реальный успех за нами, мы добились его, он признан всеми, но это не значит, что мы должны почивать на лаврах. Вполне возможно, что кто-то будет пытаться подставить нам подножки. Поэтому надо держать ухо востро и не терять деловой и научной бдительности. В целом, перспективы серьезные и значение этого шага передачи и разработки вакцины очень велико и признано африканцами, прежде всего Гвинеей, одной из самых пострадавших стран вместе со Сьерра-Леоне.

Вообще содействие в области медицины и здравоохранения — важное направление поддержки Россией африканских стран. В мае 2015 г. центральному госпиталю столицы Кот-д'Ивуара Абиджана в качестве гуманитарной помощи было передано медицинское оборудование (инкубаторы интенсивной терапии для новорожденных, фототерапевтические неонатальные облучатели, аппараты искусственной вентиляции легких) на общую сумму 100 тыс. долларов. Россия вкладывает средства в разрешение других медицинских проблем африканцев. Так, добровольные пожертвования России в глобальный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией достигли \$100 млн.

Помимо этого наша страна также выделила \$50 млн в пользу фонда Всемирного банка для беднейших стран. Средства из него идут преимущественно на развитие субсахарского региона Африки. В период с 2008 по 2012 г. Россия уже вложила 42,9 млн долларов в программу Всемирного банка по повышению качества образования в развивающихся странах. В рамках этой же программы сейчас в России обучаются 8 тысяч студентов из Африки, из которых половина учится на бесплатной основе.

Кроме того, наша страна участвует во Всемирной продовольственной программе, в рамках которой была оказана помощь Эфиопии, Кении, Республике Гвинея, Сомали и Джибути. Через Международную организацию гражданской обороны продовольствие из России поступило в Кот-д'Ивуар.

Интервью подготовила Ольга Герасимова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африка и Россия: перспективы сотрудничества в новых исторических условиях // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2015. № 6. С. 141—150.

Фитуни Л.Л. Дифференциация развивающихся стран и новая архитектура мировой экономики (Вопросы теории) // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 9—18.

Для цитирования: Россия — Африка: клондайк взаимодействия. Интервью с профессором, д.э.н. Л.Л. Фитуни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 334—349.

RUSSIA — AFRICA: KLONDIKE OF INTERACTION

**Interview with professor, Doctor of economics,
Deputy Director of the Institute of African studies
of the Russian Academy of Sciences,
Director of Center for strategic and global studies L.L. Fituni**

Professor Leonid L. Fituni was born on the 27th of September 1953. He graduated from the Moscow State Institute of International Relations, MFA of the USSR in 1975. He is Deputy Director of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Concurrently, he heads the Center for Strategic and Global Studies there. He is the author of 18 books and about 300 articles, is fluent in English, French and Arabic.

Interview with Doctor of Economics, Professor L.L. Fituni is devoted to the most topical issues of Russian-African relations, as well as key features of interaction in historical perspective. According to Leonid Leonidovich, at the moment we can not say that these relations are at their peak, however, there can be traced a certain rise in the past decade. Professor also touches upon Russian debt relief to African countries and the presence of Russian business on the African continent. L.L. Fituni in details describes the economic potential of African countries and the prospects for cooperation with Russia.

Particular attention is paid to the world scientific schools of African research and training in this area, including the national school of African studies.

Key words: Africa, African Studies, Russian-American relations, Institute of African Studies

REFERENCES

Abramova I.O., Fituni L.L., 2015. Afrika i Rossiya: perspektivy sotrudnichestva v novykh istoricheskikh usloviyakh. [Africa and Russia: prospects of cooperation under the new historical conditions]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*, № 6, pp. 141—150.

Fituni L.L., 2012. Differentsiatsiya razvivayushchikhsya stran i novaya arkhitektura mirovoi ekonomiki (Voprosy teorii). [The differentiation of the developing countries and the new architecture of the world economy (Theory Questions)]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 10, pp. 9—18.

For citations: Russia — Africa: Klondike of interaction. Interview with Professor, Doctor of Economics L.L. Fituni. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 334—349.

INTERNATIONAL STUDIES IN AFRICA

Interview with professor O. Igho Natufe, Nigeria

O. Igho Natufe is a Nigerian-born Sovietologist and a specialist in International Relations and Soviet/Russian Foreign Policy. Dr. Natufe is an alumnus of the People's Friendship University, a former university professor of Political Science (University of Ghana, Accra, Ghana, 1978—1980, and the University of Benin, Benin City, Nigeria, 1980—1989) and senior advisor to the Government of Canada (1970—1978, 1989—2011). He is author of several of scientific research, including “Soviet policy in Africa: from Lenin to Brezhnev”. In his interview he speaks about IR studies in Africa, about mutual perceptions of Russians

and Africans, about his recent book on Soviet and Russian Foreign Policy, about scramble for Africa between great and emerging powers. He expects Russia, the USA, and China to enhance their influence in Africa, at the expense of Britain and France. Prof. Natufe pays a special attention to the role of African Diaspora in Development of African countries.

Key words: Africa, Russia, scramble for Africa, mutual perceptions, IR studies in Africa

Sir Natufe. O. Igho, in your recent book you analyze and present the Russian’s strategies to regain lost influence. According to your point of view, can we predict a return of Russia to Africa? What could be Russian motivations and ideological message of such a return?

O. Igho Natufe: Russia has already returned to Africa. The temporary withdrawal from Africa instituted by Soviet President Mikhail Gorbachev in the last years of the Soviet Union caused Russia a great strategic loss in Africa. As Russia re-builds its global strategic outreach befitting of a super power, we will see a gradual and systematic re-entry of Russia into Africa. But this re-entry will be anchored on well-defined criteria as opposed to the grandiose presence of the Soviet Union (Russia’s predecessor) in almost every African country. Since foreign policy is concerned with a study of options available to a country in its relationship to other countries and the international political system, I expect Russia to prioritize its policy in Africa dictated by its “financial constraints and strategic interests”, as I posited in my book, «Russian Foreign Policy In Search Of Lost Influence» [Natufe 2015]. This view corresponds to the analysis of Professor Alexei Vasiliev’s categorization of Russia’s three key priorities in Africa as follows: first, North Africa; second, Republic of South Africa; and third, a group of sub-Saharan African countries that include Angola, Nigeria, Ethiopia, Tanzania, Namibia, Guinea, and Mali.

Actually the fight against Boko Haram is one of the highest priorities of Cameroonian, Nigerian and Chadian government. USA also decided to send 300 U.S soldiers in Cameroon in order to help national army. Taking into account Russian's high profile

in questions of international security and especially fight against Islamic State in Syria, what could be an implication of Russia in resolving Boko Haram problem?

O. Igho Natufe: Note that the USA did not just “decide” to send its soldiers to Cameroon in the fight against Boko Haram. The governments of Nigeria, Tchad, and Cameroon specifically requested for US military assistance. None of these countries have invited Russia to help them in their fight against Boko Haram. Russia’s involvement in the fight against Islamic State was at the invitation of the President of Syria. Thus, it is highly speculative to talk about the “implication of Russia in resolving Boko Haram problem” in the absence of an invitation from these countries seeking Russia’s involvement.

You worked in Africa, you worked in Russia. What are the mutual perceptions of Russians and Africans? How these perceptions evolved since Soviet times? Which proposals can you do for keeping strong connection between new generations of Russia and Africa?

O. Igho Natufe: When Russians and Africans discuss the state of their bilateral relations, they always recall, with nostalgia, the positive and active involvement of the Soviet Union in the anti-colonial struggle in Africa. The collapse of the Soviet Union and the so-called “end of the cold war” has altered the contours of Russian-African relations. Both parties, especially the “new generations” of Russians and Africans have to re-define the basis of their relations in both economic and strategic terms.

You worked as political science professor at the University of Ghana. What are the main African think tanks and schools of international relations (IR) at the continent? Are they concentrated at universities mostly or these are applied analysis centers closer to decision-makers’?

O. Igho Natufe: The main think tanks in Africa are concentrated in universities and institutes of international relations closely linked to the governments in respective African countries.

What are according to you, top-priority topics of African IR researchers at the moment? Is there some country’s specialization in this sphere?

O. Igho Natufe: Terrorism and the policies of the great powers (Russia, USA, China, Britain, France, India and Brazil) current dominate IR research in African universities and institutes of international relations.

For many years you worked as a senior advisor to the Government of Canada. Nowadays there are some representatives of African intellectual Diaspora who works abroad. I would mention also an example of Dambisa Moyo, who worked for World Bank and is an author of the book “Dead Aid: Why Aid Is Not Working and How There Is a Better Way for Africa”. What can African intellectual Diaspora do to promote the development of continent abroad?

O. Igho Natufe: I am familiar with Dambisa Moyo’s book. For the African Diaspora to promote the development of the African continent there must be a synergy between the government of an African country and citizens of that country in the Diaspora, for example. Unfortunately, most members of the African Diaspora have assumed sub-

servient roles in their interaction with the governments of their respective African countries. Thus, instead of projecting a strategic construct for developing their respective countries, most members of the African Diaspora have become stooges of respective African governments. For there to be progress on this front, we need a dedicated and conscientious African Diaspora that can articulate an independent development strategy for Africa, irrespective of the political party in power in respective African countries.

You know positions of Western countries to Africa, position of Russia, China and of course position of African countries. How do you think, what great powers will enhance their influence in Africa, what non-regional actors will lose their influence and what has to be the attitudes of African states to these processes?

O. Igho Natufe: The scramble for Africa is still on, irrespective of the independence of African countries from colonialism. While in 1884/1885, African leaders were not invited to the Berlin Conference on the partition of Africa, it is interesting to note that African leaders are actively involved in the current scramble for Africa as allies of the great powers, who are building their respective spheres of interest in Africa. I expect Russia, the USA, and China to “enhance their influence in Africa”, at the expense of Britain and France. As for African states, I expect their attitudes to be informed by their declared national interests.

Being a PFUR alumni and working all over the world, do you believe that people's friendship can change the world?

O. Igho Natufe: I believe in the power of the people as a mechanism to change the world and make it a better place for all. At the same time we must recognize the dialectics of the unity and struggle of opposites, as we engage in a battle of ideas to change the world according to our respective ideological prism.

Interviewed by Tafotie Deffo Jerry Rowllings

For citations: International Studies in Africa. Interview with Professor O. Igho Natufe. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No.2 (June 2016), pp. 350—353.

REFERENCES

Natufe Igho, 2015. *Russian Foreign Policy: In Search of Lost Influence*, Moscow, Krasand, 297 p.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АФРИКЕ

Интервью с профессором О. Иго Натуфе

О. Иго Натуфе является советологом и специалистом в области международных отношений и советской/российской внешней политики нигерийского происхождения. Доктор Натуфе является выпускником Университета дружбы народов, профессором политологии Универси-

тета Ганы (г. Аккра, Гана, 1978—1980 гг.) и Университета Бенина (г. Бенин-Сити, Нигерия, 1980—1989 гг.), а также старшим советником правительства Канады (1970—1978 гг., 1989—2011 гг.). Он является автором нескольких научных исследований, в том числе «Советская политика в Африке: от Ленина до Брежнева». В своем интервью он говорит о международных исследованиях в Африке; о взаимном восприятии россиян и африканцев; о своей недавней книге, посвященной советской и российской внешней политике; о борьбе за Африку между великими и восходящими державами. Он ожидает, что Россия, США и Китай усилят свое влияние в Африке за счет Великобритании и Франции. Профессор Натufe уделяет особое внимание роли африканской диаспоры в развитии африканских стран.

Ключевые слова: Африка, Россия, борьба за Африку, взаимное восприятие, международные исследования в Африке

Для цитирования: Международные исследования в Африке. Интервью с профессором О. Игхо Натufe // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 350—353.

©Tafotie Deffo Jerry Rowllings, 2016

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАЗАКИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (XVII в. — 1920 г.)

Ян Сумэй

Хэнаньский университет, Кайфэн, Китай

Статья посвящена исследованию роли казаков в истории российско-китайских отношений (XVII в. — начало XX в.). Казаки играют особенную роль в истории русско-китайских отношений в дипломатической, духовной и торговой областях. Взаимоотношения российского и китайского народов начались в 1582 г., когда донской казак Ермак Тимофеевич предпринял поход в Сибирь. Чтобы найти пути в Китай, русские цари и далее императоры начали отправлять туда посольства и различные миссии. Казаки являлись главными участниками этих миссий и посольств. Первая такая миссия была составлена из томских казаков. В 1618 г., во время царствования Михаила Федоровича, первое государственное русское посольство, которое возглавил томский казак Иван Петлин, было направлено из Тобольска в Пекин. В 1641—1642 гг. тарский конный казак Емельян Вершинин с торговым караваном торгоутского тайши Дайчина побывал в минском Китае. Со времени поселения албазинских казаков в Пекине начались активные дипломатические и торговые отношения между двумя государствами. В XVIII—XIX вв. казаки не только участвовали в войнах в Сибири, но и в заключении ряда договоров. После поражения в гражданской войне в России в XX в. сибирские казаки уехали в Китай. Среди русских эмигрантов в Харбине и других городах КНР было также много потомков казаков.

Ключевые слова: казаки, казачья миссия, казак-эмигрант, история российско-китайских отношений

Казачество является составной частью русского народа, и его история делается в неразрывной связи с историей России. В течение пяти-шестисотлетнего развития история казачества оформлялась на базе социальной и культурной общностей, и в результате возникли особый жизненный уклад и боевое искусство, отличающие казаков от других национальностей России.

О КАЗАЧЕСТВЕ

Великий русский писатель Лев Толстой сказал: «Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европейцы — казаками. Народ казаками желает быть» [Толстой 1936: 625]. С середины XVI в. казачество России прошло долгий

путь развития. Казаки взяли на себя обязанность разведывательной и сторожевой службы на южных границах, за что получили право пользоваться землей. До октября 1917 г. казачество владело 63 млн десятин земли [Бугай 1993].

Вопрос о происхождении казаков является довольно сложным, до сих пор русские историки не решили его. Большинство ученых считают, что казачество стало формироваться в XV—XVI вв. на южной окраине России, которая в то время не относилась к российской государственной юрисдикции. Русские крестьяне и холопы не могли выдержать гнет крепостного права и убегали на дикое поле Дона. Слово «казак» происходит от тюркского языка, означает «вольный человек». Другие ученые считают, что это слово происходит из турецкого языка — «косах», что значит «вольные, оторванные от своего племени люди».

С XVII в. казаки стали инструментом борьбы и захвата территории на запад, на юг и на восток России. «История казачества является историей войны», — считают ученые.

Казаки с начала формирования своего сообщества связывались с войнами, с походами. Чтобы захватывать и охранять новые пограничные земли, с XVIII в. до 1917 г. российское правительство создало 12 казачьих войск. В российской военной истории казачьи войска участвовали в Отечественной войне 1812 г., в покорении Кавказа и Средней Азии, в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и Первой мировой войне и т.д. Мы считаем, что в истории России казаки предприняли множество походов для расширения территории и укрепления независимости России [Ян 2009].

Вопрос о социальной принадлежности казачества являлся спорным. Некоторые русские историки считают казачество этносом, например, В. Шамбаров [Шамбаров 2007], В.Ф. Никитин в работе «Казачество: Нация или сословие» и т.д.

До начала XX в. казачество в России официально являлось сословием, одним из пяти главных сословий Российской империи. Казачество относилось к неподатным слоям, то есть освобожденным от уплаты податей [Черников 2013:3]. До первой половины XIX в. казачество являлось замкнутым военным сословием. Казаки не могли свободно отрываться от казачества, а другие неказаки не могли стать казаками.

Но в 1917 г. произошла революция, и для казаков наступил тяжелый период. По декрету «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» 1919 г. началось расказачивание. После гражданской войны большинство казаков, которые боролись с советской властью, были вынуждены эмигрировать. Некоторые из них уехали в Китай.

КАЗАЧЬИ МИССИИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (XVII—XVIII вв.)

С XVII в. по современное время история русско-китайских отношений охватывает более четырех столетий. В долгом и богатом, но и трудном процессе развития российско-китайских отношений казаки играли огромную роль, особенно в первые годы. Казаки, как свидетели, как военные и как эмигранты в Китае, ока-

зали большое влияние на их развитие. В истории России казаки не только были военными, но и авангардом в завоевании новых земель. С XVII в. казаков отправляли в Китай с дипломатическими, духовными, торговыми миссиями. Казаки выступали в качестве дипломатов, военных, миссионеров, эмигрантов в процессе развития российско-китайских отношений.

Началом развития российско-китайских отношений можно считать конец XVI в. В 1582 г. осенью донской казак Ермак Тимофеевич предпринял поход в Сибирь, начались взаимоотношения российского и китайского народов.

XVII в. стал одной из важных вех в истории взаимоотношений России и Китая. С XVII в. русские стали продвигаться на Восток, осваивая Сибирь. С начала XVII в. русские в районах рек Обь, Енисей и Лена создали Ман-газейский уезд, основали Енисейский, Красноярский, Томский, Тобольский, Илимский и Братский остроги. Казаки расселились в Сибири от Уральских гор до Тихого океана.

В XVI в. возрос интерес к Китаю в Европе, в том числе в Русском государстве. У царя России «стремление к установлению контактов с Китаем появилось лишь с началом освоения Сибири. При царе Василии Шуйском в 1608 г. была предпринята попытка отправить послов в Монголию и „Китайское царство“, завершившаяся неудачей» [Самойлов 2013: 19]. Чтобы установить контакты с Китаем, русские цари и далее императоры стали отправлять туда посольства и миссии. Казаки являлись главными участниками этих миссий и посольств.

Первая такая миссия была составлена из томских казаков. В 1608 г. русский царь Василий Иванович Шуйский направил к монголам отряд томских казаков во главе И. Белоголовым на поиски Алтын-царя и китайского государства. Это явилось первым шагом русского правительства в данном направлении. Казаки встречали со стороны монголов отпор и были вынуждены повернуть назад, но им удалось собрать некоторые сведения о Китае, полученные от енисейских киргизов¹.

В 1616 г. атаман Василий Тюменец и казаки Куникин, Иван Петров составили команду экспедиции. Они совершили дальнюю поездку к ставке правителя государства Алтын-хана для установления дружественных отношений. Там их тепло приветствовали. Маршрут послов охватил земли некоторых тувинских племен.

Этнографические сведения В. Тюменца и И. Петрова содержат краткое описание культуры и быта тувинских племен начала XVII в. [Иргит 2009]. Они показали, что граница Китая вполне достижима для казачьих экспедиций. Алтын-хан Западной Монголии Шолой Убаши-хунтайджи дал обещание пропустить через свою территорию русские посольства в Китай [Романова 2014].

Казак Иван Петлин может считаться первым русским послом в Китае, хотя у него не было государственной грамоты и подарков китайскому императору.

В 1618 г. во время царствования Михаила Федоровича первое государственное русское посольство, которое возглавил томский казак Иван Петлин, было

¹ Пожидаева О.И. История российско-китайских отношений (1600—1689 гг.). URL: <http://www.abirus.ru/content/564/623/626/632/744.html> (дата обращения: 30.03.2016).

направлено из Тобольска в Пекин. 9 мая 1618 г. они вместе с возвращавшимися из Москвы послами Алтын-хана доехали до Монголии. И потом они двигались вдоль Великой Китайской стены северной границы империи Мин. Отряд казаков И. Петлина потратил три месяца на весь путь от Тобольска до китайской столицы. 1 сентября 1618 г. казаки доехали до Пекина. Русские ученые этот поход считали успешным [Самойлов 2013: 19]. Казаки не только дошли до Пекина, но и встретились с китайскими чиновниками, познакомились с китайской культурой.

В своих записках И. Петлин изложил его первые впечатления. Он описал китайский древний город, двор, храм, одежду и даже Великую китайскую стену [Малявин 2000: 126—128]. Несмотря на то, что И. Петлин пробыл в Пекине всего четыре дня, и к тому же не был принят императором, в Россию он все же привез его грамоту. В ней китайское правительство разрешало впредь русским людям приезжать с посольствами в Китай и заниматься торговлей. Китайская сторона приветствовала торговые отношения с Россией¹.

Посольство И. Петлина имело важное значение для становления отношений России с Китаем. Это был первый осознанный контакт представителя русского государства с китайскими официальными лицами. И. Петлин открыл сухопутный маршрут из Европы в Китай через Сибирь и Монголию. Китайские чиновники вручили русскому послу грамоту от имени императора, в которой содержалось разрешение на установление торговых отношений и направление в Китай посольств из России. И. Петлин составил подробный отчет о своем путешествии, в котором были изложены уникальные сведения о Китае и сопредельных странах, а также привез «чертеж китайского государства».

Хотя Миссия И. Петлина не привела к установлению отношений с Китаем на постоянной основе, однако стала первым и очень важным звеном в развитии прямых контактов между представителями двух государств, а также способствовала началу распространения знаний о странах Центральной и Восточной Азии в России [Самойлов 2013: 19].

В 1635 г. томский боярин Лука Васильев и казак Семен Щепеткин подали челобитную в Посольский приказ с просьбой разрешить им поездку в Китай. Но на сей раз русское правительство не решилось направить в Китай экспедицию.

В 1641—1642 гг. тарский конный казак Емельян Вершинин с торговым караваном торгоутского тайши Дайчина побывал в минском Китае. Они не только успешно торговали в городе Синине, но и доставили русскому царю грамоту от имени минского императора Сы-цзуна и открыли пути для развития торговых и дипломатических связей. В то время эта грамота не была переведена на русский язык.

В 1647—1648 гг. из Якутска и Енисейска направились две партии казаков во главе с И. Похабовым и Я. Кулаковым к одному из наиболее могущественных

¹ Пожидаева О.И. История российско-китайских отношений (1600—1689 гг.). URL: <http://www.abirus.ru/content/564/623/626/632/744.html> (дата обращения: 30.03.2016).

феодалов Халхи, Цэцэн-хану. От Цэцэн-хана русские узнали о существовании двух Китаев: богдойского царства, т.е. владений захватившей уже Северный Китай Цинской династии, и Старого Китая, т.е. остатков владений минских императоров на юге страны.

Успех торговых операций, производившихся в Пекине С. Аблиным во время его двух поездок в Китай, побудил царское правительство в 1666 г. вновь отправить большой торговый караван в столицу Цинской империи. Во главе его был поставлен С. Аблин [Романова 2014]. В 1670-х гг. московское правительство решило снарядить большое посольство в Китай, чтобы уладить споры о русско-китайских границах и тем предотвратить дальнейшие неудовольствия, возникавшие по поводу своевольных казаков, которые вооруженной рукой собирали дань с инородцев, считавшихся подвластными Китаю. Во главе такого посольства был поставлен переводчик Посольского приказа Николай Спафарий.

В начале мая 1675 г. Спафарий с большой посольской и конвойной свитой направился в Китай. С дипломатическими делами на посланника возлагались работы по описанию Сибири и китайского государства. И поэтому с ним вместе поехали люди, умевшие делать чертежи, знавшие землемерие и служилые. Благодаря этому посольству московское правительство узнало, что на краю Сибири русские казаки вели торговлю с соседними кочевыми монголами [Иловайский 1905: 409—410].

Начиная с Петра I русские императоры отправляли несколько духовных миссий. В 1712 г. Петром I была официально учреждена духовная миссия русской церкви. В Пекин было отправлено восемь человек во главе с архимандритом Иларионом. Первая православная миссия из России была принята в Пекине с особым почетом и вниманием. К приезду в Пекин второй миссии была построена церковь при посольском дворе. Многие годы миссии исполняли роль не только духовного, но дипломатического представительства России на территории китайского царства¹.

Далее в XVIII—XIX вв. казаки не только участвовали в войнах в Сибири, но и в заключении ряда договоров: Нерчинский договор (1689), Буринский договор (1727), Аргунский договор (1858), Пекинский договор (1860) и т.д., подписанные между Россией и Китаем.

В XX в. судьба российского казачества была трагична. В начале века началась Гражданская война. Большинство казаков не приняли советскую власть, активно с ней боролись, в итоге если не погибли, то оказались за границей. После поражения в гражданской войне в России сибирские казаки уехали в Китай². Они жили в городах на северо-востоке Китая, в Синьцзяне, а также в других провинциях Китая, включая прибрежные города по морю: Шанхай, Тяньцзинь и др.

¹ Русская духовная миссия в Китае. URL: <http://www.mir-slovo.ru/text/11809.html> (дата обращения: 30.03.2016).

² Чашин Ю.О. Как казаки в Китае оказались. URL: http://samlib.ru/c/chashin_j_o/kakkazakiwkitaekazalisx.shtml (дата обращения: 31.03.2016).

АЛБАЗИНСКИЕ КАЗАКИ И КАЗАКИ-ЭМИГРАНТЫ В КИТАЕ

С XVII в. казаки, которые приехали в Китай, селились в северо-восточной части Китая, а именно: провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин. Некоторые казаки жили в Пекине, Шанхае, Тяньцзинь, Синьцзяне и др.

Мы знаем, что Китай является многонациональным государством, на территории которого проживают представители 56 национальностей, в том числе русские. По данным всекитайской переписи населения, в 2000 г. численность русских составляла 15,6 тысяч человек, большинство из них потомки казаков¹. Российский ученый А. Соколов отмечает, что «со времен Петра Великого Православие проникло на китайской земле. При дворе китайского императора служили в охране православные казаки, которые некогда попали в Пекин через Сибирь и сперва оказались в плену после взятия войсками императора Кан Си русской крепости Албазин в 1689 г., а затем были взяты на службу при дворе императора. До сих пор можно встретить их потомков: китайцы с рыжими волосами — очень необычно»².

В истории русско-китайских отношений казаки явились первой группой русских в Китае. «В 1665 г. пришедший на Амур казачий отряд построил сильно укрепленный Албазинский острог, в районе которого к середине 80-х годов XVII в. проживало уже несколько сотен казаков и крестьян. В 1684 г. было учреждено Албазинское воеводство» [Самойлов 2013: 21].

В 1685 г. по повелению Императора Кан Си китайские войска захватили крепость Албазин. Албазинские казаки были взяты в плен. Но император Китая Кан Си принял пленных казаков очень милостиво.

Когда император услышал, что албазинские казаки храбры и мужественны, он повелел, чтобы казаков быстро доставили в китайскую столицу. Кан Си похвалил перед китайскими войсками албазинских казаков за их такую отчаянную храбрость. Император поселил их в Пекине и окружил заботой. Кан Си распорядился выделить казакам отдельное подворье в северо-западной части Пекина, но числились албазинцы при императоре. Все они были причислены к потомственному военному сословию, которое по законам Китая стояло на втором месте после чиновничьего. Пленные казаки получили при этом все сословные льготы: казенные квартиры, жалование, бесплатное продовольствие, участки пахотных земель и место под кладбище.

Албазинские казаки, поселившиеся в Пекине, составили первую русскую православную духовную миссию в Китае периода Цин. Казачий священник Максим Леонтьев со своей паствой с казаками приехал в Пекин. Он стал первым православным миссионером в Китае. Максим положил начало не только русской

¹ Китай — численность русских в Китае по данным МИД РФ. URL: <http://www.china-trader.ru/info/28> (дата обращения: 31.03.2016).

² Соколов А. Потомки китайских казаков. [Sokolov A. Descendants of Chinese Kazakhs.] URL: <http://foma.ru/potomki-kitajskix-kazakov.html> (Accessed: 31.03.2016) (In Russian).

православной миссии в Пекине, но и заложил крепкий камень православной веры в Китае. Он скончался в 1711 г.¹

Со времени поселения албазинских казаков в Пекине и начались активные дипломатические и торговые отношения между двумя государствами. По указу императора Кан Си казакам была выделена одна из многочисленных буддийских кумирен. Казаки устроили православную часовню, начали служить первые православные службы в Китайской империи. Более 300 лет берегли казаки православную веру в Китае. Во многом благодаря их трудам Россия и Китай много лет не воевали между собой².

С 1897 г. большое количество российских граждан и армии в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги приехали в Харбин. После революции 1917 г. была вторая волна русских в Харбин. Их насчитывалось 155 тысяч, в том числе русские военные.

После гражданской войны в России численность казаков в Китае сильно увеличилась. Сибирские, забайкальские, дальневосточные казаки в 20—30 гг. XX в. бежали в Китай. Они уехали целыми станицами³.

Столица провинции Хэйлунцзян Харбин находится в северо-восточном Китае, основана в 1898 г. в ходе строительства Маньчжурской железной дороги. К 1917 г. число жителей превышало 100 тысяч, из которых русских было около 40 тысяч. В период революции и Гражданской войны в Харбине оказались еще около 100 тысяч русских военных [Ху Боя, Лу Ган 2010].

В 1927 г. был создан шанхайский русский полк численностью около 500 человек, большинство из них были казаками. В начале 1927 г. — в то самое время, когда в Китае развернулась гражданская война, войска гуандунского революционного правительства, выступившие в Северный поход, достигли района Шанхая.

Муниципалитет шанхайского международного селтмента, будучи обеспокоен перспективой захвата его территории этими войсками, решил усилиться в военном отношении и поручил генерал-лейтенанту Глебову, прибывшему тремя годами ранее на военных судах в порт Усунькоу, использовать подчинявшееся ему дальневосточное казачество для формирования русского отряда в составе шанхайского волонтерского корпуса. Они обладали боевым опытом: 90% из них являлись участниками Гражданской войны в России, воевавшими против большевиков⁴.

¹ Российское казачество в Китае — слава и трагедия. URL: <http://finist-manufactura.ru/science/researches/books-3/sozdanie-muzeya-arkhitekturno-khudozhestvennoj-keramiki> (дата обращения: 31.03.2016).

² Русская духовная миссия в Китае. URL: <http://www.mir-slovo.ru/text/11809.html> (дата обращения: 30.03.2016).

³ Чжан Сяобо Сулянь дацин сичжун дэ «Хаэрбин жэнь» бэйцзюй [Трагедия «харбинцев» советской большой чистки]. Available at: http://www.guancha.cn/zhangxiaobo/2013_09_02_169817.shtml (date of access: 25.05.2016) (In Chinese).

⁴ Сунь Сянмэй Шанхай Э чжиюань цзюньтуань [Русские военные волонтеры Шанхая] Available at: <http://russian.china.org.cn/russian/80139.htm>. 04/08/2003 (date of access: 25.05.2016) (In Chinese).

В промежутке между мировыми войнами Шанхай, Тяньцзинь и другие места тоже стали убежищами русских, существовала крупная русская диаспора предшественников первой волны эмиграции. По оценкам 1937 г., в Шанхае проживало около 25 тысяч русских, составлявших с большим отрывом самую многочисленную группу иностранцев в городе. Большинство из них эмигрировали с Дальнего Востока. Черный буфер Белого движения сохранялся до осени 1922 г. Большая часть казаков поселилась у границы Китая с СССР и участвовала в нападениях на красных. Часть казаков пошла на службу к местным китайским элитам и стала участвовать во внутренних китайских разборках. Часть казаков пошли служить в охрану КВЖД¹. В 1930 г. в Харбине проживали 64 470 русских. А в 40—50-х гг. XX в. во время китайской гражданской войны большинство казаков и их потомков эмигрировало в Австралию и Бразилию. Остальные только после смерти Сталина смогли вернуться в СССР [Чжан 2003:134].

В настоящее время русские в Китае более компактно живут в русской национальной волости Шивэй под городом Аргунь, соседнего с Читинской областью Автономного района Внутренней Монголии. В этой волости численность населения составляет 4072 человека, из них русских 1774 человека. Все они сохраняют традиционную культуру и русские бытовые обычаи. В городе Эргуна открылся первый в Китае Этнографический русский музей, который демонстрирует картины из жизни русских в Китае².

По данным всекитайской переписи населения, проведенной в 2000 г., численность русских составляет 15 600 человек. Главным образом они рассредоточены живут в районах Или, Тачэн и Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района, остальные — на севере провинции Хэйлунцзян и в районе Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия. Большинство русских, проживающих в Китае, исповедует православие. Новый год, Рождество и Пасха — это их главные праздники. Сейчас потомки казаков в Китае утратили традиционное боевое искусство. Они свободно говорят по-китайски и по-русски, дружно живут с китайцами.

Казаки в истории русско-китайских отношений играют особенную роль в дипломатической, духовной и торговой областях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бугай Н. Казачество России: проблемы возрождения // *Обозреватель-Observer*. 1993. № 28. URL: http://observer.materik.ru/observer/N28_93/28_03.htm (дата обращения: 30.03.2016).

Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк в 3 т. Чита: Типография Военного Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска. Т. 2. 1916. 267 с.

Го Мэн Миграция населения из России в Китай: исторический опыт натурализации и сохранения самобытности (конец XVII — XX веков) // *Вестник МГГУ им. Шолохова*. 2012. № 2, сс. 71—77.

¹ Чжэн Чуньгуан Элосы жэнь дэ «Дунфан цзяюань» [Российский «восточный дом»]. Available at: <http://mjls.hkust.edu.hk/book.aspx?cid=6&tid=170&pid=4195> (date of access: 25.05.2016) (In Chinese).

² Китай — численность русских в Китае по данным МИД РФ. URL: <http://www.china-trader.ru/info/28> (дата обращения: 31.03.2016).

Иловайский Д.И. История России. В 5 т. Т. 5. Окончание московско-царского периода. Алексей Михайлович и его ближайшие преемники. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина. 1905. 663 с.

Иргит Ч.К. Этнографические сведения из «расспроса» Василия Тюменца и Ивана Петрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 5, сс. 154—157.

Каневская Г.И. Исход русских из Китая (по воспоминания русских австралийцев) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. № 2, сс. 125—132.

Малявин В.В. Первые русские люди в Китае. Серия «Восточные арабески». М.: Наталис, 2000. 399 с.

Романова Г.Н. Становление российско-китайских торговых связей (XVII — первая треть XVIII в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2, сс. 102—113.

Самойлов Н.А. От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия / под ред. А.В. Лукина. М., 2013, сс. 15—118.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. (Произведения 1863, 1870, 1872—1879, 1884). М.: Государственное издательство «Художественная литература», Т. 17. 1936. 824 с.

Черников В.В. Казачество в истории России. М.: АЙРИС-ПРЕСС, 2013. 159 с.

Шамбаров В. Казачество история вольной Руси. М.: «Алгоритм», 2007. 688 с.

Ян Сумэй Обзор изучения российского казачества в Китае // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений, 2008—2009 гг. Отв. ред. Карпов Ю.Ю. СПб., 2009, сс. 453—457.

Ху Боя, Лу Ган Хаэрбин Элосы цяоинь юй Чжунэ вэньхуа дэ цзяохуэй жунхэ // Хэйлунцзян шэхуэйчжуй сюэюань сюэбао [Сплав российской диаспоры Харбина с китайско-российской культурой]. 2010. № 2, сс. 43—46.

Чжан Фэнмин Чжунго дунбэй юй Эго (Сулянь) цзинци гуансиши [История экономических отношений северо-восточных регионов Китая и России (СССР).] Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ. 2003. 204 с.

Дата поступления статьи: 15.02.2016

Благодарности: Данная статья подготовлена в рамках проекта «Изучение казачества XVI — начало XX вв.», №.12BSS026, при поддержке Комитета Китайской Стипендии.

Для цитирования: Ян Сумэй Казаки в истории российско-китайских отношений (XVII в. — 1920 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 354—364.

THE COSSACKS IN THE HISTORY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS (XVII Century — 1920)

Yang Sumei

Henan University, Kaifeng, China

The article is an attempt to describe the role of the Cossacks in the history of the Russian-Chinese relations. The Cossacks played a special role in the history of Russian-Chinese relations in the diplomatic, spiritual and commercial areas. Relations between the Russian and Chinese peoples have begun

in 1582, when Don Cossack Ermak Timofeevich undertook an expedition to Siberia. To find the way to China, Russian tsars and emperors began to send forth embassies and different missions to China. The Cossacks were the main members of these missions and embassies. The first such mission was composed of Tomsk Cossacks. In 1618, during the reign of Mikhail Fedorovich first state Russian Embassy, headed by Tomsk Cossack Ivan Petlin was sent from Tobolsk to Beijing. In 1641—1642 Tatar equestrian Cossack Yemelyan Vershinin with trade caravans visited China. Since the settlement of Albazin Cossacks in Beijing intensive diplomatic and trade relations between the two countries began. In XVIII—XIX centuries Cossacks not only participated in the wars in Siberia, but also in the conclusion of a number of treaties. After the defeat in the civil war in Russia in the XX century Siberian Cossacks fled to China. Among the Russian emigrants in Harbin and other cities of China there were also many descendants of the Cossacks.

Key words: the Cossacks, military class, Cossacks missions, the history of the Russian-Chinese relations

REFERENCES

Bugai N., 1993. Kazachestvo Rossii: problemy vozrozhdeniya [Cossacks of Russia: revival of the problem]. *Obozrevatel'-Observer*, no. 28. Available at: http://observer.materik.ru/observer/N28_93/28_03.HTM (date of access: 30.03.2016).

Chernikov V.V., 2013. Kazachestvo v istorii Rossii [Cossacks in Russia's history]. Moscow, AIRIS-PRESS, 159 p.

Guo Men, 2012. Migratsiya naseleniya iz Rossii v Kitai: istoricheskii opyt naturalizatsii i sohraneniya samobytnosti (konets XVII — XX vekov) [Population migration from Russia to China: the historical experience of naturalization and identities (the end of XVII — XX centuries)]. *Vestnik MGGU im. Sholokhova*, no. 2, pp. 71—77.

Hu Boya, Lu Gang, 2010. Haerbin eluosi qiaomin yu zhong e wenhua de jiaohui ronghe [Harbin Russian diaspora and the Sino-Russian cultural intersection]. *Heilongjiang sheng shehui zhuyi xueyuan xuebao*, no. 2, pp. 43—46 (in Chinese).

Ilovaikii D.I., 1905. *Istoriya Rossii in 5 volumes* [Russian history]. *Okonchanie moskovskotsarskogo perioda. Aleksei Mikhailovich i ego blizhaishie preemniki* [The End of Muscovite-tsarist period. Alexis and his immediate successors], Moscow, Tipografiya T-va I.D. Sytina. Vol. 5. 663 p.

Irgit Ch.K., 2009. Etnograficheskie svedeniya iz «rassprosa» Vasiliya Tyumenta i Ivana Petrova [Ethnographic data from the “questioning” Vasily Tyumenets and Ivan Petrov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5, pp. 154—157.

Kanevskaya G.I., 2008. Iskhod russkikh iz Kitaya (po vospominaniya russkikh vastraliitsev) [Russian exodus from China (in memories of the Russian vastraliytsev)]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, no. 2, pp. 125—132.

Malyavin V.V., 2000. *Pervye russkie lyudi v Kitae. Seriya «Vostochnye arabeski»* [The first Russian people in China. “Oriental arabesque” series]. Moscow, Natalis. 399 p.

Romanova G.N., 2014. Stanovlenie rossiisko-kitaiskikh torgovykh svyazei (XVII — pervaya tret' XVIII v.) [Formation of Russian-Chinese trade relations (XVII — first third of the XVIII century)]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, no. 2, pp. 102—113.

Samoilov N.A., 2013. Ot balansa k kolonializmu. Rossiisko-kitaiskie otnosheniya ot ikh zarozhdeniya do 1917 g. *Rossiya i Kitai: chetyre veka vzaimodeistviya* [From balance to colonialism. Russian-Chinese relations from their inception until 1917. Russia and China: four centuries of interaction]. Ed. by A.V. Lukin. Moscow, pp. 15—118.

Shambarov V., 2007. *Kazachestvo istoriya vol'noi Rusi* [Cossacks history of free Russia]. Moscow, «Algoritm», 688 p.

Tolstoi L.N., 1936. *Polnoe sobranie sochinenii v 90 t.* (Proizvedeniya 1863, 1870, 1872—1879, 1884) [Complete Works in 90 volumes. (Works of 1863, 1870, 1872—1879, 1884)]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura», Vol. 17, 824 p.

Vasil'ev A.P., 1916. *Zabaikal'skie kazaki: istoricheskii ocherk* [Zabaykalskie Cossacks: historical sketch.] In 3 Vol. Chita, Tipografiya Voiskovogo Khozyaistvennogo Pravleniya Zabaikal'skogo kazach'ego voiska. Vol. 2. 267 p.

Yan Sumei, 2009. Obzor izucheniya rossiiskogo kazachestva v Kitae [Overview study of Russian Cossacks in China]. *Lavrovskii sbornik. Materialy XXXIII Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii, 2008—2009 gg.* Ch. ed. Karpov Yu.Yu. Saint-Petersburg, pp. 453—457.

Zhang Fengming, 2003. Zhongguo dongbei yu eguo (sulian) jingji guanxi shi. [*History of Northeast China and Russia (the Soviet Union) economic relations*], Beijing, Zhōngguó shèhuì kēxué chūbǎn shè, 204 p. (in Chinese).

Acknowledgments: This article was prepared in the framework of the project the “Studying the Cossacks in XVI—XX centuries”, №.12BSS026 and supported by the Committee of Chinese Scholarship.

For citations: Yang Sumei. The Cossacks in history of Russian-Chinese relations (XVII — 1920). *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 354—364.

© Ян Сумэй, 2016

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

СТРАНЫ АФРИКИ К ЮГУ ОТ САХАРЫ НА МИРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ РЫНКЕ: РОЛЬ ЮАР

Р.Р. Асмятуллин

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Данная статья посвящена проблематике развития высшего образования в странах Африки южнее Сахары, в частности интернационализации образования и студенческой мобильности. Более подробно анализируется положение ЮАР на мировом рынке услуг высшего образования. Являясь региональным лидером в данной сфере, на ЮАР приходится более половины потока иностранных студентов региона.

Совершенствование сектора высшего образования является важным условием обеспечения социально-экономического развития стран Африки. Интернационализация образования, с одной стороны, открывает широкие возможности для перенимания современных образовательных методов и технологий, а с другой, может стать препятствием для поднятия национальной системы образования той или иной африканской страны.

Ключевые слова: мировой рынок образовательных услуг, интернационализация образования, образование в Африке, иностранные студенты, ЮАР, БРИКС

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Развитие высшего образования в африканских странах тесно связано с периодом обретения странами независимости. Большинство новых государств тогда не имело университетов, и создание национального вуза осознавалось как обязательный шаг, чтобы показать настоящую независимость государства [Mamdani 2007: 256]. Создание вузов было призвано решить целый ряд социально-экономических проблем, среди которых борьба с бедностью и безграмотностью.

Уровень грамотности до сих пор остается одной из серьезных социальных проблем в регионе: доля неграмотного населения в возрасте выше 15 лет в странах Африки к югу от Сахары на начало 2000-х годов составляла 43%, на 2015 г. — 36%¹. Самый высокий уровень безграмотности в регионе и в мире у Нигера (81%),

¹ UNESCO Institute for Statistics. Available at: <http://www.uis.unesco.org> (date of access: 15.05.2015).

Гвинеи (70%) и Южного Судана (68%). Наиболее высокий уровень грамотности у таких стран, как Экваториальная Гвинея, ЮАР и Ботсвана.

Одной из основных проблем, препятствующих развитию высшего образования в регионе, является недостаток и ограниченность доступа к финансированию [N'dri 2006: 10]. С целью ликвидации безграмотности и стимулирования экономического развития многие страны увеличивают расходы на образование (табл. 1). Наиболее высокие расходы на образование в соотношении к ВВП у Лесото (12,98%) и Ботсваны (9,63%). У многих стран затраты на образование занимают значительную долю в государственных расходах: Намибия выделяет 26% госрасходов на образование, Эфиопия — 27%, Конго — 29%, Лесото — 25%, Бенин и Гана — 22%.

Таблица 1

Показатели стран Африки к югу от Сахары
[Indicators of countries in sub-Saharan Africa]

Страна	Расходы на образование, 2013 г.		Конкурентоспособность высшего образования, 2015 г.		ИЧР, 2014 г.
	в % к ВВП	в % от гос. расходов	место в мире	балл (макс. 7)	
Ангола	3,48****	8,68****	144	1,94	0,532
Бенин	4,79*	22,22*	—	—	0,480
Ботсвана	9,63*****	20,47*****	101	3,59	0,698
Буркина-Фасо	4,52	16,17	136	2,42	0,402
Бурунди	5,41	17,24	142	2,14	0,400
Гамбия	2,8	10,28	107	3,45	0,441
Гана	5,93	21,70	106	3,46	0,579
Гвинея	3,54	14,13	140	2,19	0,411
Гвинея-Биссау	2,36	16,19	—	—	0,420
Джибути	4,49****	12,32****	—	—	0,470
ДРК	2,24	16,83	—	—	0,433
Зимбабве	1,96****	8,72****	118	3,18	0,509
Камерун	3,02	13,82	117	3,22	0,512
Кабо-Верде	5,03	14,98	89	3,91	0,646
Кения	5,51****	20,56****	95	3,77	0,548
Коморы	4,89**	18,49**	—	—	0,503
Конго	6,22****	29,02****	—	—	0,591
Кот д'Ивуар	4,71*	20,67*	121	3,12	0,462
Лесото	12,98+	24,69+	116	3,23	0,497
Либерия	2,82**	8,11**	—	—	0,430
Мадагаскар	2,08	13,99	130	2,64	0,510
Малави	6,87*	16,33*	132	2,57	0,445
Мали	4,33*	18,22*	128	2,70	0,419
Мавритания	3,28	11,41	141	2,16	0,506
Маврикий	4,98*	20,90*	54	4,66	0,777
Мозамбик	6,71	19,03	138	2,39	0,416
Намибия	8,35****	26,19****	115	3,23	0,628
Нигер	6,77*	21,66*	—	—	0,348
Руанда	5,03	16,60	122	2,98	0,483
Сан-Томе и Принсипи	3,90*	12,30*	—	—	0,555
Сенегал	5,60****	20,72****	119	3,18	0,466
Сейшелы	3,61***	10,38***	85	4,04	0,772
Сьерра-Леоне	2,72*	15,09*	137	2,39	0,413
Судан	2,21*****	10,77*****	—	—	0,479
Свазиленд	8,63***	22,36***	120	3,18	0,531
Танзания	3,48*	17,25*	134	2,45	0,521

Окончание таблицы 1

Страна	Расходы на образование, 2013 г.		Конкурентоспособность высшего образования, 2015 г.		ИЧР, 2014 г.
	в % к ВВП	в % от гос. расходов	место в мире	балл (макс. 7)	
Того	4,83*	19,36*	—	—	0,484
Уганда	2,20	11,76	129	2,68	0,483
ЦАР	1,23***	7,82***	—	—	0,350
Чад	2,85	12,46	143	2,05	0,392
Эфиопия	4,49	27,02	—	—	0,442
ЮАР	6,05*	19,11*	86	4,04	0,666
Южный Судан	0,81***	3,93***	—	—	0,467

Источники: UNESCO Institute for Statistics, Global Competitiveness Report 2014-2015; United Nations Human Development Report, 2015.

Примечания: * данные за 2014 г.; ** данные за 2012 г.; *** данные за 2011 г.; **** данные за 2010 г.; ***** данные за 2009 г.; + данные за 2008 г.

Несмотря на высокий уровень расходов на образование в Гане, опрос, проведенный среди вузов страны, подтверждает, что государственного финансирования недостаточно, и оно отличается нерегулярностью [Ssempebwa 2013: 282].

Наиболее развитые системы высшего образования среди африканских стран у Маврикия, ЮАР, Замбии. Большинство стран замыкают рейтинг по конкурентоспособности системы высшего образования, в частности Ангола, Чад, Бурунди, Мавритания, Гвинея.

Наиболее высокий индекс человеческого развития также у стран с более развитой системой образования. ИЧР Маврикия составляет 0,777; Сейшельских Островов — 0,772. Эти страны занимают 63-е и 64-е места в мире соответственно и являются единственными на континенте, которые попали в группу стран с высоким уровнем человеческого развития. Десять стран Африки южнее Сахары вошли в группу стран со средним уровнем человеческого развития, остальные 36 стран находятся в группе стран с низким уровнем человеческого развития.

Среди важных проблем высшего образования в Африке называется также необходимость в обновлении образовательных программ, которые бы соответствовали потребностям экономики и отвечали требованиям глобального мира [Gokulsing 2011: 16].

Проблема качества и доступности высшего образования в регионе ведет к ограниченным возможностям вузов большинства африканских стран удовлетворить повышающийся спрос на получение высшего образования среди населения [Айдрус, Горшкова 2015: 47]. Такая ситуация создает условия для расширения студенческой мобильности.

В Континентальной образовательной стратегии Африки 2016—2025¹, принятой Африканским союзом в январе 2016 г., одним из 6 ведущих принципов развития образования указывается «реализация межафриканской мобильности и академической интеграции посредством региональной кооперации». Целый ряд ини-

¹ Continental Education Strategy for Africa 2016—2025. Available at: <http://www.au.int> (date of access: 15.03.2016).

циатив демонстрирует продолжающуюся эволюцию в процессе интеграции образования и научно-профессиональной среды стран Африки [Поручиков 2015: 140].

Лидером на образовательном рынке среди стран Африки к югу от Сахары является ЮАР. Преимущественно вузы данной страны и представлены в международных рейтингах университетов (табл. 2).

Таблица 2

**Вузы стран Африки к югу от Сахары в международных рейтингах
[Universities of the countries in sub-Saharan Africa in the international rankings]**

Страна	Вуз	Рейтинги		
		QS 2015/16	THE 2016	ARWU 2015
ЮАР	University of Cape Town	171	120	201–300
ЮАР	Stellenbosch University	302	301–350	401–500
ЮАР	University of the Witwatersrand	331	201–250	201–300
ЮАР	Rhodes University	501–550	—	—
ЮАР	University of Pretoria	501–550	501–600	—
ЮАР	University of Kwazulu-Natal	551–600	401–500	401–500
ЮАР	University of Johannesburg	601–650	—	—
ЮАР	North-West University	701+	—	—
ЮАР	University of the Western Cape	701+	—	—
ЮАР	University of South Africa	—	601–800	—
Танзания	University of Dar es Salaam	701+	—	—
Гана	University of Ghana	701+	601–800	—
Кения	University of Nairobi	701+	601–800	—
Уганда	Makerere University	701+	401–500	—
Нигерия	University of Ibadan	—	601–800	—

Источник: QS World University Rankings. Available at: <http://www.topuniversities.com> (date of access: 15.04.2016).

В рейтинг QS 2015—2016 г. попали 13 вузов, которые представляют 5 стран Африки: ЮАР, Танзанию, Гану, Кению и Уганду. Из 13 вузов 9 являются университетами ЮАР. В рейтинге Times Higher Education 2015 г. представлено 10 вузов из 5 стран, а в рейтинг ARWU 2015 г. попали только четыре университета ЮАР. Наиболее высокие позиции во всех рейтингах занимают три вуза ЮАР: Кейптаунский университет (University of Cape Town), Стелленбосский университет (Stellenbosch University) и Университет Витватерсранда (University of the Witwatersrand).

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СТРАНАХ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

ЮАР находится на первом месте в регионе по числу иностранных студентов. В 1999 г. в странах Африки к югу от Сахары число иностранных студентов составляло около 41,3 тыс. человек, из которых в ЮАР обучалось 34,7 тыс., то есть 84,3% всех иностранных студентов региона. В 2013 г. количество иностранных студентов в регионе достигло 74,5 тыс. человек. Наиболее популярной страной для обучения остается ЮАР, где обучается 42,4 тыс. человек (56,9% иностранных студентов региона). На втором месте по числу иностранных студентов в регионе находится Гана, здесь в 2013 г. обучалось 10,8 тыс. иностранных студентов (14,5%), далее следует Кот д'Ивуар — 7,5 тыс. (10%). Стоит отметить, что существенно выросло количество студентов, приезжающих получать высшее образо-

вание в Гану: если в 2007 г. здесь обучалось 1,9 тыс. иностранных студентов, то к 2014 г. их количество достигло уже 15,7 тыс. По доли иностранных студентов от общей численности студентов вузов в данной стране лидерами являются ЮАР (4%), Гана (3,9%) и Маврикий (3,8%).

Количество иностранных студентов, выезжающих за рубеж из стран региона, также растет: в 2000 г. их количество составляло 159 тыс. человек, на 2013 г. — 271 тыс.

На первом месте по числу выезжающих за рубеж студентов находится Нигерия (52 тыс. студентов обучались за рубежом в 2013 г.). Будучи среди крупнейших стран по численности населения, отметим, что Нигерия входит и в десятку стран мира по количеству студентов, направляющихся на обучение за границу. Треть студентов направляется на обучение в Великобританию, 23% — в Гану, 14% — в США. В Нигерии функционирует 129 высших учебных заведений, которые не в состоянии обеспечить спрос на образование: в 2014 г. из 1,2 млн абитуриентов в вузы было принято только 450 тыс. человек, остальные вынуждены были обучаться в другой стране [Adedayo 2015].

Другими крупными направляющими странами являются Камерун (19,5 тыс. студентов за рубежом), Зимбабве (15,8 тыс.), Кения (12,1 тыс.) и Сенегал (11,3 тыс.).

Для всех стран Африки южнее Сахары, кроме ЮАР и Ганы, характерен отрицательный показатель чистой мобильности, то есть количество студентов, выезжающих из данной страны для обучения за рубеж, превышает численность иностранных студентов, обучающихся в данной стране.

Наиболее популярными направлениями для обучения за рубежом являются традиционные лидеры мирового образовательного рынка, такие как США, Великобритания, Франция, Германия. Высок уровень, в том числе внутрирегиональной мобильности, в частности в ЮАР.

Многие направления для обучения обусловлены также историческим фактором, а именно связями между бывшими колониями и метрополиями, как следствие имеющими сходство систем образования и общность языка [Филиппов 2015: 205]. Прочные связи с бывшими метрополиями обусловлены и тем, что в первой половине XX в. африканские студенты были вынуждены выезжать за рубеж на обучение из-за отсутствия собственных высших учебных заведений. Например, первый вуз в Нигерии (Yaba College) появился в 1934 г. [Mngomezulu 2012: 24].

Так, студенты из португалоговорящих стран (Мозамбик, Ангола, Кабо-Верде, Гвинея-Бисау, Сан-Томе и Принсипи) предпочитают получать высшее образование в Бразилии или Португалии. Среди студентов из франкоговорящих стран (Конго, Нигер, Кот д'Ивуар, Мадагаскар и т.д.) наиболее популярным является обучение во Франции.

ЮАР НА МИРОВОМ РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Южно-Африканская Республика становится региональным образовательным центром. Четверть всех иностранных студентов (почти 11 тыс.), обучающихся в ЮАР, — из соседнего Зимбабве. Другими странами, направляющими наиболь-

шее число студентов в ЮАР, являются Намибия (2,6 тыс.), ДРК (2,6 тыс.), Лесото (2,5 тыс.), Нигерия (2,5 тыс.) и Свазиленд (2,2 тыс.).

Большое число студентов из соседних стран объясняется не только географией, но и усилиями африканских государств по развитию высшего образования. Согласно Протоколу о развитии образования и профессиональной подготовки (Protocol on Education & Training), принятому в 1997 г. странами — членами Сообщества развития Юга Африки, САДК, высшие учебные заведения резервируют не менее 5% мест для студентов из стран САДК¹. Помимо географической близости студентов из стран САДК привлекает прежде всего потенциал ЮАР для будущего трудоустройства, а также интерес к культуре.

Интерес к получению высшего образования в ЮАР наблюдается и со стороны западных стран: 1,2 тыс. студентов из США обучались здесь в 2013 г., далее следует Германия (802 человека) и Великобритания (434). Стоит отметить, что ЮАР находится на 11-м месте в списке наиболее популярных направлений для студентов из США. Для студентов из Европы и США важным фактором выбора ЮАР для обучения является более низкая стоимость жизни.

Для студентов из других африканских стран, обучающихся в ЮАР, основным фактором выбора ЮАР стали географическая близость, субсидирование обучения студентам из САДК, рост привлекательности постапартеидной Южной Африки, отсутствие стипендий на обучение за пределами африканского континента, похожая история и знакомая культура [Mda, Snyder, Nieuwenhuysen 2011: 174].

Другими значимыми факторами выбора ЮАР являются репутация вузов, подтверждаемая международными рейтингами, а также отсутствие желаемых учебных курсов в своей стране. Стоит отметить и негативные факторы, приводимые различными исследованиями, которые препятствуют расширению деятельности ЮАР в плане привлечения иностранных студентов, в частности ксенофобия и этническая дискриминация².

Одним из препятствий расширения возможностей для привлечения иностранных студентов в ЮАР является необходимость получения учебной визы (даже для непродолжительных курсов), которая в прямой форме запрещает работать в стране, то есть студенты с финансовыми трудностями не имеют возможности заработка [Kandiko 2013: 228].

Уровень выездной мобильности значительно ниже: лишь 0,6% студентов из ЮАР обучались за рубежом в 2013 г. Основными направлениями являются США, где обучались 1,7 тыс. студентов из ЮАР, и Великобритания (1,2 тыс.) — на эти две страны приходится 44% всех южноафриканских студентов за рубежом. Для обучения в других странах Африки студенты из ЮАР выбирают Маврикий, где учится 271 студент из ЮАР.

¹ SADC Protocol on Education & Training, 1997. Available at: <http://www.sadc.int/documents-publications/show/798> (date of access: 15.05.2015).

² International students love South Africa, but xenophobia could be a heartbreaker. Available at: <http://theconversation.com/international-students-love-south-africa-but-xenophobia-could-be-a-heartbreaker-41707> (date of access: 22.05.2015).

Стоит отметить расширение географии выездной мобильности. Значительно увеличилось число студентов из ЮАР в Бразилии — с 43 человек в 2009 г. до 138 в 2012 г., количество студентов в Индии увеличилось с 25 человек в 2006 г. до 208 в 2013 г. Это связано прежде всего с инициативами по развитию высшего образования в рамках БРИКС.

Однако сотрудничество с Россией и Китаем в данной сфере еще не реализовано в полной мере. Заметен интерес к получению образования в странах Персидского залива: число студентов в Саудовской Аравии увеличилось с 75 в 2011 г. до 199 в 2014 г., а в Объединенных Арабских Эмиратах — с 76 до 132 за тот же период. Другие страны, количество студентов из ЮАР в которых растет, — Канада, Куба, Нидерланды, Новая Зеландия и Швейцария.

По мнению Билла и Мелинды Гейтс, революция в образовании в будущем осуществится благодаря улучшению программного обеспечения и новых технологий [Battaglini, Haldeman, Laurans 2012]. Образовательные технологии позволят повысить доступность образования и уменьшить разницу в уровне грамотности в мире, в частности в Африке.

Кроме того, стоимость образования с использованием дистанционных технологий ниже стоимости обучения по традиционной модели. Средние затраты в государственных вузах США на курсах по традиционной модели из расчета на одного студента составили 10 тыс. долл. Использование технологий дистанционного образования позволяет снизить затраты на одного учащегося до 6,4 тыс. долл. при полностью виртуальной модели и до 8,9 тыс. долл. при смешанном обучении [Battaglini 2012: 4].

Дистанционные технологии являются оптимальным и доступным инструментом для развития образования в регионе и привлечения иностранных студентов. Большинство южно-африканских университетов уже предлагают различные онлайн-курсы.

Так, на базе Кейптаунского университета и Университета Витватерсранда реализуется проект GetSmarter, предлагающий широкий круг онлайн-курсов: более 50 программ в сфере бизнеса, финансов, маркетинга, юриспруденции, IT и других. Помимо непродолжительных курсов (как правило, 10—16 недель), на данной платформе Кейптаунский университет предлагает возможность пройти послевузовское обучение. Кейптаунский университет участвует также в проектах по распространению бесплатного образования, на платформах массовых открытых онлайн-курсов — университет предлагает краткосрочные курсы на Coursera, Future Learn.

Усилению позиций ЮАР в регионе будет способствовать сотрудничество со странами БРИКС, в рамках которого создается Сетевой университет БРИКС. Данная инициатива нацелена на расширение сотрудничества в сфере образования, формирование образовательных кластеров и подготовку квалифицированных специалистов для экономик стран БРИКС. В сферу основных направлений деятельности Сетевого университета БРИКС входят создание совместных образовательных и научных программ, расширение академической мобильности обучающихся и преподавателей [Андреева, Парфенова, Сьюлькова, Юртаев 2014: 174]. Через уча-

стие ЮАР в БРИКС страны группировки смогут расширять сотрудничество и с остальными странами Африки.

Экономическое развитие ЮАР превратило страну в образовательный центр африканского континента. В региональном масштабе ЮАР представляется одним из лидеров в сфере высшего образования в Африке, однако на мировом уровне роль страны еще незначительна. ЮАР имеет потенциал стать важным участником глобального образовательного рынка, но региональные приоритеты и африканизация образовательных программ пока ограничивают возможности интернационализации высшего образования.

В заключение отметим, что социально-экономическое развитие стран Африки к югу от Сахары не может быть обеспечено только за счет внутренних ресурсов, необходимо использовать также позитивные внешние импульсы [Родионова 2014: 165]. Международное сотрудничество африканских стран в сфере высшего образования способствует подготовке высококвалифицированных специалистов, востребованных в экономике, и интеграции государств в глобальную экономику. В этой связи особое место принадлежит ЮАР как образовательному центру региона, который является проводником в сотрудничестве других стран с Африкой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айдрус И.А., Горшкова Л.Ю. Особенности развития мирового рынка образовательных услуг на современном этапе: монография. М.: РУДН. 2015. 320 с.

Андреева О.В., Парфенова С.В., Сьюлькова Н.В., Юртаев В.И. Концепция сетевого университета БРИКС // БРИКС: сотрудничество в целях развития. Материалы IV Международной научной конференции. М.: РУДН. 2014, сс. 172—178.

Поручиков С.И. Роль Африканского союза в регулировании процессов учебно-профессиональной мобильности на африканском континенте в начале XXI в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2015. № 10 (150), сс. 137—143.

Родионова И.А., Монге Э. Проблема преодоления социально-экономической отсталости развивающихся стран на примере Танзании // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2014. № 2, сс. 158—168.

Филиппов В.М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2015. № 3, сс. 203—211.

Adedayo F.O. Recruiting from Nigeria: Market Trends and Future Potentials. ICEF Dubai Workshop, February 2015.

Battaglini T.B., Haldeman M., Laurans E. The Costs of Online Learning. Washington DC, The Thomas B. Fordham Institute, 2012. 14 p. Available at: http://edex.s3-us-west-2.amazonaws.com/publication/pdfs/20120110-the-costs-of-online-learning_7.pdf (date of access: 15.01.2016).

Bhekithemba Richard Mngomezulu Politics and Higher Education in East Africa (From the 1920s to 1970). Bloemfontein: SUN Press. 2012. 288 p.

Gokulsing D. Higher Education in the Context of Globalisation in Mauritius: An academic perspective. 2011. Available at: http://tec.intnet.mu/pdf_downloads/confpaper/conference2011/confpaper11.pdf (date of access: 01.03.2016).

Kandiko C.B., Weyers M. The Global Student Experience: An International and Comparative Analysis (International Studies in Higher Education). Routledge. 2013. 304 p.

Mamdani M. Scholars in the Marketplace: The Dilemmas of Neo-liberal Reform at Makerere University, 1989—2005. Dakar. Codesria. 2007. 316 p.

Mda T.V., Snyder I., Nieuwenhuysen J. A Home Away from Home? International Students in Australian and South African Higher Education. Monash University Publishing. 2011. 174 p.

N'dri T. Assié-Lumumba. Higher Education in Africa. Crises, Reforms and Transformation. Dakar. Codesria. 2006. 204 p.

Ssempebwa J., Ssegawa D.E. Funding Higher Education in Uganda: Making the Case for the Liberalisation of Student Fees // Funding Higher Education in Sub-Saharan Africa. Palgrave Macmillan. 2013. 372 p.

Дата поступления статьи: 10.03.2016

Для цитирования: Асмятуллин Р.Р. Страны Африки к югу от Сахары на мировом образовательном рынке: роль ЮАР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 365—374.

SUB-SAHARAN AFRICA AT THE GLOBAL EDUCATION MARKET: ROLE OF SOUTH AFRICA

R.R. Asmyatullin

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

This article is dedicated to the development of the higher education in Sub-Saharan countries, particularly to the topic of internationalization of education. Most African countries have underdeveloped education systems. The quality and availability of higher education is a formidable obstacle for economic and social development. There is a growing demand for higher education in the SSA, but national education systems can't cope fully with it.

Hence many students go abroad, mostly in other African countries. The article focuses on the position of South Africa in the global and regional education market. As it's a regional leader in this field South Africa attracts more than a half of international students within the Sub-Saharan Africa. The main reasons why African students choose South Africa are geographic proximity, familiar culture, lack of wanted higher education programs in their countries. However, there are as well disadvantages like xenophobia and race discrimination.

South Africa has become a leader in Africa in the field of higher education, but it plays still small part at a global scale.

Key words: global education market, internationalization of education, foreign students, higher education in Africa, South Africa, BRICS

REFERENCES

Adedayo F.O., 2015. *Recruiting from Nigeria: Market Trends and Future Potentials*. ICEF Dubai Workshop.

Aidrous I.A., 2015. *Osobennosti razvitiya mirovogo rynka obrazovatel'nykh uslug na sovremennoy etape: monografiya* [Peculiarities of development of the global education services market in the modern era: monograph]. Moscow, PFUR, 320 p.

Andreeva A.V., Parfenova S.V., Syul'kova N.V., Yurtaev V.I., 2014. Kontseptsiya setevogo universiteta BRIKS. [Concept of the BRICS Universities League]. *BRIKS: sotrudnichestvo v tselnykh razvitiya. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, PFUR, pp. 172—178.

Battaglino T.B., Haldeman M., Laurans E., 2012. *The Costs of Online Learning*. Washington DC, The Thomas B. Fordham Institute, 14p. Available at: http://edex.s3-us-west-2.amazonaws.com/publication/pdfs/20120110-the-costs-of-online-learning_7.pdf (date of access: 15.01.2016).

Bhekithemba Richard Mngomezulu, 2012. *Politics and Higher Education in East Africa (From the 1920s to 1970)*. Bloemfontein, SUN Press, 288 p.

Filippov V.M., 2015. Internacionalizacija vysshego obrazovaniya: osnovnye tendencii, probleme i perspektivy [Internationalization of higher education: major trends, challenges and prospects]. *Vestnik RUDN. Serija «Mezhdunarodnye otnosheniya»*, no. 3, pp. 203—211.

Gokulsing D., 2011. Higher Education in the Context of Globalisation in Mauritius: An academic perspective. Available at: http://tec.intnet.mu/pdf_downloads/confpaper/conference2011/confpaper11.pdf (date of access: 01.03.2016).

Kandiko C.B., Weyers M., 2013. *The Global Student Experience: An International and Comparative Analysis (International Studies in Higher Education)*. Routledge, 304 p.

Mamdani M., 2007. *Scholars in the Marketplace: The Dilemmas of Neo-liberal Reform at Makerere University, 1989—2005*. Dakar. Codesria, 316 p.

Mda T.V., Snyder I., Nieuwenhuysen J., 2011. *A Home Away from Home? International Students in Australian and South African Higher Education*. Monash University Publishing, 174 p.

N'dri T., 2006. Assié-Lumumba. *Higher Education in Africa. Crises, Reforms and Transformation*. Dakar. Codesria, 204 p.

Poruchikov S.I., 2015. Rol' Afrikanskogo sojuza v regulirovanii processov uchebno-professional'noj mobil'nosti na afrikanskom kontinente v nachale XXI v. [The role of the African Union in the regulation of educational and professional mobility on the African continent at the beginning of the XXI century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: gumanitarnye nauki*, no. 10 (150), pp. 137—143.

Rodionova I.A., Monge Je., 2014. Problema preodoleniya social'no-jekonomicheskoy otstalosti razvivajushhihsja stran na primere Tanzanii [Problem of overcoming socio-economic backwardness developing countries (case of Tanzania)]. *Vestnik RUDN. Serija «Mezhdunarodnye otnosheniya»*, no. 2, pp. 158—168.

Ssempebwa J., Ssegawa D.E., 2013. Funding Higher Education in Uganda: Making the Case for the Liberalisation of Student Fees. *Funding Higher Education in Sub-Saharan Africa*. Palgrave Macmillan, 372 p.

For citations: Asmyatullin R.R. Sub-Saharan Africa in the global education market: role of South Africa. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 365—374.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ О. Иго натуфе «Russian foreign policy: in search of lost influence». М.: Красанд. 2015, 297 с. (на англ. языке)

Ныгусие Кассае В. Микаэль

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Автор монографии, профессор политических наук Института Африки РАН О. Иго Натуфе, являющийся специалистом по советской и российской внешней политике, получил образование в РУДН, а также в университетах Карлтона и Макгилла (Канада), где получил степень доктора. Помимо научной деятельности он преподавал политические науки и международные отношения в университетах Канады, Ганы и Нигерии.

В книге на основании документальных данных, обширной литературы как российских, так и зарубежных авторов, исследована дипломатия СССР и России с 1980-х гг. XX в. Автором убедительно обоснованы хронологические рамки исследования. Нижнюю хронологическую веху — 1985 г. — действительно можно назвать важным рубежом в истории современной России. Именно в этом году произошли события, внесшие серьезные коррективы во внутреннюю и внешнюю стратегию Москвы, в том числе и в ее внешнюю политику.

Представленная научная работа демонстрирует высокую квалификацию ученого, способного на качественном теоретическом уровне анализировать серьезные научные проблемы. В своей монографии автор обращается к анализу геополитических и геоэкономических процессов, происходящих на пространстве СНГ, возникшем после распада в декабре 1991 г. такого крупного субъекта мировой политики, как СССР.

Ключевые слова: Россия, Африка, внешняя политика, великая держава

Монография дает читателю целостное представление об основных проблемах внешней политики России в условиях противоречивых процессов глобализации. Анализируется динамика становления нового мирового порядка, роль и место в нем России. Характеризуется оптимальная стратегия внешней политики Российской Федерации на нынешнем этапе. Формулируются основные параметры внешнеполитического измерения российской идентичности, обеспечивающие конкурентоспособность России в условиях постиндустриальной архитектуры современного мира.

В данном исследовании особое место уделяется приоритетам внешней политики России и США в бывших республиках Советского Союза. Согласно автору, как и во времена холодной войны, в современных российско-американских отношениях присутствует борьба идей, и поэтому, как свой предшественник СССР, Россия остается мишенью для НАТО.

Работа состоит из пяти глав. Первая глава рассматривает внешнюю политику Михаила Горбачева. Согласно автору, перестройка М.С. Горбачева стала причиной, приведшей к распаду Советского Союза, к сокращению дипломатического присутствия Москвы, особенно гуманитарной ее части, в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Вторая глава посвящена концептуальной основе внешней политики России после роспуска Советского Союза. Внешняя политика России, проходя через множество испытаний, постепенно изменяется и приоритетом становится расширение международного сотрудничества, не ограниченное идеологическими рамками.

В третьей главе «Борьба за влияние на постсоветском пространстве» исследуется соперничество между Россией, США и Китаем в так называемом «постсоветском пространстве». Большинство этих государств являются членами СНГ, Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) во главе с Россией. Несмотря на это, Китай и США систематично вошли в зону, где лежат жизненно важные интересы России, бросая ей вызов.

Четвертая глава посвящена конфликту на Украине, в результате которого соперничество между Западом во главе с США с одной стороны и Россией с другой вступило в острую фазу. Смещение президента В. Януковича автор считает государственным переворотом, организованным США и их европейскими союзниками. По вопросу присоединения Крыма к РФ после референдума 16 марта 2014 г. мнение автора совпадает с взглядами западных политиков, которые считают этого мероприятие аннексией.

В пятой главе «Вместо заключения» рассматриваются проблемы, стоящие перед Россией в ее стремлении к восстановлению своего влияния на международной арене. Автор пишет, что ведущая к распаду Советского Союза в 1991 г. горбачевская политика, основой которой являлись перестройка, гласность и программа нового мышления, стала и причиной для демонтажа влияния Советского Союза, особенно в Африке, Азии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке. В результате десятки советских культурных центров были закрыты, российская авиалиния, Аэрофлот, прекратила свои услуги в большинстве стран в этих регионах. В итоге Россия — государство-преемник Советского Союза — потеряла важные аспекты своей дипломатии мягкой силы в вышеуказанных регионах. С уходом Москвы из Африки Китай, США, Индия и Бразилия упрочили свои позиции в Африке. В этой связи Москве придется много и упорно трудиться, чтобы вернуть себе статус и влияние.

Монография может стать дополнительным источником информации для политиков, государственных и общественных деятелей, специалистов, а также преподавателей и студентов, изучающих вопросы мировой политики, мировой экономики и международных отношений.

Дата поступления рецензии: 12.03.2016

Для цитирования: *Ныгусие Кассе В.М.* Рецензия на монографию О. Иго Натуфе «Russian foreign policy: in search of lost influence» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 375—377.

**REVIEW OF THE BOOK:
Natufe Igbo, 2015. “Russian foreign policy:
in search of lost influence”, Moscow, Krasand, 297 p.**

Nigusie Kassae B. Mikael

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

The author of the monograph, Professor of Political Science of the Institute of African Studies O. Igo Natufe, is a specialist in Soviet and Russian foreign policy. He was educated at the Peoples' Friendship University, as well as at Carleton and McGill Universities (Canada), where he received a doctorate. In addition to the scientific work, he taught political science and international relations at universities in Canada, Ghana and Nigeria.

His book is based on documentary evidence, on the vast literature of both Russian and foreign authors about Russian diplomacy since the 1980s. The author convincingly proved the chronological framework of the study. Lower chronological milestone — 1985 — can truly be called an important milestone in the history of modern Russia. That was the year the event took place, which have made major adjustments to the internal and external strategy of Moscow, including its foreign policy.

The presented research work demonstrates the highly quality of the researcher, analyzing the qualitative theoretical level serious scientific problems. In his monograph, the author refers to the analysis of geopolitical and geo-economic processes taking place in the CIS which has arisen after the collapse in December 1991 of a major actor in world politics, as the USSR.

For citations: Nigusie Kassae B.M. Review of the book: Natufe Igbo, 2015. “Russian foreign policy: in search of lost influence”. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 375—377.

© Ныгусие Кассе В. Микаэль, 2015

НАШИ АВТОРЫ

Амухая Клэр — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032158388@pfur.ru)

Асмятуллин Рамиль Равильевич — аспирант кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: asmyatullin_rr@pfur.ru)

Бакаре Илесанми Абиодун — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: bakareilesanmi@gmail.com)

Бокерия Светлана Александровна — к.ю.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: bokeria_sa@pfur.ru)

Корендясов Евгений Николаевич — к.э.н., заведующий Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН (e-mail: ekorendyasov@yandex.ru)

Кулькова Ольга Сергеевна — к.и.н., научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН (e-mail: kulkova-olga@yandex.ru)

Маилян Бениамин Викторович — к.и.н., доцент кафедры всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского (Славянского) университета (e-mail: mailyan1968@gmail.com)

Морумбаси Стивен Киген — PhD (доктор философии), преподаватель Технического университета Кении (e-mail: smorumbasi@tukenya.ac.ke)

Ндакисса Онкасса (Габонская Республика) — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ndakissaonk@yahoo.fr)

Ныгусие Кассе В. Микаэль — д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kassae_nv@pfur.ru)

Омо-Огбебор Осасуйи Деннис — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032124386@pfur.ru)

Пономарев Николай Владимирович — аспирант кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России (e-mail: nikolai.ponomarev@gmail.com)

Сагиндиков Рустем Елеусинович — докторант кафедры истории России Российского университета дружбы народов (e-mail: russag@yahoo.com)

Сануси Хадж Ахмед — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: hajjsanusi@yahoo.com)

Тафотье Джерри Роулингс — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: jerryrowllings@yahoo.fr)

Тшиака Ольга Вумби — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chiagueth@yahoo.com.br)

Усов Вячеслав Александрович — к.и.н., научный сотрудник Института Африки РАН (e-mail: usovva@mail.ru)

Хассимиу Барри — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: ronedg12@yahoo.fr)

Юртаев Владимир Иванович — д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: yurtaev_vi@pfur.ru)

Ян Сумэй — д.и.н., профессор Института иностранных языков Хэнаньского Университета (email: ysmhd314@126.com)

OUR AUTHORS

Amuhaya Claire — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: 1032158388@pfur.ru)

Asmyatullin Ramil Ravilevich — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: asmyatullin_rr@pfur.ru)

Bakare Ilesanmi Abiodun — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: bakareilesanmi@gmail.com)

Bokeriya Svetlana Alexandrovna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: bokeria_sa@pfur.ru)

Chiaka Olga Wumbi — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: chiagueth@yahoo.com.br)

Korendyasov Evgeniy Nikolaevich — PhD in Economics, Head of the Center for the Study of Russian-African relations and foreign policy of the African countries of Institute for African Studies of RAS (e-mail: ekorendyasov@yandex.ru)

Kulkova Olga Sergeevna — Phd in History, researcher at the Center for the Study of Russian-African relations and foreign policy of the African countries of Institute for African Studies of RAS (e-mail: kulkova-olga@yandex.ru)

Mailyan Benjamin Viktorovich — Phd in History, Associate Professor of the Department of world history and foreign regional studies of Russian-Armenian (Slavonic) University (e-mail: mailyan1968@gmail.com)

Morumbasi Steven Kigen — PhD in Philosophy, lecturer at The Technical University of Kenya (e-mail: smorumbasi@tukenya.ac.ke)

Ndakissa Onkassa — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: ndakissaonk@yahoo.fr)

Nigusie Kassae B. Mikael — Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: kassae_nv@pfur.ru)

Omo-Ogbebor Osasuyi Dennis — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: 1032124386@pfur.ru)

Ponomarev Nikolay Vladimirovich — post-graduate student of the Department of Applied Analysis of international problems MGIMO (U) MFA Russia (e-mail: nikolai.ponomarev@gmail.com)

Sagindikov Rustem Eleusinovich — doctoral student of the Department of Russian history of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: russag@yahoo.com)

Sanusi Hajj Ahmed — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: hajjsanusi@yahoo.com)

Tafotie Jerry Rowlings — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: jerryrowlings@yahoo.fr)

Usov Vyacheslav Alexandrovich — Phd in History, scientific researcher at Institute for African Studies of RAS (e-mail: usovva@mail.ru)

Hassimiu Barry — post-graduate student of the Department of Comparative Politics of the People's Friendship University of Russia (e-mail: ronedg12@yahoo.fr)

Yurtaev Vladimir Ivanovich — Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the People's Friendship University of Russia (e-mail: yurtaev_vi@pfur.ru)

Yang Sumei — Doctor of History, Professor of Institute of foreign languages of Henan University (email: ysmhd314@126.com)

**ИНФОРМАЦИЯ ОТ РЕДАКЦИИ ВЕСТНИКА РУДН.
СЕРИЯ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
ДЛЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ АВТОРОВ**

Вестник РУДН, серия «Международные отношения» — это ведущий российский научный журнал РУДН по международным отношениям, созданный в 2001 г. Журнал включен в Перечень изданий, рекомендованных ВАК для опубликования результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный англоязычный дайджест журнала рассылается по ведущим мозговым центрам мира по международным отношениям, входящим в рейтинг «Global Go To Think Tanks» Университета Пенсильвании.

Редакция журнала принимает к печати ранее не публиковавшиеся работы, при этом приоритет отдается следующим материалам:

1) статьям, соответствующим тематической направленности номеров журнала. Тематический портфель на 2016 г. следующий:

№ 3 2016	Международные конфликты и устойчивое развитие	До 15.06.2016
№ 4 2016	Иран и Индия в системе международных отношений	До 15.09.2016

2) статьям на английском языке. Журнал является двуязычным, и редакция заинтересована в повышении доли статей на английском языке;

3) статьям с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений;

4) статьям, соответствующим постоянным рубрикам журнала, — «Мир и безопасность», «Международные экономические отношения», «Двусторонние отношения», «Прикладной анализ», «История международных отношений», «Международное образовательное сотрудничество», «Политические портреты», «Рецензии».

Правила предоставления рукописей размещены на сайте vestnik.rudn.ru (в связи с переходом на редакционные стандарты, совместимые со Scopus, с ноября 2015 г. изменились правила).

При несоблюдении требований к правилам предоставления рукописей они возвращаются на доработку до прохождения процедуры рецензирования.

Каждая рукопись в обязательном порядке направляется редакцией на «двойное слепое» рецензирование, результаты которого пересылаются автору в течение 2—3 недель.

Рукописи принимаются только по электронной почте на имя Ответственного секретаря серии Константина Петровича Курылева по адресу: interjomalrudn@pfur.ru с пометкой «Для публикации» в теме письма.

Потенциальных авторов приглашаем направлять развернутые тезисы на 2—3 страницы с изложением цели, гипотезы и методологии исследования, представлением его будущей структуры, или полноценные, завершённые статьи.

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS. AUTHOR GUIDELINES 2015—2016

RUDN University and Vestnik RUDN. International Relations. RUDN University is one of the top Russian universities and the leader in terms of students body internationalization across the CIS and the BRICS countries (the students represent more than 150 countries of the world). Central IR scientific edition of the University — Vestnik RUDN. International Relations (published since 2001) — has also international dimension. What we focus most on are pressing global issues and the history of international relations, foreign policy and diplomacy, regional security in Asia, Africa and Latin America, the «North-South» relationship and cooperation within BRICS, SCO and CIS, as well as international academic cooperation.

Our authors. Our authors are known Russian scholars of international affairs who represent leading metropolitan and regional universities, as well as institutes of Russian Academy of Science, and also experts from foreign countries, including those from the top European and Asian universities. Many authors of the Bulletin — postgraduates and young researchers of PFUR — have come from the CIS countries, Asia, Africa and Latin America, who explore foreign policy issues of their states and add their local/nationspecific perspective in addressing current global issues.

Thematic scope. Each issue of the Bulletin has specific thematic scope. Upcoming issues of the Bulletin will deal with the following issues:

№ 3 2016	International Conflicts and Sustainable Development	till 15 September 2016
№ 4 2016	Iran and India in the International System	till 15 Oktober 2016

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the journal and on the rules of submitting manuscripts, visit vestnik.rudn.ru

Manuscripts are to be submitted via e-mail: interjournalrudn@pfur.ru to Konstantin Petrovich Kurylev marked “for publication” in the subject line.

Prospective authors are welcome to send detailed abstracts (2—3 pages) outlining the purpose, methodology and hypothesis of the study, his view of the future structure, or complete, finalized papers.

Editors of Vestnik RUDN. International Relations

**АФРИКА: ВЫЗОВ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО:
Ежегодник-2016 : сб. статей / под ред. Н.С. Кирабаева,
Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаева, Е.А. Долгинова. —
Москва: РУДН, 2016**

Очередной выпуск ежегодной серии «Африканские исследования», подготовленный с участием ученых-африканистов РУДН и Института Африки РАН, Института востоковедения РАН, посвящен актуальным проблемам современного социально-политического и экономического развития стран Африки в контексте вызовов глобализации. В центре внимания находится проблема вызова постколониального будущего, поиска путей достижения целей глобального развития человечества, стратегического взаимодействия и интеграции на Африканском континенте, включая партнерство в рамках Объединения БРИКС. Специально рассмотрены такие проблемы, как участие России и СССР в борьбе за сохранение суверенитета Эфиопии, роль Мальты в разгроме немецко-фашистских войск, проблема личного лидерства в исламе, возможные направления сотрудничества России и Египта в сфере изучения и добычи природных ископаемых.

Среди ключевых работ:

Шубин В.Г. Война в Огадене: взгляд из Москвы

В статье на основе воспоминаний участников событий дается ретроспективный анализ вооруженного конфликта на Африканском Роге, известного как «война в Огадене». Рассматривается процесс установления контактов между Москвой и Аддис-Абебой после прихода к власти нового руководства Эфиопии, позиция СССР и участие советских военных в оказании помощи Эфиопии. Автор обосновывает как важнейшую роль внутренних и региональных факторов и сил в конфликте и опровергает мнение о том, что действия Москвы должны оцениваться прежде всего в рамках «холодной войны».

Ключевые слова: «Война в Огадене», Эфиопия, Сомали, СССР, Куба, советская военная помощь.

Шпаковская М.А., Чжэн Цзелань. Политика Китая в отношении ЮАР

Авторы статьи изучают эволюцию отношений двух государств с момента установления дипломатических отношений между ними в 1998 г. В статье исследуются политические и экономические аспекты сотрудничества между Пекином и Преторией в контексте формирования многополярной системы международных отношений. Авторы приходят к выводу, что достигнутый уровень отношений между двумя государствами меняет их место и роль в формирующемся многополюсном мире, превращая их в глобальных игроков на мировой арене.

Ключевые слова: КНР, ЮАР, БРИКС, африканские страны, развивающиеся страны, международное сотрудничество, многополярная система международных отношений.

А также:

Лошкарёв И.Д., Ивкина Н.В. Отношения Беларуси и стран Африки на современном этапе: истоки и тенденции

Айдрус И.А. Торговое и инвестиционное сотрудничество стран ССАГПЗ и Африки (на примере Бахрейна)

Дейч Т.Л. Африканская политика Китая в свете решений Йоханнесбургского саммита ФОКАК

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Июнь 2016, том 16, № 2

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Международные отношения»:
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, 117198
Тел.: (495) 433-03-98
e-mail: interjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 26.09.2016. Выход в свет 06.10.2016. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 24,18. Тираж 500 экз. Заказ № 434

Цена свободная.
Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

**VESTNIK RUDN.
International Relations**

June 2016, Vol. 16, Number 2

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Tel. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board

Vestnik RUDN. International Relations:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Tel. +7 (495) 433-03-98
e-mail: interjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20824

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Международные
отношения»

Количество
комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20824

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Международные отношения»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	руб. ___ коп.		

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
